ВЯЧЕСЛАВ КЕЛЬВИН
ШТОРМ

Вячеслав Кельвин
Шторм

https://litres.ru/73768494
SelfPub; 2026

Аннотация

«Доверяй только дозиметру. И то не всегда…»

Кто написал это на стене убежища? Тот, кто уже не вернулся? Тот, кто понял главный закон нового мира?

Мир умер пять лет назад. А потом пришёл Шторм — и остался. Навсегда. Он гуляет над мёртвым городом, несёт радиоактивный пепел, диктует когда можно выйти наружу и когда лучше не высовываться вообще.

Те, кто выжил и остался свободным, зовут себя крысами. Они выходят наружу в промежутках между Штормами, ползают по руинам в поисках еды и ресурсов, и возвращаются в подвалы, где их ждёт Семья.

Можно научиться жить без солнца. Можно привыкнуть к пеплу и радиации. Но невозможно привыкнуть к тому, что однажды твой маленький мир перестаёт быть тайной для того, кто ищет то, что есть только у вас.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	37
Глава 3	53
Глава 4	66
Глава 5	86
Глава 6	101
Глава 7	118
Глава 8	139
Глава 9	160
Глава 10	176
Глава 11	202
Глава 12	222
Глава 13	243
Глава 14	260
Глава 15	281
Глава 16	296
Глава 17	311
Глава 18	326
Глава 19	342

Вячеслав Кельвин
Шторм

Пролог

Город умер тихо.

Он не рухнул в один миг под огненным дождём в свете раскрашенного во все цвета радуги неба.

Он не распался из-за паники и мародёрства первых недель.

Он не развалился под ударами ракет расколовшейся на несколько группировок армии.

Он замер, выдохся, истёк последними каплями жизни из разорванных артерий коммуникаций позже.

Вначале остановились часы на вокзале, навсегда застыв на без пятнадцати семь. Замолкли светофоры, их стеклянные глаза потухли. В аквариумах супермаркетов, где когда-то плавала рыба под присмотром камер, теперь плавала тишина, густая и тяжёлая, как сироп.

Он стоял — гигантский, многоэтажный скелет. Окна зданий зияли чёрными провалами, выбитые ещё в первые дни великой паники. Витрины аптек и магазинов были разграблены до голого бетона. Всё, что могло гореть, сгорело в пер-

вые холодные ночи. Всё, что могло питать, было съедено. Остались лишь остовы: каркасы машин, брошенные на перекрёстках в вечных пробках смерти; скелеты автобусов с распахнутыми дверями; горы мусора, который уже никто не убирал.

Воздух был неподвижен. В нём висела пыль былых пожарищ и сладковато-гнилостный запах — не сильный, но вездесущий, как намёк. Город не разлагался — он мумифицировался под холодным, безразличным небом.

В первые месяцы, спасаясь от разгула преступности, многие пытались уйти. Город казался ловушкой. Шли на восток, к дачным посёлкам, на юг, к лесам, веря, что за чертой мегаполиса воздух будет чище, земля — щедрее, а озверевших людей — меньше. И поначалу так и было. Ветер тогда был просто ветром, а в небе, пусть и задымлённом, ещё можно было различить солнце.

И тогда пришёл Шторм.

Сначала просто дуновение, шелест бумаги по асфальту. Потом порывы ветра, завывающие в туннелях улиц-каньонов, стали злее. Через день он окреп. Это уже был не ветер — это было дыхание. Глубокое, протяжное, пришедшее с севера, из тех мест, куда больше не ходили поезда.

Он играл с тем, что осталось. Легковушку, ржавевшую на обочине, он перевернул, как игрушку. Рекламный щит с улыбающейся семьёй, висевший на последних цепких болтах, сорвал и швырнул в стену, разбив в мелкую разноцветную

крошку. Фонарные столбы, обгоревшие и уже подточенные ржавчиной, гнулись и падали со звонким, жалобным скрежетом. Город, который не могли разрушить ни хаос, ни время, начал разбирать по частям невидимый великан.

А в его щелях ещё копошилась жизнь.

Одиночки и мелкие группы, те, кто не ушёл под землю, в метро, или не успел в бункеры, прятались в подвалах, на средних этажах, в коробках разрушенных магазинов. Таких было много. Очень много.

Они слышали, как город скрипит на изломе. Как с крыш падают плиты. Как ветер воет в вентиляционных шахтах, обещая что-то.

Один из них — парень в кожаной куртке поверх трёх свитеров — рискнул выйти на крышу своего убежища, старой школы, за припасами, спрятанными в вентиляционном коробе. Ветер подхватил его у самого люка. Не сбросил — просто поднял, протащил несколько метров по бетону и прижал к парапету. Он в ужасе цеплялся пальцами за бетон, чувствуя, как воздух вырывается из лёгких, а куртка хочет превратиться в парус и унести его в небо. Ветер бросил, вжал тело в выступ края крыши. Он пролежал так, прикованный невидимой силой, два часа, пока ветер не сменил направление и не отпустил. Он прополз обратно в люк на четвереньках с осознанием: выходить в Шторм наверх — верная смерть.

Так и было.

Шторм настиг большинство беглецов из города в чистом поле, на просёлочной дороге, в лесу. В их шалашах, деревянных укрытиях, землянках. Там не было железобетонных стен, чтобы укрыться. Не было надёжных подвалов. Только бескрайнее, плоское ничто, по которому ветер, набравший ярость в каменных каньонах города, нёсся со скоростью поезда. Он валил деревья, сбивал с ног, подхватывал и швырял людей, как тряпичные куклы, вырывал с корнем деревья, под которыми те пытались спрятаться.

Шторм бушевал три месяца. А затем стих.

Через три дня лёгкий ветер принёс всем подарок.

Сначала это казалось дымом далёкого пожара. Небо, и без того серое, потемнело до цвета свинца. Воздух стал густым, сбивающим дыхание. А потом пошёл снег. Только это был не снег.

Пепел.

Мелкий, сухой, невесомый. Он сыпался с неба ровной, бесконечной пеленой. Он не таял. Он ложился на всё: на крыши, на плечи статуй, на пустые глазницы окон. Он забивался в щели, хоронил под собой остовы машин, превращал улицы в призрачные русла белого пыльного потока.

И с ним пришёл новый звук. Тихий, едва уловимый шелест. Миллиарды частиц, трущихся друг о друга. Звук вечного падения.

Трое выживших в подвалах бывшего ресторана решили, что это спасение. Ведь это же пепел! Он падал без завывания

Шторма! Как снег! Они высыпали на улицу, подняли лица к небу, протянули руки, чтобы поймать хлопья.

Через два дня у них пошла кровь из дёсен. Через пять — выпали волосы клочьями. Они умерли тихо, кашляя в темноте своего логова, не понимая, что их убило не голодное прошлое, а будущее. Будущее, которое пришло с ветром и осело в их лёгких.

Шторм вздохнул. Протяжно, громко. И вновь задул. Но уже без прежней силы.

Он стёр с лица города последние намёки на цвет. Он отполировал стены до бледного, матового блеска. Он засыпал нижние этажи, превратив их в склепы, а улицы — в лабиринты между белыми дюнами. Он принёс с собой не просто разрушение. Он принёс закон.

Шторм показал, что отныне мир будет делиться на «до» и «после» не по календарю, а по сезонам. Сезон тишины. Штиль. Сезон ветра. Шторм. И сезон пепла. Шорох.

Когда Шторм ушёл, отдышавшись где-то на окраинах, город предстал преображённым. Не разрушенным сильнее — другим. Чистым в своём новом, стерильном уродстве. Однотонным. Молчаливым. Окончательно мёртвым.

На одной из засыпанных улиц из груды пепла торчала чья-то рука в перчатке. Застывшая, направленная в небо. Последний жест протеста или вопрос. Ветер, уже лёгкий и спокойный, шевелил обтрёпанные края ткани.

Он не получил ответа. Только новый виток пепла, сорвав-

шийся с карниза, медленно засыпал ладонь, хороня её под белым, безразличным саваном.

Первый Штиль, вперемежку с порывами ветра, длился месяца четыре, а затем…

Затем грянул Дождь. Он лил неделями. Не вода — разбавленная кислота. Она смывала с крыш и асфальта всю накопленную за месяцы грязь, копоть, невидимую отраву. Ручьи, в которые падали эти дожди, закипали пузырями. Листва на уцелевших деревьях за считанные часы превращалась в бурое кружево. А те, кто всё-таки выжил в лесах, полях, укрывался в укреплённых землянках… Они узнали правду первыми.

После этого уже почти никто не пытался уйти из города. Потому что стало ясно: город — это не просто тюрьма. Это — тюрьма, способная защитить от Шторма, радиации и кислотных дождей, с разбросанными то тут, то там припасами и снаряжением из прошлой жизни. А всё, что лежало за его пределами и не имело несколько метров бетона над собой, — не спасение, а огромная, открытая всем ветрам и дождям ловушка…

Так началась новая эра. Эра, в которой выжить — уже не значит спрятаться только от людей. Значит — спрятаться ещё и от неба.

Глава 1

Доверяй только дозиметру. И то не всегда…

Девять недель.

Шестьдесят три дня.

Пятый Шторм продолжался тысяча пятьсот двенадцать часов, если верить светящимся в темноте часам, которые Матвей заводил каждое утро, как будто это имело значение.

Светящиеся стрелки старых часов отмеряли время, не имеющее никакого значения, кроме одного — оно приближало их к концу. К концу запасов, к концу сил, к концу чего-то, что ещё можно было назвать надеждой.

Это был пятый по счёту Шторм в их новом мире, третий — в этих стенах. Девять недель из нескольких месяцев, которые мог бушевать яростный ветер, несущий смерть с севера. Девять недель карантина от собственной планеты.

Матвей думал о тех, у кого не было такого убежища. О тех, кто прятался в промёрзших квартирах или сырых подворотнях, не имея ни запасов, ни фильтров. Шторм был великим уравнителем — он убивал всех, кто не смог закопаться достаточно глубоко. Но смерть приходила по-разному: одних сметала в первые часы, других медленно душила радиоактивной пылью, просачивающейся сквозь щели, третьих —

тихо, от голода, в темноте. Кого-то заливала кислотным дождём. А самых стойких косила последними.

Он задумался о своём подвале и тех, кто в нём прятался. Они, сидя в своей «консервной банке», были лишь немного ближе к концу смертельной очереди.

Матвей вздохнул полной грудью.

Воздух в подвале был густым, как кисель. Даже работающие на износ фильтры не могли вытянуть из него ощущение спёртости — запах страха, въевшегося пота, химической пропитки костюмов и сладковатого дыма от охапки щепок, лежащей неподалёку.

Но главным был звук. Низкий, монотонный гул за стенами. Он вибрировал в бетоне, отдавался в зубах, стучал в висках. Это был голос нового мира, и он говорил только одно: «Сиди. Не высовывайся. Ты — ничто».

Иногда к гудению добавлялся леденящий душу металлический скрежет — где-то снаружи отрывался и улетал в небытие лист кровли или падала вывернутая с корнем ферма. Каждый такой звук заставлял вздрагивать и подсознательно поднимать глаза к потолку.

И под этот нескончаемый аккомпанемент продукты в подвале, превращённом в убежище, таяли на глазах, превращаясь в призраки былых запасов. Мутная баланда из перловки, растягиваемой до состояния тёплой слизи, выдавалась по ложкам. К ней полагался стакан кипятка, подкрашенный чем-то жухлым и бледным — ростками из их крошечного

подземного «огорода», выращенными под тусклым светом фитоламп. Эти ростки, не решившиеся стать зелёными, казались карикатурой на жизнь. И даже это скудное месиво было на исходе. Все обитатели медленно превращались в тени, теряя очертания в полумраке, экономя каждое движение.

На шестьдесят четвёртый день что-то изменилось. Матвей проснулся от непривычной тишины. Сперва он не понял, что случилось. Мозг, настроенный на постоянный низкочастотный гул, отчаянно искал его в тишине и не находил. Тревога оказалась острее самого шума. Чего-то не хватало. Оглушительно не хватало. Шторма. Его нескончаемого завывания.

Он прислушался. Тишина. Он лежал, ожидая, что вот-вот, сейчас раздастся гул Шторма. И звук пришёл. Только рокот. Завывание. Где-то недалеко упало что-то тяжёлое. Не на землю. На бетон. Обвал? Гроза в «чёрной» зоне. После рокот стал удаляться. А потом — опять тишина.

Заныла стопа. Это началось недавно. Надо больше двигаться. Он пошевелил пальцами ног, разгоняя кровь, пошевелил ногой. Боль отступила.

Он разбудил Жору — не для разговоров, а чтобы иметь свидетеля. Чтобы второй человек подтвердил: это не галлюцинация, не сон. Это — тишина. Хрупкая, звенящая, невероятная.

Жора открыл глаза мгновенно, без потягиваний и стонов. Взгляд был чистым и острым, будто он и не спал. Так просыпаются те, кто давно разучился спать по-настоящему. А мо-

жет, он просто не спал.

Подкинув щепки в жадное жерло буржуйки, они, кутаясь в одеяла, прошли мимо дремлющего на посту у внутренней двери Семёна. Он спал, прислонившись к стене, с обрезом на коленях — живое воплощение усталой бдительности. Разбудить его сейчас значило вызвать лишние вопросы и суету. Пока — тишина была их тайной.

— Может, хоть маски оденем? — хрипло прошептал Жора в темноте коридора, и его голос звучал как скрип ржавой двери. Голос человека, который разучился говорить громко. Его лицо в отблесках от самодельного светильника казалось измождённой маской.

— Я по-быстрому, гляну в перископ и обратно. Ты в «жёлтой» постой, на всякий. Сам знаешь, как Семён трясётся из-за правил, — так же тихо ответил Матвей. Его собственный голос звучал непривычно, будто он долго не говорил.

Жора кивнул, и его кадык резко дёрнулся вверх-вниз. Он сглотнул не ком, а всю свою привычную осторожность, сделав этот кивок соучастником. Они и стали соучастниками. Двое, рискнувших проверить тончайшую грань между надеждой и новой опасностью.

Длинный бетонный коридор с его слепыми дверями навевал клаустрофобию даже после продолжительного заточения. В конце его виднелась массивная металлическая дверь в «жёлтую» зону. Напротив, на стене, висел пожарный щит — анахронизм из прошлой жизни. На нём, как священный ар-

тефакт, покоился ломик. Жора снял его одним плавным движением, как будто брал не ломик, а снимал дробовик со стены. Вес в руке заставил его плечи расправиться на несколько сантиметров — этот холодный кусок стали был понятнее и честнее любой человеческой речи.

Матвей щёлкнул выключателем. Тусклый свет лампочки в решётке озарил небольшой предбанник. Он осторожно откинул щеколду и приподнял тяжёлый смотровой лючок в двери. Глаза, привыкшие к полутьме, щурились от света. За дверью лежала знакомая «жёлтая» комната — переходная камера с вешалками для костюмов, со скамьями вдоль стен и металлическим столом, вмонтированным в пол.

— Чисто. Заходим в «жёлтую», — прошептал он, и они вдвоём, приложившись к массивным засовам, бесшумно впустили себя в следующую клетку.

Дверь за собой закрыли. Воздух здесь пах уже иначе — резче, химически. Следующая дверь, ведущая в «серую» зону, была окрашена в тускло-серый цвет. Вместо смотрового лючка — только глазок. Матвей подошёл к щитку у двери, включил свет в «серой», прильнул к холодному стеклу, задержав дыхание, изучая, что происходит в следующей комнате. Долгая минута вглядывания в пустоту. Ни теней, ни движения. Ничего опасного.

— Всё спокойно, — выдохнул он и начал отщёлкивать тяжёлые механические замки. Взял с полки маленькую рацию, прошёл вглубь.

Жора остался в «жёлтой», закрыл за Матвеем дверь. Прильнув к глазку, следил за каждым движением напарника в «серой» комнате.

«Серая» комната встретила Матвея ледяным, неподвижным воздухом. Здесь пахло пылью, ржавчиной и чем-то неопределённо едким от бочки с раствором для дезактивации. Он пересёк комнату, стараясь не шуметь, и подошёл к своей цели — стальной трубе перископа, уходящей в потолок. Ритуал начался.

Он схватился за знакомый, отполированный руками тросик механизма очистки внешней линзы. Резко дёрнул вниз, до самого пола. Тросик, шипя, ушёл в трубу, а затем, с ленивым противодействием пружины, медленно пополз обратно. Матвей повторил действие ещё три раза — три долгих, скребущих звука в тишине. Скрежет-шипение-тишина. Скрежет-шипение-тишина. Это был молитвенный жест, попытка стереть пелену между ним и миром.

Затем он вцепился в ручки самого перископа, прижал лоб к мягкой резине окуляра. Сперва — показалась только мутная темнота. Сердце ёкнуло. Забито наглухо? Он медленно повернул фокусное кольцо, заставляя линзы внутри скрипеть от напряжения.

И мир проступил сквозь муть.

Сперва размытые пятна. Поток света, неяркого, грязно-жёлтого. Очертания. Не полная темнота, не сплошная пелена летящего пепла. Он увидел двор. Засыпанный, белесый,

но — чёткий. Видел скелет гаража, неподвижный. Видел стену соседнего дома. И над всем этим — неподвижное, тяжёлое, бурое небо.

— Ну что там? — донёсся приглушённый, напряжённый шёпот Жоры в рации.

Матвей ответил не сразу. Он вглядывался, впитывая картинку, боясь, что она исчезнет, что это мираж от усталости и голода. Он искал хоть малейшее движение, хоть намёк на привычный ураган. Ничего. Тишина визуальная. Тишина звуковая. Тишина абсолютная.

— Стихло, — наконец пробормотал он, и его губы, прижатые к резине окуляра, исказили слова. — Пепел… почти не летит. Оседает.

— Что?! — в рации и за дверью послышалось резкое движение.

Матвей оторвался от перископа. Мир вокруг поплыл, глазам было непривычно от резкой смены масштаба. Он обернулся к щели в двери, за которой находилось напряжённое лицо Жоры. И вдруг, сквозь оставшуюся в ушах тишину, прорвалось что-то давно забытое. Не надежда даже. Её предвестие. Острая, колючая щепотка возможности.

— Стих Шторм! — прошептал он уже громче, и в его голосе прозвучала первая за полторы тысячи часов трещинка, сходная с радостью.

Но привычка, вбитая опытом, сработала быстрее. Он резко повернулся к стене, к прибитому на уровне глаз уличному

дозиметру. Его стрелка, обычно дёргающаяся в такт помехам, замерла. Упрямо, почти нахально, указывала на начало жёлтого сектора. Стабильно. Без скачков.

— На улице жёлтый уровень. Стабильный жёлтый, — доложил он, держа рацию у щеки, и теперь в словах была уже не трещинка, а плотина, готовая рухнуть.

Раздался скрип замков. Дверь «жёлтой» приоткрылась. В проёме встала фигура Жоры. Ломик он уже опустил. На его обветренном, заросшем щетиной лице медленно, будто против воли, расползалась улыбка. Не широкая, не радостная. Усталая, иссечённая морщинами, но — самая настоящая. Улыбка человека, увидевшего в кромешной тьме не свет, а просто — светлую прореху.

Матвей встретился с ним взглядом и кивнул, чувствуя, как каменная тяжесть на плечах вдруг стала легче.

— «Крысам» пора на промысел! — торжественно объявил он.

Жора радостно кивнул головой. В его коренастой, застоявшейся за месяцы бездействия фигуре что-то дрогнуло и распрямилось. Он потянулся, и кости захрустели в предчувствии выхода. Теперь он был похож на большого коня-тяжеловоза, которого слишком долго продержали в стойле, — мышцы под грубой тканью играли в нетерпении, весь его вид говорил об одном: пора на волю, пора двигаться, тянуть свою лямку сквозь пепелища. Эта энергия, сжатая в кулак за время заточения, теперь требовала выхода.

— «Крысам» пора на промысел! — подхватил он. — Надо пополнять запасы!

Они и были «Крысами». Самые крепкие, самые безрассудные. Или просто те, кому не вынести духоты бетонной норы — кому требовался простор, пусть и смертельный. Кто умел читать язык руин: где проход безопасен, а где плита готова рухнуть. Как подняться на верхние этажи и как оттуда спуститься. Как не только найти ресурсы, но и суметь их донести. Чьей добычей становились не только продукты, но и шанс для Семьи прожить ещё неделю. Месяц. Ещё один Шторм.

«Крысы»… Жора уже разворачивался к коридору, но Матвей на секунду замер. В воздухе «серой» комнаты что-то изменилось — или, скорее, что-то вернулось. Едва уловимый запах пепла, холодного железа и ещё чего-то, чему он так и не нашёл названия. Запах мира после первого Шторма. Запах первого Штиля… Его собственный первый выход, когда он ещё не был «Крысой», а был просто Матвеем, который ещё верил, что стыд и жалость — это что-то ценное…

Это было до того, как он очутился в семье Петровича, до того как он попал к «Штыкам». Судьба прибила его к группе, у которой хватило сил и знаний, чтобы забиться поглубже и пересидеть первый Шторм. Они жили на окраине города, в подвале ТЭЦ.

Его взяли лутать гаражи поблизости. Всего лишь гаражи в каком-то товариществе, которое ещё не успели разграбить

до основания. Матвей, тогда ещё наивный, шёл с Мишей, старшим. Он был учителем, проводником и судьёй в одном лице. За его спиной уже было несколько десятков вылазок.

— Слушай не ушами. Кожей, — бубнил Миша, его голос в противогазе был похож на шелест сухих листьев. — Воздух тут тяжёлый. Не от радиации. От стоячей воды, от гнили. Значит, подвал залит. Значит, искать надо выше. Если есть выбор между гаражами на возвышенности и внизу — всегда выбирай те, что повыше.

Они нашли гаражи с закрытыми дверьми. На вид целые. Около часа возились возле одного, ушли, не понимая, как взломать. Принялись вскрывать третий. Через десять минут получилось. Внутри они нашли банки с солёными огурцами, помидорами, сыр, сгущёнку и ещё по мелочи. Находка века. Но также нашли и хозяев. Вернее, то, что от них осталось. Они сидели в кресле у печки-буржуйки, давно потухшей. На столе перед ними стояла тарелка с тёмной, засохшей массой и лежала фотография. Семейная. Яркая, улыбчивая, из «до».

Миша, проверив всё дозиметром, не глядя на покойника, начал складывать еду в мешок. Матвей замер, не в силах отвести взгляд от фотографии. От этих улыбок, которые теперь казались издевательством или осуждением.

— Не пялься, — рявкнул Миша. — Кто пялится на мёртвых, сам станет им. Возьми у мужика банку. Мёртвые не едят. А мы — будем. Это всё, что о них нужно знать.

Матвей тогда не понял. Ему было отвратительно. Он чув-

ствовал себя мародёром, вором. Старший, закончив, ткнул ему в грудь одну банку с помидорами и крекеры.

— Держи. Твоя доля. За первый выход. Выживешь — привыкнешь. Не привыкнешь — станешь как они. Выбирай. И не забудь пошариться по ящикам, может, что-то полезное можно взять.

Они уходили уже в сумерках.

Воздух, неподвижный и тяжёлый, стоял в гаражах, словно студнеобразная масса. Матвей чувствовал, как каждый его шаг — хруст битого стекла под тяжёлым берцем — разносится на сотни метров, ударяясь о скелеты пятиэтажек.

— Тихо ты, — не оборачиваясь, бросил Миша. Его голос прозвучал как скрежет ржавого напильника. — Штиль — это не значит «безопасно». Штиль — это значит, что теперь тебя слышно за три квартала.

Вылазка была удачной. На дне рюкзака, приятно оттягивая плечи, лежала увесистая стеклянная банка с помидорами — мутный рассол скрывал в себе красные бока, казавшиеся в этом сером мире чем-то инопланетным. Но настоящим сокровищем для него была жестяная коробка чипсов, найденная в шкафу взломанного гаража. Она не гремела, плотно набитая сухими квадратиками картофеля, и Матвей невольно касался её пальцами через ткань, проверяя — на месте ли.

Они шли, инстинктивно прижимаясь к стенам гаражей, стараясь слиться, быть серыми.

Они увидели её у ряда перекошенных гаражей. Девочка,

лет девяти, с выпадающими волосами, в засаленном пуховике, из-под которого торчали тонкие, как у птицы, ноги в слишком больших ботинках. Она не двигалась. Просто сидела на корточках в пыли, прислонившись спиной к ржавому железу, и смотрела на них. Её лицо, серое от осевшего пепла, казалось частью стены. Только глаза — огромные, лихорадочно блестящие — выдавали в ней жизнь.

Матвей замер. Сердце предательски ухнуло вниз. Дыхание участилось.

Миша остановился, стал осматривать окрестности.

— И не говори, чтобы забрать её с собой, — пробормотал он. — Она уже обречена. И одному Богу известно, чем она больна. Если возьмём её с собой — она может заразить остальных.

Она молчала и смотрела на его мешок и тихо что-то шептала, обнажая жёлтые зубы. Половины их уже не было. В её взгляде не было злобы. Был голод. Тот же самый, что пригнал их сюда.

Матвей почувствовал, как в рюкзаке лежит коробка чипсов. Для неё — неделя жизни. Для него — пара перекусов.

Он потянул за лямку рюкзака, уже представляя, как протягивает ей жестяной бок, как она вцепится в него своими костлявыми пальцами…

Тяжёлая, обтянутая грубой резиной ладонь Миши легла на его запястье. Хватка была такой, что кости Матвея едва не хрустнули.

— Не вздумай, — тихо, почти беззвучно сказал Миша.

— Миш… чипсы только. Ей нужно, посмотри на неё, — прошептал Матвей, пытаясь высвободить руку.

— Я смотрю, — Миша не отпускал. Его глаза за стёклами маски были холодными, как ноябрьский лёд. — Ты сейчас не милосердие проявляешь, Матвей. Ты сейчас её убиваешь.

— О чём ты? Это просто еда!

— Слушай внимательно, — Миша чуть наклонился, не сбавляя хватки. — Сейчас мы здесь одни. Но за каждым этим гаражом, в каждой щели сидит кто-то, кто ждёт, когда Шторм закончится. Если ты дашь ей еду, ты подашь сигнал: „Тут добренькие объявились". И моргнуть не успеешь — как нас облепят голодные глаза. И если мы будем кормить всех, кого встретим, мы не донесём груз. А если мы не донесём груз, сдохнут те, кто ждёт нас в подвале, включая нас.

Матвей посмотрел на девочку. Она не просила. Она просто наблюдала за их спором своими нечеловеческими глазами.

Миша разжал руку и легонько подтолкнул Матвея вперёд.

— Иди. Не оборачивайся. Для неё мы — просто два призрака, которые прошли мимо.

Матвей сделал шаг, потом другой. Жестяная коробка в рюкзаке теперь казалась неподъёмной, словно в неё налили свинец. Он чувствовал затылком её взгляд — не просящий, не злой, а какой-то пустой, окончательный. Взгляд существа, которое уже давно поняло правила этой новой игры, пока он,

Матвей, всё ещё пытался играть по старым.

— Нет! — Матвей резко скинул руку Миши и развернулся к девочке, снимая рюкзак. — Мои чипсы. И я решаю, что с ними делать.

Он достал жестяную банку, вскрыл её, поставил на землю, не подходя к девочке, и отошёл на несколько шагов.

Девочка набросилась на еду. Она жадно вытряхивала в ладонь содержимое банки, молниеносно отправляла в рот, давясь и не жуя. Глаза её горели безумным, звериным голодом.

Миша заскрежетал зубами. Звук был отчётливым даже сквозь фильтр противогаза.

Девочка застыла, почувствовав этот звук. Уставилась на Мишу. Дрожащими руками прижала полупустую банку к груди, вскочила и, не оборачиваясь, скрылась за углом гаража.

— Сука... — выдохнул Миша. Грудь его ходила ходуном, он тяжело дышал. Он повернулся к Матвею, собираясь выплеснуть ему всю накопившуюся злость. Пальцы сжимались и разжимались, складываясь в кулак.

Матвей напрягся, готовясь к удару. Он знал, что заслужил. Знал, что Миша сильнее, что удар будет тяжёлым. Но отступать не собирался.

И в этот момент за гаражами раздался шорох.

Возня. Короткий вскрик — тонкий, детский, оборвавшийся на полуслове. Потом тишина.

Миша молниеносно обернулся на звук, вскинул обрез.

Матвей замер, вслушиваясь в тишину.

Несколько секунд — прошла целая вечность.

Из-за угла гаража вышла девочка.

Она шла медленно, не видя их. Ноги её заплетались, каждый шаг давался с трудом. Она вышла на середину дороги, постояла мгновение, покачиваясь, и рухнула лицом в пепел.

В спине у неё торчал нож. Рукоятка — самодельная, обмотанная синей изолентой — отчётливо выделялась на светлом пальто. За гаражом послышался звук чавкающего рта, хруст чипсов.

Миша навёл обрез на гараж. Повернулся к Матвею.

В его глазах не было злости. Не было торжества правоты. Был только тяжёлый, давящий укор. Усталость человека, который знает правила.

— Если бы ты не дал ей еду, — сказал он глухо, — она бы сейчас была жива. Прожила день, другой, неделю…

Матвей смотрел на тело. На маленькую фигурку, распластанную в сером пепле.

Он хотел сказать, что это несправедливо. Что они могли бы ей помочь. Что нельзя просто проходить мимо.

Но слова застряли в горле.

Миша уже поднимал свой рюкзак.

— Идём, — бросил он коротко. — Скоро стемнеет.

Матвей стоял, не в силах пошевелиться.

— Идём! — рявкнул Миша. — Она уже мёртвая. Ты хочешь лечь рядом?

Матвей заставил себя отвернуться. Поднял рюкзак. Пошёл за Мишей.

Он не оборачивался. Но знал, что эту картинку — маленькое тело на пепле, синюю изоленту на рукоятке ножа — он не забудет никогда.

Они ушли. Матвей нёс свою банку помидоров, и она жгла ему руки. Он понял тогда, что Миша не был жестоким. Он был практичным. В их новом мире сентиментальность была раной, через которую вытекала жизнь. И его доля — не награда. Это было горькое лекарство, которое нужно было проглотить, чтобы перестать быть человеком из той фотографии и стать «Крысой». Чтобы выжить.

Вспомнив эпизод с девочкой, Матвей задался вопросом — как бы он поступил сейчас? Оставил бы банку, зная, что она всё равно не жилец? Мысль была тяжёлой и липкой, как подвальная сырость. Он уже не видел бетонную стену перед собой, а вместо неё — девочку, застывшую перед ними…

— Матвей!.. Матвей! — вывел его из оцепенения сдавленный шёпот Жоры. — Ну ты что там застыл? — мужчина в дверях нетерпеливо махнул ему рукой. — Пошли обратно. Надо остальных обрадовать!

Жора поймал его взгляд и резко ткнул согнутым пальцем по направлению к укрытию — мол, шевелись, время не ждёт. В этом жесте была не просто спешка, а нетерпеливость тяжеловоза, уже перешедшая в действие.

Матвей махнул рукой:

— Иду!

И вдруг — через ноги, в кости, в самую сердцевину тела ворвалась вибрация.

Пфбум. Пфбум. Пфбум. Пфбум. Пфбум. Пфбум. Пфбум. Пфбум.

Восемь ударов. Коротких, мощных, как удары молота по наковальне. Каждый отдавался в бетонном полу так, что пустое ведро в углу жалобно задрожало и подпрыгнуло.

Вибрация шла по конструкциям. По арматуре, замурованной в стены. По полу. По ногам. Матвей почувствовал её раньше, чем услышал.

Жора моментально собрался. Присел, оглядываясь, сканируя пространство вокруг.

— Слышал? — прошептал он одними губами.

— Не только слышал. Пол так дрожал, что костями чувствовал.

— Что это было? — Жора продолжал озираться, его глаза обшаривали каждый угол, каждый тёмный проём.

— Не знаю. Может, бетонная плита сорвалась? Может… ловушка твоя сработала?

— Нет. — Жора мотнул головой. — Моя ловушка вон там, — он кивнул в сторону двери, ведущей наружу. — А звук пришёл откуда-то оттуда.

Он посмотрел в потолок. Наверх. Потом назад, в глубину подвала.

— И это не обвал. Обвал — это долго, с эхом. Не взрыв

— взрыв это волна. А это… — он на мгновение задумался. — Короткая очередь ударов. Технический звук.

Матвей замер, вслушиваясь в наступившую тишину. Жора был прав. Это не природа. Это не случайность. Это звук из мира, который считался мёртвым. Из мира механизмов, машин, работы.

Он посмотрел на Жору.

Тот стоял, напряжённо вслушиваясь, всматриваясь, насторожив все свои чувства. В одно мгновение он превратился в зверя, который вынюхивает опасность. Коренастый, молчаливый мужик лет сорока — сейчас он был именно таким, каким Матвей увидел его впервые. Таким, каким запомнил навсегда.

Когда-то он гонял фуры от моря и до моря, а последние полгода до встречи с Матвеем провёл в аду — на шахтах-плантациях в тоннелях метро, в бункерах, куда «штыки» сгоняли пойманных, пленных и провинившихся. Он сбежал. И его настигли. Другие. Те, кто был не прочь им полакомиться.

Матвей смотрел на Жору у двери и думал, как бы пошла его жизнь, не решив он тогда срезать путь через район, в своё время прозванный «Дворянским гнездом» из-за трёхэтажных кирпичных коммунальных бараков, обильно украшенных лепниной.

Именно там он наткнулся на эту расправу случайно. Жора, прижатый к стене, уже положил троих. Отбивался тяжё-

лой железной кочергой, вырванной у кого-то из «диких». Движения были чёткими, яростными, механическими. И только когда Матвей выстрелами уложил остальных, стало видно главное: из спины Жоры, чуть ниже лопатки, торчал обломок арматуры. Он стоял, тяжело дыша, не выпуская кочергу, и его взгляд был пуст и дик. Матвей сделал шаг навстречу — и едва увернулся от его быстрого, свистящего удара. Чужак бился до последнего.

Тогда Матвей нарушил правило. Одно из самых главных: не тащи за собой в подвал чужую беду. Он не просто помог — он взял на себя груз почти мёртвого тела. Волок его три километра, петляя и сбивая следы, и всё это время в голове крутился один вопрос: откроют ли ему дверь? Или, увидев раненого незнакомца, Петрович прикажет отнести его куда подальше. Или того хуже — прикажет Матвею самому решить проблему. Окончательно.

Дверь ему не открыли. Петрович приказал решить вопрос. Окончательно. Тогда Матвей пообещал, что будет делиться с чужаком своей долей еды и воды до тех пор, пока тот не начнёт приносить пользу Семье. Через десять минут раздался скрип и дверь отворилась…

Жора выжил. Молчал больше, чем говорил. Но когда встал на ноги, оказалось, что в драке он — скала. Что тяжёлый ящик или неподъёмную плиту он переворачивает как пустую коробку. И что у него есть нюх на тайники. На заначки. Через две недели после выздоровления он в одиночку

принёс в подвал настоящую роскошь: несколько килограммов сухого молока в вакуумных упаковках, брикеты прессованного кофе и, самое невероятное, — крупные, нерастаявшие кристаллы кускового сахара. А ещё через месяц он приволок на себе раненого Матвея.

С тех пор Матвей ему доверял. Настолько, насколько это вообще было возможно в мире, где доверие было роскошью опаснее, чем любой «чёрный» фон. Доверие в новом мире не имело чёткого курса, как соль или банка тушёнки. Его нельзя было взять в долг. Его можно было только заработать или заплатить за него кровью.

Эти мысли, словно дым от буржуйки, рассеялись, едва напарник махнул ему рукой.

Жора стоял у входа в «жёлтую» и махал ему рукой.

— Пошли, надо нашим рассказать. И про стуки, и про окончание Шторма. Надеюсь, Семён нас тут не застукает без масок. Ох и влетит нам…

Матвей кивнул, и они, закрыв все двери, двинулись обратно по бетонному коридору — теперь уже не таясь. С каждым шагом к жилому отсеку тишина внутри Матвея сменялась другим чувством: ответственностью. Теперь нужно было убедить остальных.

Впереди, перегородив коридор, стоял Семён.

Хмурый взгляд исподлобья метал настоящие молнии. Обрез в его руках был направлен прямо в них — не угрожающе, а деловито, по-хозяйски. По лицу, заросшему седой ще-

тиной, ходили желваки. Он стоял вполоборота, опираясь на культю, здоровая нога была слегка согнута — боевая стойка человека, который не привык доверять никому.

— Стоять! — прошептал он, чтобы не будить остальных.

Матвей и Жора замерли на месте, будто наткнулись на невидимую стену.

— Семён, ты чего? — начал Жора, стараясь, чтобы голос звучал миролюбиво. — Это же мы. Свои.

— Заткнись! — Семён приподнял обрез выше, давая понять, что в оправданиях не нуждается. — Руки вверх!

Матвей и Жора послушно подняли руки.

— Обернуться на триста шестьдесят градусов. Медленно.

Пришлось подчиниться. Пока они поворачивались, Матвей краем глаза заметил в глубине коридора ещё одну фигуру. Старший. Он стоял, прислонившись к стене, и на его лице играла едва заметная, понимающая усмешка. Он не вмешивался — наблюдал.

Семён внимательно осматривал их, скользя взглядом по одежде, проверяя, нет ли следов, пятен, чего-то чужого.

— Да мы только на секунду в «серую» заглянули, — попытался оправдаться Жора.

— Молчать! — рявкнул Семён, но в голосе уже не было прежней стали.

Он закончил осмотр, удовлетворённо хмыкнул:

— Чисто.

Затем обернулся, взял у старшего дозиметр и методич-

но, сантиметр за сантиметром, обследовал каждого. Прибор молчал, лишь изредка пощёлкивая в зелёном секторе.

— Чисто! — повторил Семён уже спокойнее, вернул дозиметр и снял палец со спускового крючка.

Жора воспользовался моментом.

— Семён, а ты слышал? — спросил он вполголоса.

— Что? — насторожился тот.

— Восемь ударов. Где-то там, наверху. — Жора кивнул на потолок. — Коротких, мощных. Будто молотом по бетону долбили.

Семён нахмурился, помолчал, прислушиваясь к тишине.

— Слышал, — ответил он наконец. — Ещё бы не слышать. Похоже, что-то мощное долбило по бетону. Только вот что? И где?

Повисла тяжёлая тишина. Мужчины переглянулись, но ответа ни у кого не было.

— Ладно, — прервал молчание Семён, переводя взгляд на Матвея и Жору. — Ну, шалопаи. И зачем выходили в «серую»?

Жора расплылся в улыбке — такой широкой, что, казалось, она вот-вот разорвёт его обветренные губы.

— Шторм стих! — выпалил он, и голова его непроизвольно закачалась, будто подтверждая собственные слова.

Семён и Петрович переглянулись.

— Матвей в перископ смотрел, — добавил Жора, кивая на парня. — Своими глазами видел.

Все взгляды устремились на Матвея. Семён снова сделался хмурым.

— Ты ходил в «серую» без защитного костюма? — спросил он в упор.

Матвей опустил голову, словно ища ответ где-то на бетонном полу.

— Дурень! — прошипел Семён, и в этом слове было столько горечи, сколько другие не вкладывали в целые речи. — Учу вас, учу — и всё без толку.

Он сплюнул на пол, растёр плевок ногой — жест, означавший крайнюю степень разочарования.

— Ну всё, довольно нравоучений, — раздался из глубины коридора голос старшего. Он шагнул вперёд, и тусклый свет упал на его лицо, изрезанное морщинами. — Пойдём в тепло. Там им наставления по полной выдашь и новость обсудим.

Он развернулся и первым направился к двери в гостиную. За ним, пряча улыбки, потянулись остальные. А Матвей, проходя мимо Семёна, поймал на себе его тяжёлый взгляд — и понял: выговор ещё будет. Но не сейчас. Сначала — новость. Сначала — надежда.

Пройдя коридор, они вернулись в общий жилой отсек — тесную комнату, которую между собой называли «гостиной». Здесь пахло цементом, дымом от буржуйки и вечным, въевшимся в стены запахом перловки. Тусклый свет самодельной лампы выхватывал из полумрака узлы, ящики, им-

провизированные лежанки с занавесками, свисающими с потолка.

Старший поднял всю Семью. Люди выползали из своих углов, кутаясь в одеяла, потирая глаза, но когда услышали новость — сон как рукой сняло.

За чаем разговор был недолгим. Матвей говорил сбивчиво, но горячо: Шторм стих, ветер улёгся, пепел почти не летит — он сам видел в перископ. Нужно выходить. Проведать обстановку, осмотреть ловушки, может, найти что-то полезное.

Петрович слушал молча, хмурил брови, прикидывал риски. Потом кивнул:

— Идите. Только быстро и осторожно. Чуть что — сразу назад.

Семён, всё ещё хмурый после происшествия в коридоре, не стал возражать. То ли решил, что выговор подождёт, то ли понимал: сейчас не до нравоучений. Главное — новость. Главное — надежда.

Им с Жорой выделили повышенный паёк — чуть больше перловки, чем всем остальным, чуть больше сахарозаменителя к чаю. Мелочь по меркам прошлого мира, но здесь это значило многое: доверие. Поддержку. Веру в то, что они сделают всё как надо.

Матвей чувствовал на себе взгляды. В них было и беспокойство, и надежда, и что-то ещё — то самое чувство общей судьбы, которое держало их вместе крепче любых стен.

Семён так и не заикнулся о нарушении. Может, забыл. А может, не хотел портить им выход наружу. В конце концов, они рисковали не ради забавы. Они рисковали ради всех.

Затем они с Жорой в присутствии Семёна принялись за тщательную проверку защитных костюмов. За время вынужденного безделья Семён заставлял их делать это регулярно — чтобы не теряли навык, чтобы руки помнили каждую застёжку, каждый шов. Но перед настоящим выходом наружу проверка была особой. Ритуалом, от которого зависела жизнь.

Они осматривали каждый сантиметр: лямки, стяжки, места соединений. Проверяли герметичность, целостность ткани, крепление баллонов. Жора работал молча, сосредоточенно, его толстые пальцы двигались с неожиданной для такой громадины ловкостью.

Семён стоял рядом, опираясь на костыль, и зорко следил за каждым их движением. Изредка он подавал короткие команды:

— Шов на левом рукаве проверь. И клапан на спине — не заедает?

Матвей послушно проверял. Всё было в порядке.

Наконец Семён удовлетворённо кивнул:

— Приемлемо.

Он выдержал паузу, ещё раз окинул их цепким взглядом и скомандовал:

— Надевайте костюмы.

Сам он тоже начал натягивать свой — облегчённый, предназначенный для работы в «серой» зоне. Сегодня ему предстояло провожать их до самого порога. По его поведению было видно — он устал от безделья. От того, что приходится сидеть в четырёх стенах и проедать припасы.

Сборы прошли быстро, до автоматизма, въевшегося в тело. Матвей натянул куртку, поверх неё — потёртый, латаный-перелатаный защитный костюм, собранный из того, что удалось найти в разных местах. Осмотр костюмов, проверка стяжек, глухой щелчок соединения шлангов. Он привычно проверил место соединения шланга с маской — там вечно травило. Короткий, шипящий обмен словами по рации.

— Жора, проверка связи. Приём.

Из динамика под ухом, заглушённого тканью, в ответ пробивалось:

— Слышу отлично. Удачи.

Дежурный у двери после проверки и согласования пароля для возвращения выпустил их в шлюзовую — «серую комнату». Затем он прильнул к перископу и долго изучал, что происходит вокруг выхода наружу.

— Чисто, — сказал он, не отрываясь. — Приготовиться к выходу.

Тяжёлая дверь отъехала, впустив не свет, а густую, неподвижную серо-жёлтую муть. Дохнуло холодом и тишиной — не живой, природной, а мёртвой, словно звук из горла выпотрошенного существа. Они сделали шаг. И шаг этот был не

просто выходом из укрытия. Это был прыжок в чужую стихию. В новый мир, который уже не был их миром. Дверь бесшумно захлопнулась за спиной, оставив их наедине с шелестом пепла.

Глава 2

Матвей остановился на пороге убежища, зажмурился на секунду и сделал глубокий вдох, уперевшись в стекло своей маски. Его тело, закованное в слои брезента и резины, кожей помнило эту странную, щемящую пустоту — открытое пространство. Даже сквозь свинец и фильтры оно ударило по нервам, заставляя сердце биться чаще, а ладони — сжиматься в кулаки внутри перчаток.

Жора уже был чуть впереди, медленно шёл пригнувшись. Он методично водил головой из стороны в сторону, сканируя подходы к их дому: завалы, тени окон, линию крыш. Его поза была напряжённой, собранной, как у пружины.

— Чисто! — его голос прозвучал в наушниках хрипло, но чётко. И в этом одном слове слышалось не просто подтверждение. Слышалось облегчение. Звериное, физическое облегчение от того, что можно наконец делать дело, а не гнить в четырёх стенах, отмеряя время бесконечными партиями в замызганные карты или самодельные шахматы. От того, что твоя жизнь снова зависит от твоих глаз, твоих ног и твоей решимости, а не от растягивания слизи из круп на неопределённое время.

Шторм перепахал всё. Знакомые улицы стали неузнаваемы. За время, пока он утих, пепел успел лечь тонким слоем

по земле. И по колено там, куда не добирался ослабший ветер. Если Шторма не будет дольше, в некоторых местах пепел достигнет уровня первых этажей.

А пока можно было видеть голые участки дороги. Большинство бетонных фонарей было вывернуто с корнями и откинуто к стенам домов, словно спички. Остовы машин были отполированы. Некоторые — до зеркального блеска. Воздух висел неподвижно, тяжёлый и густой от пыльной взвеси.

За время Шторма Матвей отвык от маски. Дышать было тяжело, и каждый вдох казался противоестественным, как будто лёгкие наполнялись не воздухом, а чем-то другим. Он посмотрел на дозиметр на запястье. Стрелка упрямо держалась в начале жёлтой зоны. Норма. Новая норма нового мира.

Они вышли наружу — и первым делом надо было проверить ловушки. То, что охраняло их жизнь, покой, сон. Шторм мог порвать тросы, забить ямы мусором, сместить плиты. Всё это следовало оценить, почистить, починить, и как можно быстрее, пока другие ещё отсиживались по норам, боясь высунуть нос наружу.

— Первая яма забита кусками асфальта и мусором, — отрапортовал Жора, нагибаясь и вытягивая из ловушки тяжёлые обломки. — Сейчас почищу, посмотрю, что со штырями внизу. Если нормальные — прикрою и замаскирую.

Матвей кивнул, уже направляясь к следующей точке.

— Ок. Я ко второй.

Эту ловушку он знал особенно хорошо — сам обезвреживал её перед Штормом. Сматывал натянутую проволоку, помогал опускать тяжёлый кусок бетона с торчащей арматурой в яму, чтобы ветер не раскачал и не оборвал трос. Всё это делалось наспех, под завывание приближающейся бури.

Сейчас трос был на месте. Кусок бетона лежал в яме, присыпанный свежим слоем пепла. Матвей проверил шкивы, крепления на балконной плите, с которой свисала конструкция. Всё выдержало. Даже ржавчина не взяла.

— Жора, твой «маятник» цел, — крикнул он в рацию. — Надо взвести для «приёма гостей».

Эту штуку придумал Жора — простую и злую. Тяжёлый груз на тросе, скрытый в тени разрушенной стены. Стоит задеть растяжку — и многотонная плита с арматурой сметает всё на своём пути. Пару раз «маятник» уже встречал «диких».

Жора, пыхтя, подбежал к своей конструкции. Осмотрел, удовлетворённо хмыкнул и схватился за трос.

— Раз, два, три-и-и-и! — он потянул, перебирая руками, натягивая систему шкивов, поднимая смертельный груз в боевое положение.

Матвей подскочил, схватил проволоку, продетую в металлический палец-стопор, натянул до упора и зафиксировал.

— Готово. Отпускай.

Жора отпустил трос. Маятник замер на высоте, готовый к броску.

Ещё минут двадцать ушло на инспекцию остальных ловушек. Некоторые требовали серьёзного ремонта — там порвало тросы, там обрушилась маскировка. Матвей делал пометки на потрёпанной карте, чтобы потом, вернувшись, сказать механику, какие запчасти понадобятся.

Наконец он выпрямился, оглядел серый, притихший мир и довольно выдохнул в фильтр:

— Всё. Отмучились, Жора. Настало время для настоящей прогулки.

Жора, стоявший у своего «маятника», сжал огромный кулак и с энтузиазмом поднял руку вверх.

— Вперёд, Крыса! — прохрипел он в ответ.

Ловушки были на месте. Дом — под защитой. Можно идти дальше.

Они шли вдоль стен, стараясь слиться с ними, иногда проваливаясь в пепел, с трудом вытаскивая ноги. Маршрут был рискованным — в сторону бывшего промышленного района, который раньше обходили стороной из-за большого количества следов «диких». Но супермаркеты и аптеки в центре их микрорайона были давно и дочиста разграблены. Сегодня задачи копаться в жилых домах не было. Нужно было идти дальше. Глубже. Исследовать новые территории.

Матвей замер у угла обрушившейся остановки. Дозиметр на запястье, обычно лениво пощёлкивающий раз в пять секунд, вдруг выдал сухую, тревожную дробь. Он скользнул взглядом по серой стене. Там, в глубокой трещине бетона,

расплывалось жирное пятно. Оно было ярко-рыжим, почти неоновым на фоне пепельной хмури, с тонкими, похожими на капилляры, тёмно-синими прожилками.

— Ржавчина земли, — сказал Матвей через фильтр маски и ткнул рукой. — Только вылезла. Скоро здесь «веселуха» закрепится или «могильный бархат».

Жора обернулся на голос и проследил за его рукой.

Они не знали, что это такое, но за пять лет выучили правило: видишь эту яркую дрянь — уходи. Мох рос только там, где «фонило» нещадно. Казалось, он высасывал невидимую смерть из атмосферы, превращая её в свою ядовитую плоть. Жора взял на метр левее, обходя пятно по широкой дуге. Даже смотреть на него долго не хотелось — было в этой неестественной яркости что-то жадное, торжествующее. Матвей последовал за ним.

«Вот уж кто понимает разницу между живым и мёртвым», — мелькнуло у него в голове. Он вспомнил, как Жора впервые увидел их подземный огород. Он, присев на корточки, почти полчаса молча наблюдал за жухлыми ростками под сиреневым светом ламп, будто пытался расшифровать послание. Потом потрогал один бледный стебелёк подушечкой грубого пальца, осторожно, как касаются чего-то бесконечно ценного.

«Хрупкое», — хрипло выдавил он тогда. И в этом слове был не страх, а обет. Признание долга. Потому что всё хрупкое в этом мире требовало защиты. От шторма, от радиа-

ции, от голода, от таких вот ядовитых пятен, которые в защите не нуждались. Они только расползались. Этот рыжий мох был полной противоположностью хрупкого зелёного ростка — он не был хрупким, он излучал опасность.

Матвей достал карту. Надо пометить, чтобы в следующий раз знать, к какой стороне улицы лучше прижиматься.

Жора шёл первым, прокладывая путь. Матвей смотрел по сторонам, пытаясь сопоставить остатки ориентиров с картой в голове. Город-призрак. Ни звука, кроме хруста пепла под ногами, собственного хриплого дыхания в противогазе и изредка шума ветра.

Они шли около часа. Матвей время от времени отмечал на карте дома, к которым можно будет вернуться, осмотреть их внимательно, квартира за квартирой. Он старался пометить не только дом, но и указать места обрушения, через которые можно было попасть в дома, не заходя в подъезд, не поднимая шума. А пепел с неба продолжал падать, накрывая город тишиной.

Именно тишину и нарушил далёкий, но отчётливый звук. Лязг металла. Приглушённая команда. Жора вздрогнул и резко поднял руку. Они оба замерли, затаившись за грудой кирпича, бывшей когда-то стеной павильона. Из тумана, в сотне метров, вышли шесть человек.

Не «дикие». В военной форме. Камуфляж, не самодельный, а фабричный, потрёпанный, но целый. Автоматы на груди. Трое шли впереди, строем, не спеша, не шаря по раз-

валинам, как мародёры. Двое замыкали. Они патрулировали. Один что-то говорил в рацию. Матвей не разобрал слов, но тон был спокойным, деловым. Холодный пот стекал по его спине под слоями одежды. «Штыки». Они были уже так близко.

Патруль остановился в пятидесяти метрах, у перекрёстка. Военные с оружием наготове осматривали подъезды и крыши. Но был и ещё один, шестой. На шее, через ремень, у него висел небольшой плоский столик-планшет. На нём лежала стопка потрёпанных карт и несколько цветных карандашей.

Матвей осторожно вынул из кармана пластиковую коробочку — простейший самодельный сканер, собранный на ардуино их механиком, а по совместительству — электриком, электронщиком и ещё много кем. Достал из отсека на груди провод с разъёмом, подключил к коробке. На ней замерцал зелёный индикатор, ожил крошечный дисплей. Он нажал кнопку. Цифры на экране побежали, сменяя частоты. В шлеме раздалось тихое шипение, свист — сканер шарил по эфиру, ища работающие передатчики.

Через три секунды в наушниках прорезался голос. Чёткий, без помех — военные работали на короткой дистанции, без шифрования, не боясь, что их услышат.

— ...Идёт она, значит, голая, прикрывается полотенцем, а я делаю вид, что сплю. Проходит мимо, на цыпочках, а я ка-а-к вскочу! Она визжит, полотенце от страха выбросила...

Жора рядом тихо фыркнул, но тут же замер.

— Хватит эфир засорять! — ворвался командный голос, жёсткий, режущий. — Не в пивнушке. Тут тебе и башку прострелить могут. Следить за проёмами!

Солдаты замолчали, направили автоматы в сторону ближайших разрушенных домов.

Один из военных, похожий на старшего, кивнул на ближайшую девятиэтажку, у которой обрушился один угол.

— Вон та высотка. Подвал. Дверь в него целая. Закрыта. И окна на первом этаже забиты изнутри металлом. Свежая работа. Ставь «Проверить с группой». Возможно, гнездо «крыс».

Шестой, картограф, молча перелистнул верхнюю карту. Его движения были быстрыми и точными. Он что-то отметил карандашом. Голос у него был сухим, без эмоций, как диктор, зачитывающий погоду:

— Отметил. Дом сорок два по улице Труда. Предыдущая метка в этом районе — гаражный кооператив «Факел». Четыре месяца назад обнаружены следы костров, организованное складирование металлолома. Пометил как «Потенциальный ресурс. Требует зачистки».

— Зачистим, — равнодушно бросил второй военный, поправляя автомат. — Как генерал прикажет, так и сделаем. Наведём порядок. Сначала учтём всё, что можно. Людей — в первую очередь. Рабочие руки всегда в дефиците. Пометь ещё: проезд перекрыт обломками зданий, провалами в земле. Подход только пешими группами. Или расчистка спец-

техникой.

— Не дадут на ловлю «крыс» технику, — раздалось в эфире. — Пешком придётся идти.

— Да ладно тебе. Зато повеселимся. Может, бабы там будут, — откликнулся кто-то из солдат, и в голосе его послышалась плотоядная усмешка.

— С подвальными бабами связываться опасно. После того случая, когда сержанту откусили…

— Тишина в эфире! — рявкнул старший. — Идём к следующей точке.

Матвея бросило в холодный пот. Это было не просто патрулирование. Это была инвентаризация. Они методично, дом за домом, квартал за кварталом, выискивали и клеймили всё, что ещё шевелилось в этом мёртвом городе. «Проверить», «Ресурс», «Зачистка». Его подвал, его убежище, его дом — было теперь просто вопросом времени, когда они пометят его на своей карте.

Патруль медленно двинулся дальше; картограф постоянно сверялся с домами и делал новые пометки. Они обсуждали подступы, укрытия, потенциальные ловушки — не как жертвы, а как хищники, изучающие территорию будущей охоты.

Вскоре сигнал от них ослаб, связь с ними оборвалась. Матвей отключил сканер.

Жора сжал его руку выше локтя: сила его хватки говорила сама за себя — сиди тихо. Не дыши.

Они просидели, затаившись, ещё десять минут после того, как патруль скрылся из виду, пока эхо их шагов окончательно не растворилось в тишине.

Казалось, прошла целая вечность. Матвей выдохнул струю горячего воздуха. Стекло противогаза тут же запотело. Только тогда он позволил себе пошевелиться. Его ноги затекли, в ушах стучало.

— Слышал? — просипел он, и его голос прозвучал чужим даже для него самого. — Я подключился к их частоте, и тебе транслировал.

— Слышал, — хрипло отозвался Жора. В его глазах, полных животного страха, теперь поселилось и новое понимание.

— Ходят, намечают точки для зачисток.

— Ставим метку, — тихо сказал Матвей, выводя на своей потрёпанной карте не просто «ВОЕН. ПАТР.», а жирный восклицательный знак и короткую черту — направление их движения. — И вторую. Надо знать, куда они идут.

Жора кивнул. В его молчании была вся горечь нового знания: отныне опасность имела не только автоматы, но и карандаш, карту и холодный, расчётливый разум.

— Не забудь ещё девятиэтажку пометить, — напомнил он. — Там люди могут быть. Чужие. Чтобы остальные наши знали. — Он смотрел на неё, изучая, анализируя.

— Пометил… Надо уходить, — сказал Матвей. Но уходить было некуда. Возвращаться с пустыми руками и плохой

новостью о патруле с картографом. Он посмотрел на ближайшее уцелевшее здание — бывший сантехнический магазин. Дверь была выломана. — Туда. Переждём, осмотримся. Пусть уйдут подальше.

Жора пошёл первым. Внимательно осмотрел проём, посветил внутрь.

— Чисто.

Они осторожно пробирались среди опрокинутых стеллажей, разбитой сантехники. Помещение было чистым, как скелет — мародёры поработали до них на совесть. Матвей уже мотнул головой в сторону выхода: «Пусто. Идём дальше». Но Жора задержал взгляд на дальней стене, где когда-то, судя по кронштейнам, висели раковины.

Что-то было не так. Пропорции. Глубина ниши под кронштейнами слева и справа отличалась на сантиметры, едва уловимо. В полумраке это было почти незаметно. Но его глаз, за годы выживания научившийся читать обман и укрытия, уловил несоответствие.

— Стой, — хрипло сказал он.

Он подошёл и постучал костяшками пальцев по стене правой ниши. Глухой, плотный звук. По левой — отзвук был чуть более пустым, дребезжащим. Двойная стенка?

Не раздумывая, он снял с пояса короткий, крепкий ломик — «фомку», без которой не выходил на разведку. Упёр остриё в едва заметный стык панели, рядом с полом, и нажал всем весом. Раздался сухой, трескучий звук рвущегося гип-

сокартона и крошащейся шпатлёвки. Гипсокартон поддался, отвалившись куском. За ним зияла чёрная пустота, пахнущая пылью и металлом. Он ещё поработал ломиком и выдрал несколько кусков картона.

Матвей, не проронив ни слова, тут же подхватил фонарь и направил луч внутрь.

И тогда они увидели его.

В тайнике, за фальш-стенкой, лежал металлический ящик. Небольшой, но крепкий, зелёной армейской окраски. Замок был сломан давно, крышка приоткрыта. Жора, затаив дыхание, ломиком откинул её полностью.

Матвей ахнул. Внутри, аккуратно уложенные в ячейки, лежали противогазы. Не «гражданские» модели, а армейские, с надвижными стёклами и боковыми фильтрами. Несколько штук. Рядом — коробки с фильтрами. Не самодельные угольные мешочки, а фабричные, в вакуумной упаковке. Он поднёс к ним дозиметр. В пределах нормы.

Жора не ахал. Он присел, взял один из противогазов, и его толстые, покрытые трещинами перчатки обошли стёкла, проверяя на сколы, потянули за ремни. Это был жест мастера, оценивающего инструмент. Он кивнул Матвею — коротко, деловито. Этот кивок значил больше, чем любые восторги.

— Подфартило, так подфартило, — прошептал он, благоговейно беря один из аппаратов. Он был тяжёлым, холодным, смертельно серьёзным.

— Не все целые, — констатировал он, быстро проверяя. Многие стёкла были треснуты, ремни пересохли и рвались. Но штук шесть выглядели работоспособными. И фильтры… фильтры были главным сокровищем. Они отсчитали четыре самых целых противогаза и две упаковки фильтров. Остальное аккуратно замаскировали обломками и сделали на своей потрёпанной карте пометку — «СКЛАД. ПРГ».

Это меняло всё. Теперь у них был стратегический ресурс. И знание о патруле, который наносит точки на карту для будущих зачисток. Они оправдали выделенную им повышенную порцию перловки и подсластителя.

Они выбрались из-за укрытия не сразу, осторожно, как после миномётного обстрела. Матвей посмотрел в сторону, куда ушли военные, потом на здание с фальш-стенкой, где лежали противогазы. Эта находка теперь казалась не просто удачей. Она была глотком воздуха для приговорённого. Инструментом для того, чтобы хоть как-то сопротивляться тому размеренному, неумолимому давлению, которое надвигалось на их мир.

Они двинулись дальше, обходя место, где видели патруль. Страх придавал сил, ноги несли быстрее, но Матвей всё время косился в сторону той самой девятиэтажки, которую военные пометили на карте.

Дом стоял серой громадой, с чёрными провалами окон и обрушенным углом. На первом этаже окна были забиты изнутри железом — листами, плитами, чем-то тяжёлым. Мат-

вей смотрел на это укрепление и не мог понять: зачем? Зачем те, кто там прячется, сделали такой явный знак? Это же крик: «Смотрите! Здесь живут люди! Есть чем поживиться!»

Он перевёл взгляд ниже, на спуск в подвал. Тоже ошибка. Этот вход был виден со всех сторон, как на ладони. Любой, кто пройдёт мимо, сразу заметит — здесь кто-то есть. Ошибка на ошибке. И конец будет закономерен. Военные обложат дом, снесут дверь в подвал, ворвутся на первый этаж. Зачистят всех, кто там прячется. Или, если повезёт, отправят на плантации, или на копание новых пространств под землёй — отрабатывать ресурсы до последнего вздоха.

Перед глазами встала плантация зелени под землёй. Режущий свет каких-то промышленных светильников, чахлые, бледные ростки — и лица людей, которых он, три месяца подряд, приводил туда. Обречённых. Он знал, что с ними будет. Знал — и молчал. Потому что сам выживал.

Матвей дёрнул головой, прогоняя картинку.

Он хотел забыть те три месяца. Не получалось.

«Может, предупредить их?» — мысль прокралась в голову неожиданно, но тут же за ней пришла другая.

Голос Миши. Тот самый, из первого выхода. Холодный, усталый, безжалостный:

«Доброта в этом мире — это щель для смерти. Для тебя, для тех, кому думаешь, что поможешь, и для твоих близких».

Матвей сжал зубы. Миша прав. Он всегда был прав. Де-

вочка с чипсами — тому подтверждение.

Но...

Он посмотрел на дом ещё раз. Представил, как там, внутри, сидят люди. Такие же, как они с Жорой. Кто-то штопает одежду, кто-то греет руки у печки, кто-то, может, играет с ребёнком, чтобы отвлечь от голода. Они не знают, что уже стали мишенью. Что картограф поставил жирный крест на их убежище.

— Плевать, — прошептал Матвей одними губами.

Он прибавил шаг, догоняя Жору, но краем глаза следил, когда напарник скроется за очередным завалом. Как только Жора отошёл подальше, Матвей нырнул за груду битого кирпича, лихорадочно расстегнул карман.

Блокнот. Огрызок карандаша.

Он писал печатными буквами, быстро, чтобы Жора не хватился его раньше времени:

«ВАШ ПОДВАЛ ПОМЕЧЕН К ЗАЧИСТКЕ ШТЫКАМИ. БЕГИТЕ ОТСЮДА»

Прочитав ещё раз, поставил в конце жирный восклицательный знак — чтобы поняли: не шутка.

Вырвал листок. Огляделся. Поднял с земли увесистый камень, обмотал его бумагой, прижал края, чтобы не слетело. Поднял взгляд на подвал. Дверь была метрах в пятидесяти. Подошёл ближе, осталось метров двадцать — не близко, но и не слишком далеко.

Секунда колебания.

Он вспомнил лицо Миши. Потом лицо Жоры. Потом — девочку, падающую лицом в пепел.

Размахнулся и что есть силы швырнул камень в железную дверь подвала.

Грохот разнёсся по мёртвой улице, как выстрел. Камень ударил в металл, отскочил, упал рядом с дверью, бумага осталась на нём.

— Что это? Ты где?! — в наушниках прорезался тревожный голос Жоры, искажённый помехами. — Почему отстал?!

Матвей уже бежал, пригибаясь, перепрыгивая через обломки.

— Иду уже. Подожди.

Он не оглядывался. Сделал — и хватит. Дальше — как будет.

Жора ждал его за углом, сжимая ломик, готовый к любой угрозе. Увидев Матвея, выдохнул, но в глазах остался вопрос.

— Чего там?

— Обвалилось что-то. А у меня нога затекла, — отмахнулся Матвей. — Растирал. Пошли.

Жора хмыкнул, но спорить не стал. Они двинулись дальше, в пепельную мглу, оставляя за спиной подвал с людьми, которые, может быть, спасутся. Или нет.

Но Матвей сделал, что мог.

А Миша... Миша пусть остаётся в прошлом. Там, где чипсы и кровь на пепле.

Глава 3

Они нашли полуразрушенную аптеку. Осторожно, по стандартной схеме — один прикрывает, второй осматривает — начали проверять торговый зал. Пусто. Развороченные витрины, пустые полки, битое стекло под ногами. Зато там, в дальнем углу за развалённой стойкой, виднелась дверь в подсобку, приоткрытая ровно настолько, чтобы внушить и надежду, и подозрение.

Жора жестом — ладонь, резко опущенная вниз, — велел Матвею замереть у косяка, а сам бесшумно скользнул внутрь, вжавшись в стену. Его фонарь выхватывал из темноты груды коробок, опрокинутый стол… и тут луч дрогнул.

На полу, в самом центре комнаты, аккуратно, слишком аккуратно для всего хаоса вокруг, стояли три зелёных упаковки. Даже сквозь пыль Матвей узнал их форму. ИРП. Индивидуальный рацион питания. Армейский. В них могло быть всё: тушёнка, сухари, концентраты, сахар, чай. Недели сытой жизни.

Адреналин ударил в виски. Разум отключился, уступив место слепой, жадной надежде. Матвей, забыв про всё на свете, сделал резкий шаг вперёд, почти прыгнул к богатству, стоящему в комнате.

Жора, не издав ни звука, метнулся к нему, и его рука — тяжёлая, как гиря, — впилась Матвею в предплечье выше

локтя. Хватка была такой силы, что Матвей аж присел от боли и неожиданности. Не церемонясь, Жора ещё и дёрнул его назад.

— М-м-м! — только и смог выдавить из себя Жора, принимая на себя вес его тела. Его глаза, широко раскрытые за маской, не смотрели на ящики. Они были прикованы к проёму двери, на уровне колена. Он ткнул пальцем.

Матвей, превозмогая пульсирующую боль в руке и бунт в душе, проследил за его пальцем. Сперва он ничего не увидел. Пыль, тени… Вгляделся. И тогда заметил. Чуть выше пола, перетягивая проём от косяка к косяку, висела тонкая, туго натянутая проволока. Она была матовой, не блестящей, и её почти полностью скрывала серая пелена осевшей пыли. Но один её участок, ближе к краю, был чистым — будто кто-то недавно провёл по ней пальцем, проверяя натяжение.

— Ловушка, — проскрежетал Жора сквозь фильтр, наконец отпуская Матвея. Его голос был сухим и плоским. — На растяжку. Граната или ведро с гвоздями на потолке, а может, ещё что. Копались тут до нас. И поставили капкан на алчных дурней. Вроде нас.

Ледяная волна прошла по спине Матвея, сменив жар азарта. Он представил, как переступает порог, нога задевает проволоку, и с потолка срывается адский грохот, набивающий его тело, лицо ржавым металлом. Он бы даже не понял, что произошло.

Жора уже отходил назад, не поворачиваясь к ящикам спи-

ной, как от спящего зверя. Его лицо под маской было непроницаемым, в его глазах мелькнула знакомая тупая усталость. Усталость от мира, где любая удача — лишь приманка в капкане.

Матвей привалился спиной к стене и медленно сполз на пол. Ноги не держали. Он сидел, вытянув их перед собой, и смотрел в никуда — на пыльный проём, на тени, на ничто. В ушах ещё стоял звон, хотя никакого взрыва не было. Просто адреналин, уходящий из крови, оставлял после себя эту звенящую пустоту.

Он представил, как переступает порог. Один шаг.

Не стал думать дальше.

Растяжка. Вполне возможно, что эту растяжку поставил кто-то из тех, кто жил в подвале девятиэтажки. Один из тех, кого он хотел предупредить о надвигающейся опасности. Матвей усмехнулся.

Жора не умел сидеть просто так. Он медленно ходил, методично водил лучом фонаря по углам, по полкам, по полу — не из любопытства, а по привычке. Руки искали дело. Голова работала. Он не умел просто сидеть после того, как почти умер. Он умел только двигаться дальше.

Его взгляд, скользя по разгромленному помещению в поисках хоть чего-то полезного, упал на дальний угол, заваленный обломками гипсокартона и пустыми коробками от лекарств. Оттуда торчал уголок чего-то плоского, тёмного, с едва угадывающейся сеткой.

— Смотри-ка, — вдруг сказал он негромко.

Матвей, всё ещё дрожа, поднял взгляд. Жора стоял у дальней стены, у груды мусора. Он держал в руках что-то плоское, тёмное.

Это была шахматная доска. Не самодельная, как у них в подвале, а фабричная, дорогая. Деревянная, в тёмном лаковом коробе с защёлкой. Фигурок не было. Но сама доска, с ровными чёрно-белыми клетками, лежала перед ним как артефакт из другого измерения.

Жора потряс коробку. Пыль осыпалась, открывая гладкую, холодную поверхность.

— Фигур нет, — констатировал Жора и посмотрел на Матвея с видом человека, который всё равно возьмёт. — Семён обрадуется. Возьмём?

Обрадуется. Ещё как. Не только Семён. Матвей подумал, что в их подвале вторым врагом после голода была скука. И шахматы для них были не просто игрой. Старший, Петрович и страж у ворот, Семён, во время Шторма, склонившиеся над расчерченной химическим карандашом фанерой, не развлекались — они размышляли. Каждый о своём. Иногда делясь историями. Иногда травили анекдоты.

Для других, вроде жены Петровича, глухонемой девочки Ирки, наблюдение за игрой было гипнозом. Монотонные перемещения фигурок уводили сознание от рёва ветра снаружи и урчания внутри желудка. Это была медитация, защита от безумия.

А вот Жора…

Как-то раз Семён, от скуки и нервов, вытащил свою главную ценность: самодельные шахматы. Фигурки были вырезаны из пробок и кусочков резины, раскрашены химическим карандашом. Доска — расчерченный кусок фанеры. Он был фанатиком игры и обыгрывал всех, кроме Петровича, который играл с холодной, убийственной расчётливостью.

В этот день Семён решил «поучить» Жору. Тот обычно молча наблюдал за игрой, сидя в своём углу и натирая оружие куском замши.

— Жора! — позвал Семён, расставляя фигуры. — Давай, разомнём мозги. А то у тебя в голове одни мускулы скоро останутся.

Жора медленно поднял взгляд, покосился на доску, потом на оживлённое лицо Семёна. Кивнул и тяжело поднялся. Он сел напротив, его огромные, покрытые шрамами руки смотрелись рядом с крошечными фигурками нелепо и немного угрожающе.

— Правила объяснять? — снисходительно спросил Семён.

— Видел, — буркнул Жора.

Они начали играть. Вернее, начал Семён. Он быстро развил атаку, весело постукивая своими пробковыми фигурками по фанере. Жора двигал фигуры медленно, с паузами, будто не думал над ходом, а просто выбирал, какую фигуру не жалко потерять. Он потерял коня, потом ладью. Семён

уже предвкушал быструю победу.

И вот тут Жора, который до этого играл так, будто пытался забить гвоздь шахматной королевой, сделал ход. Не вперёд. Не в сторону. Он своей уцелевшей ладьёй взял пешку Семёна.

Семён фыркнул: «Ну, взял и взял…» — и сдвинул другую пешку, уведя её от удара. Следующим ходом Жора этой же ладьёй, пройдя по вдруг опустевшей клетке, поставил шах. Семён отвёл короля. Ещё ход — и ладья, совершив немыслимый зигзаг, встала рядом с неприятельским ферзём. Жора молча указал на него толстым пальцем.

— Как?! — ахнул Семён. — Ты же… ты не так ходишь! Ладья только прямо!

Жора нахмурился. Его брови, густые, как щётки, сошлись.

— А почему? — спросил он хриплым голосом.

— Правила такие! Шахматные!

— Глупые правила, — заключил Жора. — Моя ладья — это фура. — Он ткнул пальцем в фигурку. — Видишь, на кабину похожа. А фура, если штурмана нет и дороги нет, едет где хочет. По целине. Объезжает ямы. — Он ткнул пальцем в поле, где стоял слон Семёна. — Вот яма. Его объехал. — Потом ткнул в поле, куда поставил шах. — А тут дорога прямая вышла. Вот и приехал.

В подвале повисла тишина. Матвей, наблюдавший за игрой, сначала затих, а потом из его горла вырвался сдавленный хрип — первый признак смеха за многие недели. Жена

Петровича фыркнула в своём углу, зажав рот фартуком.

Семён был пунцовым от возмущения.

— Это не фура! Это ладья! Она по прямым и перпендикулярам!

— Плохая у тебя тогда фура, — невозмутимо ответил Жора, разглядывая доску. — Сломается. Моя — проходимее. Моя теперь твоего ферзя задавила. Он на дороге стоял. Сам виноват.

Петрович, который делал вид, что не слушает, поднял голову от карт. В уголке его сурового рта дрогнула мышца.

— Семён, — сказал он глухо. — Ты играешь в шахматы. А он — в выживание на фуре. По его правилам, он тебя только что на обочину выкинул и бензин из бака слил. Сдавайся.

По тесному подвалу прокатились раскаты хриплого смеха.

Жора, услышав это, кивнул Петровичу с таким видом, будто тот только что озвучил непреложную истину, и едва заметно усмехнулся.

С тех пор Жору в шахматы не звали. Но иногда, когда Семён начинал слишком уж занудно рассуждать о теории дебютов, ему напоминали про ладью-фуру. И Матвей ловил на лице Жоры едва уловимую усмешку. Он сидел в своём углу, протирал свой ломик и, кажется, мысленно гонял по воображаемому бездорожью целый парк непобедимых фур-ладей, которые ходили как хотели.

Лёгкая усмешка, вызванная воспоминанием, замерла на

губах Матвея. Его взгляд упал на рваный проём двери, за которым ждал Жора, и снова стал острым и собранным.

Матвей поднялся. Ноги уже держали. Он подошёл к Жоре и молча взял доску, убрал в рюкзак — движением коротким, без раздумий.

Жора смотрел на него.

— Возьмём, — сказал Матвей.

Жора помолчал секунду. Кивнул.

Он застегнул рюкзак. Доска легла на спину, рядом с найденными противогазами. Инструменты для тела и инструмент для духа. Один без другого в их долгом заточении был бесполезен. Нужно было выжить, и нужно было остаться собой. И они, «Крысы», цеплялись за свою человечность, как за последний тайник. Не из сентиментальности. Из прагматизма. Тот, кто забывал, кто он, очень скоро забывал и зачем он — и переставал быть полезным Семье.

— Всё? Идём дальше? — хрипло спросил Жора, уже стоявший в проёме.

— Всё, — отозвался Матвей, поправляя лямку и последний раз окинув взглядом комнату с её смертельной растяжкой. — Идём. Тут больше ничего нет. Только призраки и ловушка.

Они вышли из аптеки, унося с собой не только рюкзаки, но и этот странный трофей — символ порядка из мира хаоса. И Матвей ловил себя на мысли, что этот плоский ящик в рюкзаке весит куда больше, чем кажется. Он нёс не доску.

Он нёс один из кирпичиков их хрупкого, подземного миропорядка.

Пригибаясь, осматриваясь, шли дальше. Медленно, внимательно всматриваясь и вслушиваясь, иногда перебегая пустые пространства. Прошло около часа.

И тогда они увидели её.

Высотка. Вернее, то, что от неё осталось. Восемнадцатиэтажная башня, когда-то новенькая, с голубым остеклением. Верхние этажи были оплавлены и срезаны, будто гигантским ножом. Средние — зияли чёрными дырами выбитых взрывной волной окон. Но нижняя часть, под толстым слоем пепла и мусора, казалась… целой. И главное — перед ней стояла нетронутая штормом автостоянка, а на ней — несколько раздавленных, но узнаваемых фургонов с логотипами сетевого супермаркета.

Матвей и Жора переглянулись. В глазах у каждого горела одна и та же мысль. Логистический центр. Дистрибуция. Там могло быть что-то. Консервы. Крупы. Вода в бутылях. А сколько всего таили квартиры…

Но идти к ней нужно было через открытое пространство, хорошо просматриваемое с верхних этажей. И время поджимало — свет мерк, жёлтая зона могла в любой момент смениться красной с наступлением вечера и изменением скорости, направления ветра.

— Ставим метку, — тихо сказал Матвей, выводя на карте у сердца жирный крест и букву «В» — «высотка». — Надо

обследовать, пока погода позволяет.

Жора кивнул. Они оглядели мрачную громадину, сулившую и опасность, и надежду.

Они крались к высотке, как волки к стойбищу — низко, используя каждую складку местности, каждую груду плит и каждый скелет машины как укрытие. Шторм, стихнув, оставил после себя мёртвую тишину, и каждый их шаг отдавался в ушах предательским хрустом. Матвей ловил себя на том, что задерживает дыхание, будто от этого зависит, увидят их или нет.

Высотка вблизи оказалась ещё более чудовищной. Оплавленные края перекрытий наверху свисали, как струпья. Сквозь рваные раны фасада виднелись тёмные провалы этажей. Но низ, укреплённый монолитным стилобатом, стоял непоколебимо. И вело туда — в самое чрево — зияющее отверстие грузового входа. Ворота были сорваны с петель и смяты в металлический бантик где-то внутри.

Они вошли. Темнота поглотила их сразу. Фонарики на лбах вырезали из мрака узкие туннели света: развороченный вестибюль, искорёженные рамки турникетов, ошмётки когда-то белых стен, покрытые граффити отчаяния первых недель катастрофы. Воздух внутри стоял неподвижный, пыльный, пахнущий влажным бетоном и чем-то ещё — сладковатым и протухшим.

Жора показал жестом: тихо. Звуки здесь гуляли по пустым шахтам лифтов и лестничным пролётам, усиливаясь

многократно. Они двинулись дальше, вглубь здания, туда, где по логике должны были быть склады.

— Смотри, Матвей, — Жора указал на обрывок грязной бумаги, лежащей у входа. — Мародёры или кто похуже… Пахнет странно. Чем-то сладким, как подгнившие яблоки, и медью.

Матвей осмотрел бумажку и тут же отстранился. Дозиметр в кармане недовольно пискнул.

— Это мох, Жора. «Веселуха». Дикие сушат эту рыжую дрянь и курят. Сумасшедшие. Там же радиации столько, что мозги в кисель должны превратиться через неделю.

— И точно… Видать, их это устраивает, — хмуро ответил Жора. — Говорят, от этой дряни они боли не чувствуют. И страха тоже.

Всё было разворовано до них. Пустые металлические полки. Раскрытые, поваленные шкафы. Раскуроченные холодильные камеры. Оставалась надежда на верхние этажи. После того как часть здания обрушилась, забраться туда было проблематично. А значит, шанс что-то там найти — повышался. Но рисковать сегодня они не решились. Требовалось снаряжение, которого у них с собой не было.

Матвей вновь достал импровизированную карту, дописал под последней меткой: «Треб. альп. снар.».

Он запрокинул голову, осматривая верхние этажи, пытаясь понять по состоянию стен, не побывал ли там уже кто-нибудь. Стоит ли планировать туда подниматься? Не найдя

ничего подозрительного, он обвёл последнюю метку кругом и спрятал карту.

— Возвращаемся в подвал, — передал он по рации. — Завтра вернёмся со снаряжением и проверим, чем тут можно поживиться.

— Принято! — с воодушевлением ответил Жора. — Предлагаю обратный путь пройти слева, вдоль здания, и выйти к аптеке. Может, на что путное наткнёмся.

— Добро, — подтвердил Матвей, и они двинулись по намеченному маршруту.

На обратном пути они наткнулись на яму.

Пол в одном из боковых помещений, похожих на архив или кабинет, провалился. Совсем недавно. Не от взрыва, а от времени, сырости и тяжести, которая была сверху. Края провала были неровными, рваными. Обрывки арматуры, торчащие из рухнувшего перекрытия, ещё не успели покрыться ржавчиной.

Жора осветил проём, провёл лучом фонаря, вырывая из темноты то, что когда-то было служебным помещением.

Внизу, метров на пять ниже уровня пола, в луже тёмной, застойной воды и обломков, лежали рассыпанные коробки. Яркие, пёстрые, с изображениями упитанных котов. Сухой кошачий корм. Полиэтиленовые упаковки, целая россыпь. И рядом с этой нелепой сокровищницей, прислонившись к стене, сидел скелет в истлевшей одежде. Череп склонился набок, будто в изнеможении, пустые глазницы смотрели пря-

мо на груду еды для животных. На одежде, в районе сердца, виднелся белый прямоугольный бэйджик. Разобрать сверху, что на нём написано, было невозможно.

В свете фонарей пакеты с кошачьим кормом манили, звали к себе. Даже спустя пять лет после конца старого мира упаковка оставалась яркой, цветастой, привлекательной. Матвей и Жора переглянулись. В глазах напарника вспыхнуло то, чего не было там долгие недели заточения, — живой, хищный огонёк. Охотничий азарт.

В прошлой жизни Матвей бы и смотреть не стал на это как на еду. Но сейчас это было подарком судьбы. Полнорационный корм, набитый всем необходимым для организма. И этого корма было много. Очень много. Дыхание участилось. Рот наполнился слюной.

— Вот свезло, так свезло, — раздался в наушниках шёпот Жоры.

Глава 4

Жора светил на пакеты с кошачьим кормом внизу и сглатывал слюну так сильно, что это было слышно в эфире. Наконец он заставил себя отвести взгляд от них.

— Доставай тросик, надо проверить, что это не сон.

Матвей кивнул и, сбросив рюкзак, достал из бокового кармана свёрток — тонкий, но надёжный трос с карабином на конце. Жора уже исчез в соседнем помещении и через минуту вернулся, довольно кивая:

— Труба здесь. Толстая, отопительная, из стены торчит. Должна выдержать.

Он скрылся снова, и Матвей слышал, как тот возится, обматывая трос вокруг трубы. Затем раздался глухой звук — Жора дёрнул что есть силы, проверяя.

— Держит! — голос в наушниках звучал лихорадочно, возбуждённо.

Матвей пристегнул карабин к поясной лямке, принял у Жоры фонарь и, развернувшись лицом к провалу, начал спуск. Ноги нащупывали опору на скользкой от плесени стене. Бетон крошился под подошвами, срывая вниз мелкую каменную крупу и пыль, которая долго не оседала в спёртом воздухе подвала.

С каждым метром запах становился гуще. Затхлость, подвальная гниль — и поверх всего резкий, химически-сладко-

ватый аромат рассыпанного корма. Матвей сглотнул, и слюны во рту оказалось так много, что пришлось сглатывать снова и снова. Организм, забывший вкус нормальной еды, откликался на один только запах предательским спазмом в пустом желудке.

— Осмотри помещение. Растяжки, ловушки, подозрительные предметы, — проинструктировал Жора сверху. Голос в динамиках звучал приглушённо, сквозь толщу перекрытий.

Матвей, коснувшись ногами пола, отстегнул карабин и медленно повёл лучом фонаря. Помещение оказалось небольшим — бывшая кладовка или архив. Стены в разводах сырости, низкий потолок, груды рассыпавшихся коробок. Он методично осветил каждый угол, каждый закуток, проверяя, не тянется ли где тонкая проволока, не привязана ли к двери верёвка, не лежит ли на полу что-то, похожее на мину-растяжку. Ничего подозрительного.

— Чисто. Ловушек нет, — доложил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало от нетерпения.

— Проверь корм дозиметром, — раздалось в наушниках. Жора даже не пытался скрыть дрожь в голосе.

Матвей вытащил прибор из нагрудного кармана и поднёс к рассыпанным гранулам, которыми был усыпан весь пол. Стрелка дёрнулась и замерла в зелёном секторе. Прибор молчал, лишь зелёный светодиод мерно мигал, отсчитывая безопасные импульсы. Матвей провёл датчиком над бли-

жайшим мешком — та же картина. Толща грунта и бетона, спасавшая этот подвал всё это время, работала и сейчас. Но защиты больше не было — мешки лежали открытые, уязвимые. Надо было брать всё, что можно, и уходить.

— Ну?! Что там?! — Жора уже не скрывал нетерпения. — Это можно жрать?

— Чисто! — выдохнул Матвей и, не сдержавшись, добавил в эфир то, что рвалось наружу: — Чисто, мать её! У нас сегодня будет праздник для желудка! Наедимся вкусняшек-хрустяшек!

По связи отчётливо донёсся звук сглатывания, потом тяжёлое, шумное дыхание Жоры.

— Труп обыскать надо, — прошептал напарник, и луч его фонаря сверху упёрся в тёмный силуэт у стены. — Может, что путное есть. Но осторожно, проверь сначала — не оставил ли кто на нём сюрпризов.

Матвей повернулся к телу. Человек сидел, прислонившись спиной к стене, и в этом не было ничего страшного — просто устал и присел отдохнуть. Лет на пятьдесят, в добротной когда-то одежде, теперь истлевшей и покрытой плесенью. Череп склонился набок, будто в раздумье, пустые глазницы смотрели куда-то в сторону груды корма.

На груди был приколот бэйджик. Матвей развернул его.

— Сергей, — прочитал Матвей вслух. — Охрана. Он охранял это место до конца.

— Добросовестный, — хмыкнул Жора в ответ.

Матвей, стараясь не думать о том, что делает, аккуратно, двумя пальцами, начал обшаривать карманы. Первый — пуст, лишь труха и мелкий мусор. Второй — носовой платок, когда-то белый, теперь серый, слипшийся в комок. Третий — связка ключей. Матвей поднёс их к свету: автомобильный брелок с потускневшим логотипом, несколько дверных ключей. Бесполезно. Машины давно нет, дороги завалены обломками зданий, двери, которые открывали ключи, либо взломаны, либо их хозяева мертвы. Он сунул их в карман — на всякий случай, вдруг пригодятся. В нагрудном кармане куртки что-то звякнуло. Матвей расстегнул пуговицу и вытащил сотовый телефон в дешёвом силиконовом чехле. Экран был разбит вдребезги, корпус треснул. Мёртвый кусок пластика и кремния. В последнем кармане, брючном, нашёлся плоский квадратик — коробка спичек. Матвей открыл её, осторожно, чтобы не рассыпать. Половина спичек на месте, головки серые, но вроде целые. Сокровище.

— Он пустой, — сказал Матвей в рацию. — Только спички взял. И ключи, на металлолом.

— Дверь, — луч сверху переполз на железную створку в углу. — Не открывай её. Слышишь? Даже не трогай. Может быть заминирована. Завтра придём, привяжем верёвку и дёрнем из безопасного места. Из-за угла. Понял?

Матвей подошёл к двери. Добротная, металлическая, с массивными петлями. В замочной скважине торчал ключ — большой, старый, с потемневшей бородкой. На металличе-

ском кольце, кроме него, висело ещё несколько. С бирками. Потёртыми, но всё ещё читаемыми.

«МЯС. ПРОДУКТЫ».

«СЫПУЧИЕ ПРОДУКТЫ».

«КОНСЕРВЫ».

Рот Матвея вновь наполнился слюной. Он сглотнул, но она тут же набежала снова. Перед глазами всплыли банки с тушёнкой, мешки с крупой, что-то ещё, о чём он уже успел забыть за годы выживания.

Он посмотрел на скелет у стены. Тот сидел, прислонившись к бетону, и, казалось, смотрел прямо на него пустыми глазницами.

«Почему ты решил запереться здесь? — подумал Матвей. — Что произошло? Что загнало тебя в эту комнату, где ты умер в двух шагах от еды?»

— Ты чего замер? — луч света сверху залил Матвея, вырывая его из оцепенения.

— Этот тип сам запер себя в этой комнате, — ответил он, кивая на скелет. — И здесь висят ключи с надписями: мясные продукты, консервы. — Голос его дрогнул от надежды. — Может, эти склады нетронуты?

Жора зашипел в рации, как рассерженный кот:

— Не смей туда соваться! Там может быть что угодно! Ловушка, зараза, «дикие» — да что угодно! Завтра вернёмся и вскроем безопасно. Слышишь меня, Матвей? Завтра! На сегодня улов и так огромный.

— Завтра это всё могут обнести другие «крысы», — задумчиво сказал Матвей в ответ, изучая, как собрана дверь.

— Матвей, знаешь про такую поговорку «Жадность фраера сгубила»? — прошипел Жора.

— Знаю, — буркнул он, хотя понятия не имел, кто такой фраер и почему его жадность сгубила. Но смысл улавливал.

Матвей сглотнул. Ещё раз взглянул на ключи. На бирки. На скелет, который так и не добрался до этих сокровищ.

— Принято, — выдохнул он, отворачиваясь. — Приступаю к загрузке корма.

Он работал быстро и молча. Мешки были большие, в рюкзак не влезали. Придётся пересыпать. Схватил самый верхний, наименее повреждённый мешок, полоснул ножом по плотному полиэтилену. Из разреза с тихим шелестом посыпались гранулы — маленькие, коричневатые, идеально круглые. Матвей замер на секунду, глядя на них. Кошачий корм. В прошлой жизни он прошёл бы мимо, даже не взглянув. Сейчас это было золото.

Он разорвал мешок шире и принялся пересыпать гранулы в свой опустевший рюкзак. Звонкий, сухой шелест наполнял тишину подвала, и в этом звуке было что-то невероятно правильное, успокаивающее. Рюкзак тяжелел с каждой секундой, и эта тяжесть была лучшим лекарством от страха и усталости.

Когда собственный рюкзак наполнился до отказа, Матвей перехватил второй, пустой, и начал наполнять его. Гранулы

пересыпались, струились сквозь пальцы, и Матвей поймал себя на том, что улыбается. Впервые за много недель — просто улыбается, глядя на кошачью еду.

— Ну как там? — нетерпеливо спросил Жора сверху.

— Идёт загрузка, — отозвался Матвей. — Товарищ Жора, приготовьтесь принять груз. Сегодня у нас будет пир.

Из наушников донёсся сдавленный смешок — и Матвей понял, что Жора улыбается точно так же, как он сам.

Он не смотрел на скелет.

Мысль скользнула по краю сознания — кто это был, почему умер здесь, в двух шагах от еды, — и тут же погасла, не зацепившись. Сейчас это не имело значения. Не имело веса. А вес был важен.

Килограммы. Лёгкие, сыпучие, бесценные килограммы маленьких коричневых гранул. Матвей запустил в них руку, пропустил сквозь пальцы — сухие, твёрдые, идеальной формы. В них был полный набор всего, что нужно организму: белки, жиры, углеводы, витамины. Никакого изыска, никакой радости для языка. Но была жизнь. Ещё на месяц. На два. Может, гораздо дольше, если сильно растягивать.

Он похлопал по набитым рюкзакам — жест собственника, жест человека, который только что выиграл маленькую войну. Потом отстегнул их от поясной лямки, подтащил к тому месту, куда падал луч Жориного фонаря, и три раза дёрнул страховочную верёвку.

Дальше, после короткой паузы, — второй. Матвей смот-

рел, как они поднимаются, покачиваясь в мутном свете, и думал о том, сколько всего в этих мешках. Не просто еда. Это свобода от голода на ближайшие недели. Это возможность не рисковать каждый день. Это тишина в животах у всех, кто ждёт их в подвале.

Верёвка упала обратно, мягко шлёпнувшись в пыль. Матвей пристегнул карабин к поясу, дёрнул два раза — «готов, поднимай».

Подъём был тяжелее спуска. Ноги скользили по мокрому бетону, руки сводило от напряжения, но внутри разрасталось тепло — там, где ещё час назад была только холодная, липкая тревога. Он вывалился на край провала, перевалился через бетонный край и несколько секунд просто лежал, глотая спёртый, фильтрованный воздух и чувствуя, как Жора хлопает его по плечу тяжёлой ладонью.

— Вставай, — хрипло сказал Жора, но в голосе не было приказа — только усталая, счастливая усталость. — Надо уходить.

Матвей поднялся, посмотрел на два рюкзака, стоящих у стены. Тяжёлые. Бесценные.

Сегодня был день чудес.

Сначала противогазы в тайнике за фальш-стеной. Потом — эта яма, полная еды. Две удачи за одну вылазку. В мире, где удача была таким же редким ресурсом, как чистые фильтры или тёплая одежда, это значило только одно: судьба даёт им шанс. Вопрос был только в том, что она попросит взамен.

Она всегда требовала плату за свою щедрость.

Но об этом Матвей решил подумать потом.

Они стояли над провалом, тяжело дыша, и смотрели сквозь запотевшие стёкла масок на туго набитые рюкзаки. Удача. Неслыханная, почти нереальная удача, от которой защипало в глазах и свело скулы.

— Там ещё… дверь, — выдохнул Матвей, сгибаясь под тяжестью своей ноши. Голос срывался, слова давались с трудом. — Наверняка за ней есть что-то ценное. И я не всё собрал, там ещё много осталось. Очень много. Надо будет… непременно вернуться. Всё забрать.

— Обязательно вернёмся! — голос Жоры, хриплый, с неподдельной, почти звериной радостью, резанул по тишине. Он уже стягивал мешки крепкой стропой в единый тюк. — Сам спущусь. Самолично. Выскребу всё, до последней крошки. До последнего сухарика.

— Да… — сказал Матвей, представляя, как они войдут в подвал.

Почему-то в этот момент в голове всплыла другая дверь. В подвале девятиэтажки. Та, в которую он бросил камень с запиской. Те незнакомцы, чужаки — они ведь могли тоже прийти сюда. Увидеть провал, спуститься, полностью подчистить запасы кошачьего корма. А может, даже вскрыть ту самую дверь и забрать всё, что таится за ней.

Матвея кольнуло сомнение.

Правильно ли он сделал, что предупредил их? Неведомых

конкурентов, которые теперь, возможно, уже идут по их следам. Может, надо было просто пройти мимо, как учил Миша? Не вмешиваться, не рисковать, не создавать себе лишних проблем.

Матвей отогнал сомнение. Что сделано, то сделано. Теперь остаётся только надеяться, что те, кого он предупредил, успеют убежать, а не придут сюда за их добычей.

Жора ловко, одним движением, перекинул груз через мощное плечо и помог Матвею закинуть свой рюкзак.

— Наши-то… — Жора запнулся, сглотнул, и даже сквозь фильтр было слышно, как тяжело даётся ему это сдерживаемое ликование. — Наши обалдеют! Особенно Ирка! У неё мордашка сейчас… сейчас такая будет! Затанцует от радости!

От этих слов в груди у Матвея, поверх въевшейся под кожу усталости и вечного, как сердцебиение, страха, вспыхнул тёплый уголёк. Он разгорался, медленно отогревая холод, засевший под костюмом. Душа, скованная месяцами отчаяния, дрогнула и запела — хрипло, сбито, но запела.

Он представил их лица. Тех, кто остался в подвале. Ирку, которая вечно прятала глаза, когда разливали баланду. Петровича с его вечной маской спокойствия, за которой угадывался лихорадочный подсчёт оставшихся дней. Семёна, склонившегося над своей культёй. Валеру, сидящего с паяльником над очередной платой. Все они сейчас там, в бетонной коробке, ждут, считают минуты до их возвращения.

И они несут им.

Не просто еду. Они несут жизнь. Не абстрактную надежду, а конкретную, осязаемую, весомую в килограммах. Мешки, от которых пахнет не пылью и тленом, а жиром, солью и — страшно было даже додумать эту мысль до конца — будущим.

Сегодня они будут сыты. Завтра будут сыты. Послезавтра — тоже. Месяц. Целый месяц без этого сводящего с ума подвывания в пустом желудке. Без взглядов, полных тихого укора, когда ложка погружается в общую миску. Каждый сможет съесть свою порцию и не считать, сколько зёрен досталось соседу.

«Вот она, настоящая удача, — подумал Матвей, слыша мерное пошатывание груза за спиной Жоры. — А не та баланда, надоевшая за много месяцев, и не та смерть в зелёных пакетах».

Он вспомнил аптеку. Те три зелёных упаковки ИРП, так соблазнительно стоящие на полу. Как он, ослеплённый жадностью, рванулся вперёд — и как железная рука Жоры выдернула его из пространства, где через секунду должна была сработать смерть. Он тогда даже не разглядел проволоку. А Жора увидел. Потому что искал. Всегда искал. Всегда смотрел туда, куда поставить ногу. В этом была разница между тем, кто просто хочет выжить, и тем, кто умеет это делать.

Матвей поднял голову. Сквозь пролом в крыше, сквозь мутный пластик фильтра виднелось небо — затянутое ры-

жей пеленой, тяжёлое, равнодушное. Оттуда, с севера, всегда приходило оно. Сначала Шторм, потом Туман с дождями, потом Штиль. Жизнь здесь давно раскладывалась не на дни и недели — она подстраивалась под сезоны, как в каменном веке. Удача, тяжёлым грузом лежащая на плечах, ничего не значила перед стеной радиоактивного пепла, который мог прийти завтра.

Шторм его знает, что будет дальше. Шторм его знает…

Но сегодня — сегодня они возвращались с добычей.

Тёплый уголёк в груди погас, сменившись привычно-тяжёлой уверенностью. Они сегодня выиграли. Им выпало два рюкзака приза.

И тут Матвея, будто обухом по темени, ударила простая мысль. Он выжил сегодня. Должен был умереть от собственной жадности, но, благодаря человеку, шагающему в полутора метрах впереди, — он жив. А он даже слов благодарности не нашёл, проглотив их вместе с комом страха в той аптеке. Долг висел в воздухе, невысказанный, и от этого становилось стыдно. Тяжело. Неправильно.

Матвей ускорил шаг, нагнал Жору и постучал костяшками пальцев по его плечу — коротко, но внятно.

Реакция была мгновенной и отточенной до автоматизма. Жора резко остановился, пригнулся, и свободная рука уже сама рванулась к ломику. Голова дёрнулась, сканируя развалины, тёмные провалы окон, острые гребни крыш. Всё его тело превратилось в сжатую пружину — он был готов к бою.

К разговору он готов не был.

— Что? — выдохнул Жора сквозь фильтр. Голос — напряжённый, хриплый, с металлическим привкусом тревоги. Взгляд метался, не находя угрозы, и наконец упёрся в Матвея.

Тот ничего не сказал. Просто поднял руку в трёхпалой перчатке — ладонью вверх, открыто — и протянул её Жоре. Жест был старым, ещё из той, прошлой жизни: предложение пожать руку. Но здесь, среди пепла, среди мёртвых стен и молчаливого неба, он значил куда больше простого приветствия.

— Спасибо, — глухо проговорил Матвей. Собственный голос прозвучал непривычно громко в гробовой тишине. — Ты спас меня сегодня. А я даже «спасибо» не сказал. Если б не ты, лежал бы я сейчас в той аптеке. Рядом с зелёными коробками. Вместо этих сухарей.

Секунда напряжённого молчания повисла между ними. Потом что-то дрогнуло в позе Жоры. Плечи, сведённые судорогой готовности, опустились на сантиметры. Взгляд перестал бегать по сторонам, потерял ту острую, режущую настороженность. Он медленно выпрямился, переводя дух.

Жора не привык к таким вещам. Слова благодарности в их мире были редки, как целые стёкла в уцелевших окнах. Люди здесь либо брали, либо давали, либо убивали, либо умирали. Благодарить было не принято — это считалось слабостью, признанием того, что ты кому-то должен. А долги в новом

мире прощали редко.

Молча, не глядя на Матвея, Жора переложил ломик из правой руки в левую и протянул свою огромную, закованную в потёртый, промасленный брезент ладонь.

Их руки встретились. Это было не то рукопожатие, которым обмениваются соратники перед боем, проверяя, надёжен ли товарищ. Это было именно рукопожатие — тяжёлое, сильное, намертво сжатое. Через слои ткани, через резину перчаток Матвей чувствовал живую, грубую силу, и в этой силе угадывалась вся невысказанная ответная благодарность.

«И ты меня когда-то вытащил. Из-под ножа. Волок три километра, пока я кровью истекал. Рисковал своим правом на вход. Делился пайком. Мы квиты».

Они так и стояли несколько долгих секунд — два силуэта в тяжёлых противогазах на фоне бурого, равнодушного неба, молча сжимая руки друг друга. Сквозь стёкла масок было видно, как Жора моргнул — один раз, медленно. И в этом движении век читалось то, что он никогда не сказал бы вслух.

Потом он кивнул. Коротко. Резко. Будто ставя точку в разговоре, который и не начинался. Отпустил ладонь Матвея, перехватил ломик поудобнее и, не оглядываясь, двинулся дальше — туда, где за пеленой пепла и разрушений ждал их подвал, ждали свои, ждала жизнь, которую они только что продлили ещё на неопределённое время.

Матвей смотрел ему в спину несколько секунд, потом поправил лямки рюкзака, резанувшие плечи, и шагнул следом.

Матвей последовал за ним. Тяжёлая уверенность в груди снова потеплела. Теперь в ней был не только вес добычи, но и ощущение крепкой, нерушимой связи. Он смотрел на широкую спину Жоры, прокладывающую путь в пепле, и думал, что с таким человеком за спиной можно идти хоть в ад.

— Попрошу жену Петровича сварить супчик из сухарей, — сказал Матвей, чтобы разрядить обстановку. Голос в наушниках звучал непривычно легко, почти по-домашнему. — Я как-то делал такое. Объедение, за уши не оттянешь.

Он громко, смачно сглотнул — в динамиках раздался отчётливый влажный звук.

— Если их перетолочь сухими — мука получится. А потом хоть пирожки, хоть хлебцы можно печь.

Жора, не оборачиваясь, кивнул. В этом коротком движении головы читалось согласие — и, кажется, даже улыбка. По крайней мере, Матвей очень хотел в это верить.

Обратный путь через здание они проделали быстрее, почти бегом. Подгоняла тяжесть добычи, режущая плечи, подгоняла темнота, наливающаяся за разбитыми окнами, и главное — желание. Дикое, нетерпеливое желание увидеть лица тех, кто ждёт. Вечерело. Выход из складского помещения, развороченный грузовой проём, уже темнел впереди, подсвеченный грязно-жёлтым светом умирающего дня.

Матвей смотрел на Жору, идущего впереди, и не переста-

вал удивляться. Тот тащил туго набитый рюкзак так, будто за спиной у него не было груза, а только пуховые подушки. Но Матвей знал: под курткой, под несколькими слоями ткани, у Жоры плечо, которое когда-то проткнули ножом. Оно ныло на погоду, на сырость, на каждый перепад давления. Жора никогда не жаловался. Ни разу. Он просто иногда, в минуты затишья, садился в углу и молча растирал это место ладонью, глядя в одну точку перед собой. Это было его единственное публичное признание боли — и оно значило больше любых слов.

Матвей как раз смотрел на эту спину, на мерно покачивающиеся рюкзаки, когда Жора… оступился.

Всё произошло в одно мгновение.

Нога Жоры наступила на лист фанеры, которым кто-то когда-то прикрыл дыру прямо на дороге. Фанерка, снизу сгнившая насквозь, провалилась с сухим, громким хрустом. Жора вскрикнул — коротко, сдавленно, больше от неожиданности, чем от боли, — и кувыркнулся вперёд.

Звук его падения, тяжёлый лязг тела о бетон, грохот покатившихся рюкзаков и этот обрывающийся крик пронзили гробовую тишину высотки. Звук вырвался наружу, в безмолвные сумерки, и эхом заметался по мёртвой площади перед зданием, отражаясь от стен, умножаясь, возвращаясь обратно уже чужим, пугающим голосом.

Матвей застыл. Сердце, только что мирно отсчитывающее ритм усталого возвращения, подскочило к горлу и застряло

там тяжёлым, пульсирующим комом.

Тишина, наступившая после падения, была звонкой, неестественной — той особой тишиной, когда мозг лихорадочно пытается обработать случившееся, отказываясь в него верить.

А потом из провала донёсся звук. Хриплый, прерывистый стон.

Матвей сбросил лямки рюкзаков, даже не глядя, куда они упадут, и рванул вперёд.

То, что он увидел на дне ямы, выжглось в памяти мгновенно и навсегда.

Жора лежал на спине, неестественно выгнувшись. Вокруг него, в яме, уже натекла лужа, и с каждой секундой она становилась всё шире, всё чернее, всё страшнее. Кусок ржавой, скрученной арматуры, торчавший из груды обломков на дне провала, прошил его ногу насквозь. Вошёл в ступню, пробил голень и вышел из бедра, чуть выше колена. Грязный, зазубренный конец, вымазанный алым, торчал с другой стороны, и это зрелище было настолько чудовищным, что у Матвея на миг остановилось дыхание.

Кровь не текла. Она выбрасывалась толчками, в такт бешеному пульсу. Тёмно-красные фонтаны хлестали по ржавчине, по пыли, по обломкам, собираясь внизу в липкую, тёплую, всё разрастающуюся лужу.

Жора метался.

Он не кричал. Он орал. Из его горла вырывался животный

вопль, в котором не осталось ничего человеческого. Он упирался руками в бетон, пытаясь оторвать тело от пронзившего его штыря. Мышцы на шее и руках вздулись тугими канатами, лицо перекосилось в дикой, нечеловеческой гримасе. Его дёргало в конвульсиях, и каждый рывок, каждое движение вызывало новый, ещё более страшный выброс крови.

Звук этого крика в замкнутом пространстве ямы был не просто громким. Он был всепоглощающим. Он бил Матвею в уши сквозь толстый пластик шлема, давил на барабанные перепонки, заполнял собой всё: сознание, воздух, каждую клетку тела. В нём смешались боль, страх, ярость и полное, абсолютное отчаяние зверя, который понял: всё. Попался.

— Держись! Не двигайся! — закричал Матвей, но собственный голос в наушниках показался ему жалким, слабым писком, неспособным пробиться сквозь эту стену агонии.

Он упал на колени прямо в лужу, которая тут же пропитала ткань на коленях, и попытался зажать рану. Руки в перчатках мгновенно стали липкими, скользкими, тёплыми. Кровь проступала сквозь ткань, затекала под перчатки, и он физически чувствовал, как она уходит из Жоры — слишком быстро, слишком сильно.

И в этот момент Жора, корчась в агонии, рванулся к нему.

Одна его рука вцепилась в шланг сброса отработанного воздуха на груди Матвея и вырвала его одним движением. Воздух с шипением устремился наружу. Вторая рука схватила баллон с кислородом за спиной Матвея и рванула на се-

бя, притягивая Матвея вплотную к своему перекошенному лицу.

Глаза Жоры — расширенные, бешеные, с лопнувшими сосудами — упёрлись в глаза Матвея сквозь мутный пластик противогазов.

И тогда из его рта вырвался звук.

Это был не крик. Это был рык. Низкий, булькающий, рвущийся из самой глубины лёгких, из утробы, из того места, где живёт только инстинкт. Дикий, животный рёв, который Матвей услышал сразу в двух измерениях: приглушённо, сквозь ткань и пластик, и одновременно — в наушниках, куда этот звук ворвался искажённым, разорванным помехами эхом.

Два голоса одного человека слились в один кошмарный вопль.

Он не просто оглушал. Он вдавливал Матвея в землю, пригвождал к месту, заполнял собой всё пространство ямы. Этот звук вибрировал в костях, в металле, в стенах. В нём не осталось ничего разумного, ничего человеческого. Только агония. Только ужас. И слепая, всепоглощающая ярость того, кто цепляется за жизнь, прекрасно понимая, что шанса у него почти нет.

Этот рык был того же порядка, что и гул Шторма за стенами. Матвею вдруг показалось, что он слышит голос самой земли — дикой, неумолимой, равнодушной.

И тут же, сквозь пелену ужаса, пришло узнавание. Он уже

слышал этот звук. В ту самую ночь, когда нашёл Жору, прижатого к стене, отбивающегося от диких ржавой кочергой. Тогда, сквозь хрип и лязг металла, прорывался тот же рёв. Рёв загнанного зверя, для которого боль и ярость стали последним оружием.

Жора продолжал срывать с него снаряжение. Пальцы, скользкие от крови, хватали всё, до чего могли дотянуться: лямки, клапаны, ремни. В его глазах не было узнавания. Только животный ужас и слепая, инстинктивная попытка уцепиться за жизнь — за любую опору, за любого, кто рядом.

От перепада давления у Матвея заложило уши. В голове нарастал тяжёлый, низкий гул, заглушающий даже рык Жоры.

Матвей попытался отползти от Жоры. Но тот вцепился в него мёртвой хваткой.

И в этом гуле, на грани потери сознания, Матвей вдруг понял простую и страшную вещь: он сейчас тоже может умереть. Здесь, на дне этой ямы, захлебнувшись в чужой крови и собственном ужасе.

Глава 5

Он проснулся от тишины.

Не от той, когда просто тихо. От другой — что давит на уши после взрыва, после крика, после того, как звук уже кончился, а тело всё ещё ждёт продолжения.

В ушах всё ещё стоял крик. Хотя прошло… сколько? Три дня? Неделя? Он не знал. Часы остановились. Для него это продолжало происходить. Снова и снова.

Рефлексы, равнодушные к его состоянию, продолжали работать. Они и разбудили — сигналом, который не пропустишь. Воздух в подвале пах пылью, сыростью и сладковатой химической гарью. Первый признак: фильтры пора менять. Тело знало это ещё до того, как сознание соизволило вернуться в реальность.

Матвей лежал на железной койке, привинченной к стене, и смотрел в потолок. По бетону ползли жёлтые разводы — конденсат, прокисший кислотой. В этом пятне, расползающемся по серой поверхности, ему мерещилось лицо. Искажённое болью, перекошенное в крике лицо Жоры.

Он перевёл взгляд.

Напротив, на стене, висел дозиметр. Его тиканье было единственным звуком в комнате — ровным, механическим, похожим на сердцебиение этого мёртвого места. Звук того,

что жизнь продолжается. Зелёный светодиод мигал раз в десять секунд. Фон в норме. Пока.

Матвей сел.

Тело отозвалось глухой болью — в рёбрах, в вывернутом плече. Заныла стопа. Боль усилила воспоминания. Дала им объём, вес, запах. Последняя вылазка. Склад на окраине их района. Зелёный ящик с противогазами старого поколения, с ручной прокачкой и переходниками. Их было двое. Двое «крыс», ушедших за добычей.

Вернулась одна.

Он.

Не потому, что так решили. Не потому, что он кинулся за подмогой. Потому что на обратном пути Жора оступился. Нога пробила подошву костюма — ржавая арматура, торчащая из груды обломков, вошла в ступню, вышла из бедра. Задела вену.

Кровь пузырилась, хлестала толчками.

Он видел, как Жора сначала кричал в маску. Потом начал рвать на себе стяжки, пытаясь сорвать её, когда по стеклу поползли первые радужные разводы — дыхание сбилось, лёгкие захлёбывались. Он стал дёргать Матвея, повалил, подмял под себя. Пальцы в грубых перчатках скользили по стяжкам, по шлангам, по лицу — слепо, судорожно, пытаясь сорвать с него маску, вцепиться во что угодно, лишь бы передать кому-то эту невыносимую боль, разделить её, переложить.

Именно тогда Матвей вывихнул плечо — пытаясь отжать эти стальные тиски, удержать обезумевшего гиганта, который был сильнее в десять раз, даже умирая.

Жора, корчась, увидел над ними плиту. Тяжёлую, бетонную, нависающую прямо над ямой, с торчащими из неё ржавыми прутьями арматуры. Он ухватился за них. Не для спасения. Просто потому, что это была ближайшая точка опоры. Он тянул её на себя, в такт своим судорогам, пытаясь приподняться, вырваться из этой агонии.

Плита заскрипела.

Глухой, леденящий звук, похожий на стон раненого зверя, разнёсся над ними. Она качнулась, и пыль посыпалась на шлемы, застилая мутным слоем и без того плохую видимость. Матвей замер, глядя вверх. Ещё один рывок — и многотонная глыба рухнет, похоронив их обоих в этой яме.

А Жора лежал и кричал. Навалившись на Матвея. Уставившись на него своими бешеными глазами с лопнувшими сосудами. Молил о помощи. Проклинал. Угрожал. Раскачивал плиту.

И когда он снова потянулся к трубкам сброса отработанного воздуха на груди Матвея, чтобы вырвать их, вздохнуть их общим последним воздухом, — Матвей понял.

Ему придётся его убить.

Правила.

Чёртовы правила, которые знал каждый, кто хотел жить дольше суток в новом мире. Заражённый или безнадёжный

свой — это чужой. Угроза для всех. Труп, который ещё дышит, но тянет за собой живых.

Матвей оттягивал этот момент до последнего. Всё надеялся на чудо. Всё ждал, что Жора вдруг остановится, затихнет, примет свою участь. Но Жора не принимал. Он боролся. И он тащил за собой в могилу того, кто был рядом.

Его. Матвея.

Пистолет.

Держать его в грубой трёхпалой перчатке было почти невозможно. Он скользил, норовил вывернуться, выпасть. Металл казался чужим, холодным, неживым. Матвей нащупал спусковой крючок — сквозь ткань перчатки он почти не чувствовался.

Он выстрелил.

Первый раз — Жоре в сердце.

Жора не упал. Он даже не ослабил хватку. Он просто дёрнулся, выгнулся, и его глаза — эти страшные, налитые кровью глаза — уставились на Матвея с таким удивлением, будто он не понимал, что произошло. Пальцы, вцепившиеся в прутья над головой, сжались ещё сильнее. Плита скрипнула, осела на сантиметр, и пыль посыпалась гуще.

Матвей выстрелил ещё раз.

И ещё.

Только тогда железная хватка ослабла.

Жора медленно осел. Его тело сползло с арматуры, пронзившей ногу, и тяжело рухнуло на Матвея, придавив к земле

своей тяжестью. Последний вздох прошёл через фильтр — глухой, сиплый звук. Запотевшее стекло его маски на мгновение стало молочно-белым, а потом потухло, помутнело, превратилось в мёртвое, пустое стекло.

Но глаза остались открытыми.

Они смотрели на Матвея сквозь пластик шлема. В них застыло всё: немой укор, вопрос, на который нет ответа, и страшное, полное понимание того, что произошло. Понимание, которое приходит только в последнюю секунду.

Плита над ними, лишившись натяжения, с глухим стуком вернулась на место.

И наступила тишина.

Та самая. Которая давит на уши после взрыва. В которой ещё стоит крик.

Матвей заплакал.

Слёзы просто потекли — сами, без спроса, без разрешения. Жгли лицо, путались в щетине, затекали в уголки губ. Солёные. Тёплые. Живые.

Прошла целая вечность. Или секунда. Он не знал.

Надо было жить дальше.

Тело слушалось плохо, но слушалось. Руки, знакомые с этой работой, включились раньше, чем мозг разрешил им это сделать. Сдвинуть тело. Высвободиться. Жора был тяжёлым — даже мёртвым он весил целую тонну.

Потом — отсоединить баллоны на спине Жоры от его системы. Проверить свою маску на целостность. Собрать ору-

жие. Пальцы помнили последовательность, даже когда сознание проваливалось в чёрную яму.

Затем он оттащил тело под бетонную плиту. Укрыл от чужих глаз, от ветра, от равнодушного неба. Достал карту, огрызок химического карандаша и поставил метку. Крестик и одно слово.

«Жора».

Позже надо будет вернуться. Забрать баллоны, противогаз, реактивы. Всё, что ещё может пригодиться. И маску. Маску — обязательно. Жоре она уже без надобности, а в подвале каждый фильтр на счету.

А потом — похоронить. Как у них принято. Сжечь.

Так правильно.

Чтобы тело не досталось «диким». Чтобы его гниющая плоть не стала рассадником для «веселухи» или «могильного бархата». Чтобы Жора ушёл по-человечески, а не превратился в часть этого мёртвого мира.

Так и сделали.

Вчера. Или три дня назад?

Матвей не знал. Время в подвале текло иначе, а после того, что случилось, оно и вовсе потеряло смысл. Остались только метки на карте, пустая койка напротив в комнате, выделенной им, и тишина, которая давила на уши сильнее любого крика.

Он знал: нельзя долго предаваться такому состоянию. Оно сожрёт. Сделает обузой, балластом, который Семья рано или

поздно сбросит. Чтобы остановить бег мыслей по кругу — Жора, кровь, выстрел, глаза, Жора, Жора, Жора — нужно было движение. Любое. Самый тупой, механический, не требующий участия мозга труд.

Он поднялся.

Тело слушалось плохо, но встать смог. Матвей уставился в угол, туда, где на бетонном полу аккуратной кучей лежало то, что осталось от вещей Жоры. Вчера или три дня назад — какая разница — Семья обыскала тело по правилам. Всё ценное изъяли в общий фонд. Остальное свалили здесь, дожидаться разбора.

Порванный сапог торчал сверху. Голенище распорото вдоль, подошва пробита насквозь в том самом месте, куда вошла арматура. Матвей смотрел на него и видел не кожу и резину, а дыру. Дыру, через которую ушла жизнь.

Сапог можно подлатать. Хорошая вещь пропадать не должна.

Поверх всего, прикрывая остатки одежды и снаряжения, лежала маска. Та самая, которая была на Жоре. Стекло всё ещё хранило разводы — те самые, последние, что появились, когда лёгкие отказались работать. Матвей перевёл взгляд на металлический шкафчик у стены, рванул дверцу. Внутри, на полке, лежала его старая рубашка — когда-то белая, теперь серая, расползающаяся по швам от времени и сырости.

Он вытянул её, подошёл к куче вещей и, не глядя, накрыл маску.

Просто накрыл тряпкой.

Всё.

Хлам перестал быть лицом. Стал просто кучей тряпья, которую надо будет когда-нибудь разобрать.

Не сейчас.

Матвей выдохнул. Пауза. Вздохнул. Воздух вошёл в лёгкие легче, чем минуту назад. Мысль о том, что Жора смотрит на него с той стороны стекла, притупилась, ушла на задний план.

Ему стало легче.

Совсем чуть-чуть. Ровно настолько, чтобы сделать следующий шаг.

Развернувшись, он подошёл к умывальнику.

Ржавая раковина без крана торчала из стены, как больной зуб. Рядом, на самодельной полке из фанеры, стояли пластиковые бутылки — ряд тёмных, мутных ёмкостей разного калибра. Техническая вода. Каждая капля на счету.

Матвей взял одну, открутил крышку, осторожно, стараясь не пролить ни капли, полил на тряпку. Холод обжёг кожу — ледяной, резкий, до мурашек. Он зажмурился, провёл мокрой тканью по лицу, смывая не столько грязь, сколько оцепенение.

Вода текла по щекам, собиралась в подбородке, падала в раковину — и уходила в слив, в темноту, где её ждал отстойник. Там механик Валера снова сделает из неё то, чем можно будет мыть полы или технику. Ничего не пропадает.

И вода эта, холодная, чистая, текущая по его лицу каплями в раковину, напомнила.

Первые дни в убежище. Тогда Матвей ещё не понимал простых вещей.

Он расплескал воду. По неосторожности, по глупости — полкружки выплеснулось мимо, на пол, впиталось в бетон и пропало навсегда. Он ждал крика. Ждал, что сейчас его будут тыкать носом, как нашкодившего щенка.

Никто не закричал.

Старший просто подошёл, взял его за локоть и подвёл к бочке с отстойной водой. Той самой, мутной, серой жижей, которую Валера потом с таким трудом превращал в техническую.

— Видишь? — спросил старший, и его палец ткнулся в поверхность, разгоняя маслянистые разводы. — Вот это — твои полкружки.

Матвей смотрел на мутную жижу и не понимал.

— Чтобы эта дрянь, — старший постучал по бочке костяшками, — превратилась вот в это, — он кивнул на кружку с чистой водой, которую Матвей всё ещё сжимал в руке, — Валера потратил двое суток.

Голос старшего был ровным, спокойным, без злости. И это было страшнее любого крика.

— Двое суток он качал насосом. Когда крякнул двигатель, и мы не нашли ему замену. Фильтровал через песок, через уголь, через самодельные мембраны. Двое суток его време-

ни и сил, которые он не потратил на починку генератора. Не проверил проводку в жилом отсеке. Не поднялся на крышу, глянуть, как там ветряк. Не проинспектировал аккумуляторную. Не помог Семёну с вентиляцией. Потому что он делал воду. Для тебя.

Старший замолчал, давая словам осесть в голове.

— А теперь представь. Таких кружек нужно двадцать в день. На всех. На питьё. На еду. На обработку ран, когда кто-то приползает с вылазки весь в крови и грязи. А бочка — одна. И насос — один. И Валера — один.

Он взял у Матвея кружку — осторожно, будто это было не стекло, а что-то бесконечно хрупкое. И медленно, церемонно, глядя Матвею в глаза, вылил остатки воды обратно в общий бак.

— Когда Шторм вернётся, и мы будем сидеть внутри и изнывать от безделья, тогда. Тогда ты однажды спустишься ещё ниже. — старший ткнул пальцем в пол. — и будешь целый день качать насосы. Я попрошу ради этого отключить двигатель. Чтобы ты понял цену каждой капли.

Матвей понял.

С тех пор он даже во сне чувствовал вес воды. Её цену, её стоимость, её рукотворность. Каждая капля была не просто жидкостью — она была временем. Чьим-то временем. Чьей-то жизнью.

И сейчас, вытирая лицо влажной тряпкой, Матвей думал не о том, как хорошо смыть с себя липкую усталость. Он ду-

мал о том, что эта влага на его щеках, эти капли, падающие в ржавую раковину, — это часы жизни Валеры.

Он аккуратно, стараясь не пролить ни капли, отжал тряпку обратно в бутылку. Вода, пусть грязная, ещё пригодится. Для технических нужд. Для чего угодно.

Потому что вода не прощает разгильдяйства.

Он медленно поднял голову.

Из куска мутного зеркала, прикрученного к стене ржавыми саморезами, на него смотрел незнакомец. Жёлтая кожа, как у старого пергамента, впалые щёки, глаза с красными прожилками — сеть лопнувших сосудов, память о недосыпе, голоде и постоянном напряжении. Короткие жёсткие волосы торчали неопрятным ёжиком.

Двадцать пять лет. А выглядел на сорок.

Матвей задержал взгляд на собственном отражении, пытаясь найти в нём хоть что-то от того парня, который когда-то жил в другом мире. От того парня, который работал тестировщиком в IT-компании. Не нашёл.

В дверь постучали.

Коротко. Требовательно. Три удара костяшками по металлу.

— Ты как там? Не сдох ещё? — раздался хриплый мужской голос из-за двери. — Собирайся. Хватит дрыхнуть. Перед ужином надо наружу нос показать. Остатки сухарей собирать.

Петрович.

Старший. Глава Семьи. Гора, к которой штормом прибило всех остальных. Прожжённый жизнью мужик, из тех, кто либо выживает в любых условиях, либо не живёт вообще. С принципами. Железобетонными, простыми, как лом, и — Матвей давно это понял — правильными. Не для прошлого мира. Для того, который наступил сейчас, эти принципы были единственным якорем.

Именно они когда-то понравились Матвею. И остальным, кого судьба сбила в этот подвал, в то, что они теперь называли Семьёй.

И Жоре.

Мысль кольнула — коротко, но больно. Матвей сглотнул.

«Надо продолжать жить, — промелькнуло в голове. — Парень, погрустил — и хватит».

Это был не его голос. Чужой. Но знакомый до боли. Хриплый, низкий, с вечными нотками усталой иронии.

Голос Жоры.

Матвей замер на секунду, прислушиваясь к себе. Голос молчал. Но ощущение, что Жора стоит где-то рядом, за спиной, смотрит на него своим тяжёлым, изучающим взглядом, — это ощущение осталось.

Он заставил губы сложиться в подобие улыбки. Кривоватой, больше похожей на гримасу, но всё же — попытка. Обернулся к двери.

— Не дождёшься, — ответил он Петровичу, и голос прозвучал на удивление ровно. — Жив ещё. Сейчас выйду.

За дверью хмыкнули, и шаги старшего зашаркали по бетону, удаляясь.

Матвей ещё раз взглянул в зеркало. Незнакомец с жёлтой кожей смотрел на него всё так же тяжело.

— Идём, — сказал ему Матвей и отвернулся.

Оделся по ритуалу.

Сначала термобельё — стёганое, с дырами, которое грело ровно настолько, чтобы не замёрзнуть, но не настолько, чтобы вспотеть. Потом основной слой: толстый свитер из свалявшейся шерсти, брюки из брезента, жёсткие, как фанера.

Закончив с одеждой, он подошёл к металлическому ящику. В нём висел его защитный костюм. В день, когда умер Жора, у него не хватило сил раздеться в «жёлтой». С тех пор «костюм» ждал его здесь.

Он начал его одевать.

Это был не гладкий скафандр из учебников по химической защите. Это была франкенштейн-сборка. Части от химзащиты МЧС, сваренные воедино старательными руками Валеры и Семёна. Пластины от бронежилета — на груди и на спине, прикрученные поверх ткани, чтобы держали удар. Самодельные сапоги из толстой резины и кожи — Валера клялся, что подошва выдержит хоть кислоту, хоть гвозди. Швы проклеены и прошиты в три ряда — на каждый миллиметр защиты ушёл час чьей-то жизни.

На спине — баллон сжатого воздуха и блок фильтров. Тяжесть привычная, въевшаяся в плечи.

Маска — списанная авиационная, со сколотым стеклом на левом глазу. Матвей уже привык смотреть одним глазом, сканировать пространство, поворачивая голову чуть шире, чем другие. Герметичность проверял мыльным раствором — обмазал стыки, подул. Пузырей не было.

Пока не было. Сегодня.

Он обернулся и посмотрел в угол. Там, под старой рубашкой, лежала она. Маска Жоры. Чужая, но такая знакомая. Целая, надёжная, герметичная. Та, что могла бы подарить ему ещё месяц жизни, если бы он решился её надеть.

Матвей перевёл взгляд на свою маску — сколотое стекло, потёртые ремни, фильтр, который скоро попросит замены. Если она вообще доживёт до замены.

— Нет, — прошептал он, глядя на кучу вещей в углу. Губы сжались, кулаки сжались, взгляд упёрся в бетонный пол. — Нет…

Но он знал. Знал так же отчётливо, как знал, что вода не прощает разгильдяйства, а Шторм — беспечности. Его маска скоро выйдет из строя. Может, завтра. Может, через неделю. И тогда у него не останется выбора.

«Не боись, — голос Жоры в голове раздался спокойно, будто тот сидел где-то рядом, в своём обычном углу, и протирал ломик промасленной тряпкой. — Омоешь маску — как новенькая будет. Можешь спирту попросить у Валерича, протри как следует, если брезгуешь».

Матвей вздрогнул.

Резко, всем телом, будто сквозняк прошёлся по голой спине. Он замер на секунду, прислушиваясь к себе, — но голос молчал. Только ветер гудел где-то далеко, за толщей бетона, да сердце колотилось где-то в горле.

Он отвернулся.

Застегнул последнюю лямку, поправил ремень, проверил крепление баллона. Руки делали своё дело сами, на автомате, а мысли всё ещё цеплялись за этот голос — такой знакомый, такой живой.

Потом он выпрямился, повернулся спиной к углу, где под старой рубашкой лежала маска Жоры, и шагнул к выходу.

Он старался не смотреть в ту сторону. Очень старался.

Но краем глаза, уже в дверях, всё равно увидел этот угол — и сердце сжалось в привычный, ноющий комок.

— Это всего лишь маска, — прошептал он.

Матвей вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

Глава 6

Железная дверь его комнаты со скрежетом отъехала в сторону, выпуская Матвея в коридор.

Справа, вдоль бетонной стены, тянулись двери служебных помещений — такие же ржавые, как у него, с номерами, намалёванными белой краской от руки. Из-под некоторых сочился тусклый свет, где-то кашлянули, где-то заскрипела койка. Жизнь. Серая, подземная, но жизнь.

В самом конце коридора темнел проём, из которого тянуло теплом и запахом еды — «гостиная». Общая комната, где Семья собиралась по вечерам, где грелись у буржуйки, где ели, спорили, молчали и иногда — редко, но бывало — смеялись.

Слева уходил в темноту другой коридор. Техническая часть подвала. Там начиналась «жёлтая» зона, за ней — «серая», а дальше — выход наружу, в мир, который не прощал ошибок.

Матвей вздохнул и повернул налево.

Ноги несли его к шлюзам сами, на автопилоте — столько раз он ходил этим путём, что бетон под подошвами, казалось, запомнил его шаги. За несколько метров до входа в «жёлтую» комнату из-за двери донеслись голоса. Человеческая речь, возгласы, и сквозь них — густой, сочный мат Петровича и вечно недовольное брюзжание Семёна.

Семён. Страж двери. Главный по герметизации. По костюмам, по швам, по фильтрам. Человек, который проверял «крыс» перед каждой вылазкой и провожал их взглядом, полным мрачного скепсиса.

— Лучше перебдеть, чем недобдеть, — бубнил Семён за дверью. — Я ж говорю, у Матвея на левом рукаве шов начал расходиться. Надо перешивать, пока не поздно. После случая с Жорой шов ещё больше разошёлся. А он всё ходит, ходит…

— Перешьёшь, — отрезал Петрович. — Вернётся — перешьёшь. Не развалится.

Матвей замер на секунду, прислушиваясь. Спор старый, как их подвал. Семён ныл всегда. На швы, на баллоны, на маски. Петрович рубил сплеча. И так каждый раз перед выходом.

Он толкнул дверь.

Он почувствовал, как холодный воздух «жёлтой» комнаты ударил в лицо. В «жёлтой» комнате было тесно от развешанных по стенам костюмов, баллонов. На стене, на массивных крюках, висели два «уличных» костюма — тяжёлые, нашитые свинцовыми пластинами, для долгих вылазок, если фон был близок к красному, а выйти надо было. Наполовину разобранные. Сегодня они шли в тех, что на себе. На «средних», для «жёлтого» уровня фона.

Внутри пахло резиной, мыльным раствором и потом. Семён копался в груде снаряжения, что-то бормоча под нос.

Старик в похожем костюме, как у Матвея, но более потрёпанном, надевал свой шлем. Это был Петрович. Его лицо было похоже на старую карту — испещрённое морщинами и тяжестью жизни.

Оба обернулись на скрип двери.

Семён встал, подошёл, цепко, по-хозяйски ощупал его рукав, подёргал лямки, заглянул в маску.

— Шов, говорю, скоро поползёт, — проворчал он, но без злости, скорее по привычке. — После вылазки сразу ко мне. Перешью.

Матвей кивнул, принимая это как данность.

Петрович опустил маску, подошёл ближе. Встал напротив, глядя тяжело, изучающе.

— Очнулся, — хрипло сказал Петрович, оглядывая Матвея. Его голос всегда звучал так, будто он глотал пыль. — Думал, ты ещё сутки отлёживаться будешь, уже без тебя собрался наружу. Теперь всё? Постоянно ночевать отдельно от всех будешь? Холодно же там. Да и… — он хотел сказать «скучно без Жоры», но вовремя остановился.

— Проспаться решил в одиночестве. Захотелось личного пространства побольше. — Матвей смотрел прямо, давая понять, что траур закончен, но говорить на эту тему не хочет.

Петрович одобряюще кивнул головой.

— Значит, так, — сказал он негромко, но в этом голосе слышалась та самая железобетонность, которая держала Семью уже который год. — Выходим вдвоём. Ты и я. «Крыс»

у нас теперь…

Он замолчал, поняв, что опять может ляпнуть лишнее. Но Матвей понял.

«Крыс», после того как Жора был сожжён, осталось только двое. Он и Петрович. И это означало одно: теперь им придётся выходить чаще. Рисковать больше. Тащить на себе ту ношу, которую раньше делили на троих.

Петрович смотрел на него, и в этом взгляде читалось то же, что Матвей чувствовал сам: усталость, принятие и твёрдая, несгибаемая решимость.

— Заботы Семьи, — тихо сказал Петрович. — Помнишь?

— Помню, — ответил Матвей. — Превыше всего, — закончил он, и эти слова прозвучали не как лозунг, а как напоминание. Как клятва, которую они все когда-то приняли.

Петрович кивнул.

Семён крякнул, отвернулся к своим костюмам, делая вид, что не слышит этого разговора. Но Матвей знал — слышит. И понимает.

Он подошёл ближе. Семён сидел на низкой скамье, согнувшись над своей культёй. Лёгкий прорезиненный костюм — для работы внутри, для «серой» зоны, куда можно выходить без тяжёлой защиты, — облегал его тощее тело, делая похожим на большую, уставшую птицу.

— Что по фону, Семён? — спросил Матвей, кивая на дозиметр, и желая влиться в рабочий процесс.

Семён, не поднимая головы, продолжал своё дело. Он пе-

рематывал обрывки тряпок — всё, что осталось от стопы. Теперь там была самодельная культя: грубая, неуклюжая, обмотанная грязными бинтами так туго, что кожа под ними, наверное, давно побелела и потеряла чувствительность.

— На улице — стабильно, — ответил он, с натугой затягивая узел. Голос шёл со свистом, сквозь вечно забитые лёгкие. — Жёлтая зона. В лёгком костюме, как у меня, часов шесть отпахать можно без проблем.

Он дёрнул бинт, затягивая до побеления — Семён любил, чтобы всё держалось мёртво.

— И если месяца два потом не будешь высовываться и останешься жив, — добавил он, и в голосе прорезалась знакомая, едкая усмешка, — глядишь, через полгодика детей строгать начнёшь…

Он хрипло засмеялся, довольный собственной шуткой.

Смех тут же перешёл в кашель. Надрывный, влажный, выворачивающий наизнанку. Культя, туго замотанная в тряпки, при каждом спазме дёргалась и глухо ударяла о бетон пола.

Тук. Тук. Тук.

Как сломанный метроном. Как часы, которые отсчитывают секунды в этом подземном мире.

Тук. Тук. Тук.

Матвей смотрел на него и думал о том, что недавно они сжигали Жору. Собирали всё, что могло гореть, обливали техническим спиртом и смотрели, как тело человека, кото-

рый ещё несколько дней назад дышал с ними одним воздухом, ел за одним столом, превращается в пепел. Чтобы он не достался «диким». Чтобы его плоть не стала рассадником заразы. Чтобы Жора ушёл по-человечески.

А сегодня — шутки про «строгать» детей.

«Возможно, это такая защита», — подумал он.

Горевать было непозволительной роскошью. Пока ты сидишь, уставившись в стену, и позволяешь себе чувствовать, расклеиваться, кто-то другой — тот, кто не позволяет, — найдёт банку консервов. Патроны. Генератор. Фильтр. То, что продлит жизнь его Семье на день. На месяц. Может быть, на год. Не твоей Семье.

Матвей шагнул к Семёну и, не говоря ни слова, начал похлопывать его по спине. Размеренно, спокойно, в такт угасающему кашлю. Удары тонули в толстой резине комбинезона, но ритм — ритм помогал.

Семён дышал. Хрипел. Выплёвывал в тряпку то, что поднялось из лёгких. Матвей всё хлопал и хлопал, чувствуя, как сквозь резину передаются толчки — каждый раз, когда культя встречалась с бетоном.

Тук. Тук. Тук.

Наконец кашель пошёл на спад, сменился хриплым, свистящим дыханием.

— Всё, всё… — Семён отмахнулся, вытирая рукавом слёзы, выступившие от напряжения. — Спасибо.

Он ещё несколько раз кашлянул, уже без прежней энер-

гии, и поднялся, опираясь на скамью, и переступил с правой ноги на культю левой. Проверил, держит ли. Качнулся, поймал равновесие, удовлетворённо хмыкнул.

— Хоть на танцы идти можно! — пошутил он и притопнул пару раз.

— Ага, костыль только не забудь, — напомнил ехидно Петрович.

Матвей улыбнулся. Он смотрел на Семёна и видел не просто инвалида, доживающего свой век в подвале. Он видел стража.

На памяти Матвея чужаки дважды пытались пробиться в подвал.

Первый раз Семён тогда подорвал балконные плиты, нависавшие над входом. Грохот стоял такой, что в подвале посыпалась штукатурка с потолка — будто само здание рухнуло. Несколько «диких» остались под плитами, и целый день потом ушёл на то, чтобы доставать их тела, добивать их, рассовывать по мешкам, чтобы на следующий день отнести за несколько кварталов и сжечь.

«Дикие» тоже когда-то были людьми. Смерти было всё равно, из чьей плоти она собирает урожай. Как и огню — чьи кости глодать.

Второй случай был страшнее.

Один из своих сдал их убежище. Предатель впустил чужаков прямо в «серую» — на порог их крепости. Семён отстреливался один, пока не кончились патроны, а потом от-

бивался прикладом, пока тот не разлетелся в щепки. Когда Петрович с Матвеем вернулись с вылазки и добили оставшихся, Семён уже лежал в луже собственной крови. Лицо у него было белое, как та мука, которую они видели в прошлой жизни.

Вытащили. Откачали. Но ногу спасти не успели — гангрена в мире без антибиотиков приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Отпилили обычной ножовкой, рану прижгли раскалённым железом. Семён орал так, что, наверное, на поверхности было слышно — сквозь бетон, сквозь пепел, сквозь равнодушное небо.

Но выжил.

Нападавших — и чужих, и предателя — тоже сложили в мешки и сожгли там же, где сжигали «диких». Огонь не разбирает, чью плоть жрёт. И тем, и другим когда-то было имя «человек». Теперь у них не осталось даже этого.

После того случая Семён стал тише. Злее. И надёжнее любой железной двери.

Теперь у него была одна работа — дежурный у входа. Без смены, без выходных. Вечный страж порога. Последний рубеж. Тот, кто сидел здесь, в «жёлтой», когда они уходили наружу, и ждал их. Тот, кто встречал их, когда они возвращались. Его глаза в перископе были единственным, что отделяло Семью от смерти, которая могла постучаться в дверь в любом обличье.

Лица вернувшихся скрывали противогазы, маски, слои

резины и ткани. Голоса глушили фильтры и динамики. Радиосвязь не проходила сквозь помехи пепла, толщу металла и свинца. Всё, что видел Семён, — защитные костюмы, в которых мог находиться кто угодно. Свои, принесшие добычу. Или чужие, снявшие защитные костюмы с мёртвых своих.

И он решал.

Впустить или не впустить. А может, обрушить на них бетонный «водопад»? Или крикнуть Валере, чтобы он передал в гостиную, чтобы ставили чайник на плиту?

И если бы он ошибся хоть раз — Семьи бы уже не было. Их подвал, убежище было бы разграблено или заселено другими.

А до этого он сам был «крысой». Матвей помнил те времена, когда Семён ещё на двух ногах выходил наружу, таскал грузы, рисковал не меньше других. Но затем его здоровье начало подводить его. И он стал всё больше времени оставаться в подвале. Сторожить вход. Пока не стал вечным Стражем двери.

— Шторм с севера несёт что-то, — пробурчал Семён, отрываясь от своих мыслей и припадая к глазку двери в «серую». Глазок был маленьким, с мутным стеклом, но он умудрялся видеть в ней больше, чем другие в перископ. — Ноет моя кость. Не просто пепел. Чую, кислотой тянет.

Матвей знал эту его привычку — Семён верил, что культя чувствует погоду лучше любого барометра. И, как ни странно, часто оказывался прав. Такой же внутренний «барометр»

был у Петровича. Но у Семёна он был чувствительнее.

— У меня тоже кости тянет, — буркнул Петрович. — Только этого не хватало, — он с силой выдохнул, и воздух со свистом прошёл сквозь стиснутые зубы. — Чтоб ему пусто было… Фильтры на внешке потравит, резину разъест. Придётся герметиком всё заливать, как лодку конопатить.

— Зато Валерычу праздник, — хрипло усмехнулся Семён, отходя от стены. Глаза его блеснули в полумраке — недобро, но с узнаваемой хитринкой. — Кислоты напасётся на аккумуляторы. Фляги свои драгоценные достанет, наберёт, глаза загорятся. Да и мне… похимичит, дезинфекционный раствор обновит. Спирта технического нагонит. И ещё кое-чего… запретного.

Он сделал паузу, красноречиво покосившись на Петровича.

Петрович обернулся к нему мгновенно, как зверь на шорох.

— Ты смотри, старый. Ты живой нужен. Не вздумай пить эту дрянь. Отрава в ней. Вот вернусь — устрою Валере разнос, да так устрою, что он у меня сам свои фляги выпьет вместе со всей кислотой. Той, что осталась, и той, что наберёт.

Он погрозил пальцем куда-то в сторону коридора, откуда доносилось мерное гудение насосов — там, в своей вотчине, колдовал Валера над очередным химическим составом или каким прибором.

— Да шучу я, Петрович, шучу, — Семён примирительно

поднял руки. — А то все серьёзные, плюнуть аж стыдно. Но Валеру предупредить надо. Пусть готовится.

Петрович долго, с прищуром, смотрел, постепенно остывая и переключаясь в режим планирования. Он уже мысленно составлял список, раскладывал по полкам задачи, прикидывал ресурсы.

— Надо ему сказать, пусть тару готовит. И ветряки проверить как следует — стянуть лопасти, закрыть, пока кислотой не разъело. Всё лишнее — в «серую», в нежилые подвалы. До лучших времён. Пока что…

Он обошёл Матвея, потрогал баллоны на его спине, проверяя крепления привычным, автоматическим жестом. Пальцы скользнули по лямкам, дёрнули, убедились — держит.

— Пока у нас тут жёлтый уровень. Стабильный. И ветер стих. Значит, нам надо шевелиться, пока эта тишина чего похуже не принесла.

Матвей кивнул.

«Жёлтая зона» — можно выжить, но нельзя расслабляться. Дозиметр щёлкает редко, стрелка не зашкаливает, но каждый знает: долго здесь не протянешь. Рано или поздно накопленная доза даст о себе знать.

Была ещё «красная» — там счётчик заходился в истерике через минуту пребывания. В «красную» выходили только в крайнем случае, и только те, кому уже было всё равно.

И была «чёрная». Туда не ходили вообще. Ни в лёгких ко-

стюмах, ни в тяжёлых. Ни в каких. Там светилось всё — камни, воздух, вода. Там смерть была не абстрактной угрозой, а осязаемой субстанцией, которую можно было попробовать на вкус, если снять маску. И потом уже не было смысла надевать её обратно.

— Молодой, — буркнул Семён, обращаясь к Матвею. Голос его звучал глухо сквозь резиновую полумаску, но слова резали чётко, как всегда перед выходом. — Новый пароль. Когда вернётесь из похода. Если всё спокойно, никто вас под прицелом не держит, прыгнешь три раза и махнёшь левой рукой.

Он коротко, утрированно махнул левой рукой — так, чтобы даже сквозь мутный свет и возможную панику жест был понятен.

— Повтори.

Фонарь ударил в лицо, ослепил на секунду.

— Прыгнуть три раза и махнуть левой рукой, — ровно произнёс Матвей.

— Ага. — Семён уже разворачивал его, цепко ощупывая лямки, стяжки, места соединений. Его пальцы, кривые от старости и работы, делали своё дело с ювелирной точностью. — Повернись. Ещё. Норм.

Он отступил на шаг, окинул взглядом фигуру Матвея — от сапог до макушки.

— Одевайте шлемы.

Матвей взял свой. Тяжёлый, сковывающий движения, с

мутным сколотым стеклом на левом глазу. Надел.

Вес привычно вдавил плечи вниз, прибавил к усталости ещё несколько килограммов. Свинцовые вставки — защита от того, что не увидишь и не понюхаешь. Семён шагнул ближе, проверил соединения шлангов, дёрнул, убедился — держат. Макнул перчатку в ведро с мыльной водой. Обмазал соединения. Всмотрелся. Не травят. Щёлкнул включателем на груди.

Слабый, ровный гул зародился где-то за спиной — моторчик погнал воздух через фильтры, через систему, прямо в маску. В ушах тут же поселилось собственное дыхание — тяжёлое, ритмичное, теперь единственное, что он будет слышать ближайшие часы фоном.

Семён ещё раз — контрольный — проверил крепления у них обоих. Хлопнул по плечу Матвея, потом Петровича. Одел свой лёгкий шлем — для работы внутри, где можно не таскать свинец. Поднял руку и три раза хлопнул в ладоши.

Сигнал. На выход.

Он взял с табурета обрез, перекинул ремень через плечо, щёлкнул тумблером на щитке и прильнул к глазку в двери. Замер. Секунды тянулись, как резина.

— Чисто, — прошептал он одними губами, скорее себе, чем им, и потянул тяжёлую, обложенную свинцом дверь на себя.

Матвей с наганом в руке и Петрович с обрезом стояли по центру комнаты, изготовившись. В проёме открылась темно-

та.

За дверью была «серая комната» — промежуточная камера, последний рубеж перед большим миром. Широкий бетонный подвальчик, стены которого были обложены чем придётся: листами ржавого железа, кусками свинца, старыми матрасами для звукоизоляции. Здесь воздух пах иначе — резче, химически, с привкусом пыли, которая уже не отсюда, а с той стороны.

В углу стояла бочка с мутным раствором для дезактивации, рядом на гвозде висела щётка с жёсткой щетиной.

— Молодой, план такой. Сначала надо наверх, — голос Петровича в наушниках прозвучал деловито, буднично. — Валера дал задание: фильтры в вентиляции поменять. Тяга падает, чувствуется.

Он кивнул на мешок в углу. Матвей покосился: потрёпанные, многократно промытые, пересобранные руками Валерия фильтры. Других не было. И не предвиделось.

Подняться наверх, на второй этаж, в техническую нишу, где стояли вентиляционные короба, — задача нехитрая. Сложно было предугадать, что могло пойти не так. Там, за стальной дверью, был мир. Настоящий. У которого имелись свои планы, свои сюрпризы и своё, отдельное от людей, мнение насчёт того, кому жить, а кому — нет.

— После зайдём в высотку. Ту, где Жора… — Петрович запнулся. Секундная пауза повисла в эфире, заполненная только шипением помех. — Где ещё провал со скелетом,

там комнату с дверью не обследовали.

— Понял, — ответил Матвей, делая вид, что ему всё равно.

Не всё равно. При упоминании Жоры его дыхание участилось, сердце забилось чаще.

«Надо отвлечься. Надо продолжать жить, а не горевать», — как мантра начал говорить он сам себе.

«Правильно, Матвей. Надо жить дальше. Забудь про меня. Грохнул меня, теперь забыть надо».

Спина тут же покрылась холодным потом. Предательски задрожали пальцы.

«Нет! — крикнул Матвей куда-то вглубь себя, откуда говорил Жора. — Я не хочу забыть тебя. Я… мне…»

— Молодой. Заснул, что ли? — голос Петровича в шлеме выдернул его в реальность.

— Что? — Матвей стукнул себя по шлему. — У меня связь барахлит, Петрович.

— Ну вот. Здрасте, приехали, — раздался голос Семёна. — Всё, отменяется вылазка. Топай к Валере, пусть он проверит рацию. — Он развернулся и пошёл ко входу в «жёлтую».

— Да всё уже наладилось, Семён. — Парень для видимости пощёлкал тумблерами. — Отлично слышу вас. И то, как ты хрипишь.

Семён остановился.

— Ты уверен?

— Да!

Он поймал себя на том, что радиопомехи, треск ионизации, этот постоянный фон, который начинал звучать уже в «серой», — успокаивают. Лучше, чем гул в собственной голове. Лучше, чем эхо крика, которое всё ещё стояло в ушах, не желая затихать. Лучше, чем беседа с умершим.

— Хорошо. — Семён вернулся к выходу наружу. — Приготовиться к выходу.

Наступила пауза. Последняя. Ритуальная.

Они переглянулись сквозь мутные стёкла шлемов. Петрович кивнул — коротко, по-своему. Матвей ответил тем же. Проверили крепления оружия — привычным, въевшимся в мышечную память движением. Глубже вдохнули рециркулируемый воздух своих автономных систем.

Всё. Отступать некуда.

Семён, не оборачиваясь, прошёл вперёд, к подобию перископа — мутной линзе, выведенной сквозь толщу бетона наружу. Прильнул к ней. Замер.

Минута.

Матвей считал про себя, глядя на его напряжённую спину. Семён не шевелился, только дыхание, наверное, сбилось — по тому, как чуть подрагивали лопатки под резиной.

Полторы минуты.

Потом Семён оторвался от перископа, обернулся и коротко кивнул.

И, не говоря ни слова, пошёл к главной двери.

Дверь из «серой» на улицу была тяжёлой. Не просто тя-

жёлой — многослойной, сбитой из листов стали, проклеенной резиной, обложенной свинцом. Матвей упёрся плечом, Петрович помог с другой стороны — и створка медленно, с глухим стоном, пошла на себя, открывая мир снаружи.

Глава 7

Свет, хлынувший внутрь, не был солнечным.

Таким светом солнце не светит. Тусклый, грязно-жёлтый, он лился сквозь плотную завесу, словно смотришь сквозь толстое, закопчённое тысячами пожаров стекло. В нём не было тепла. Не было жизни. Было только тусклое, равнодушное освещение мира, который давно умер, но почему-то продолжал существовать.

Сезон северных штормов затянулся.

Оттуда, с севера, где вся местность давно была помечена на картах как «чёрная зона», ветра дули уже второй месяц. Никто не знал, что там произошло. Никто не хотел узнавать. Но ветер знал. Ветер нёс вести — смертельные, радиоактивные, въедающиеся в лёгкие. Он хотел поделиться своими знаниями.

Несколько дней назад ветер сначала сменил направление, а потом ослаб. Стих. Затаился. Этим надо было пользоваться. Ещё одно простое правило, которое выучил каждый обитатель подвала: если «крысы» отсиживаются дома, боятся высунуть нос наружу — Семья умирает. Выходить надо всегда. Выходить надо, даже когда не хочется. Даже когда внутри всё кричит: «Не сегодня, только не сегодня».

Матвей сделал шаг наружу.

Мир по ту сторону двери состоял из оттенков серого и жёлтого. Других цветов природа больше не производила. Небо висело низко, ядовито-бурое, плотное, как крышка гроба. Неподвижное. Мёртвое. С него медленно, не переставая ни на минуту, сыпалась мелкая сухая пыль.

Не снег. Пепел.

Он оседал на всё — на плечи, на шлемы, на стволы оружия. Покрывал мир однородным, бесконечным саваном. Огрызки фонарей на бывшей улице торчали из этого савана чёрными, обугленными когтями, протыкающими серую пелену в бессильной попытке за что-то уцепиться. Дома вдоль дороги превратились в тени. Некоторые — в оплавленные груды кирпича, в которых только по очертаниям можно было угадать, что здесь когда-то жили люди.

Воздух был мёртв.

Ни звука. Ни птиц, ни ветра, ни далёкого гула машин — ничего, к чему привыкло ухо человека из прошлого. Только этот вечный, тихий шелест. Шелест падающего пепла под редкие, почти неслышные завывания ослабшего ветра.

Матвей знал, что это затишье — обманка. Когда шторма задуют в полную силу, они поднимут в небо весь этот пепел. И он обратится в наждачную бумагу. Радиоактивный пепел, несущийся со скоростью больше сотни километров в час, будет полировать бетон и металл, стирать краску, сдирать кожу.

Во время таких штормов единственным спасением было

сидеть в убежище и слушать, как мир снаружи медленно перемалывает сам себя.

Матвей задержал взгляд на этой серой круговерти. Тысячи, миллионы невесомых частиц кружились в воздухе, ложились на плечи, на шлем, на всё вокруг. И вдруг мысль, острая и холодная, пронзила сознание:

А может быть, этот пепел — это всё, что осталось от прежней жизни? От тех, кто не нашёл себе щель, не забился в подвал, не переждал первый Шторм? Второй? Пятый? Раньше, после кремации, пепел развеивали по ветру. А теперь это делает Шторм. Со всеми сразу.

Он посмотрел на серую взвесь, оседающую на перчатках. Где-то там, в миллионах этих частиц, возможно, были те, кого он знал. Соседи, знакомые, просто люди, с которыми он когда-то пересекался в очередях или в транспорте. Всё, что от них осталось, — лёгкая пыль, которую ветер носит по мёртвому городу.

Петрович отошёл от двери на несколько шагов, давая ей закрыться. Матвей пошёл следом. Створка, в несколько слоёв металла, с тремя засовами и резиновым уплотнителем по краям, бесшумно встала на место. Дверь отсекла новый мир, разделив его на то, что снаружи, и на Семью внутри.

Матвей посмотрел правее. Там, в специальном углублении, видимом только если подойти вплотную, висел молоток — ржавый, но увесистый. Свой, особенный.

Три удара — «я свой».

Два — «опасность, открывайте с оружием».

Одного удара не существовало. Потому что тот, кто стучал один раз, либо уже не мог стучать дальше, либо был не тем, за кого себя выдавал. В любом случае — дверь бы не открыли.

Матвей поднял руку, взглянул на запястье.

Стрелка дозиметра дёрнулась, поползла вправо, миновала зелёный сектор, доползла до жёлтого — и замерла. Колебалась чуть-чуть, но в пределах.

Норма.

Его норма.

Он опустил руку и шагнул в серую мглу вслед за Петровичем. Пепел захрустел под ногами, принимая их вес, впуская в себя, обволакивая.

Мир ждал.

Петрович показал рукой направление. Направо.

Там, на втором этаже пристройки, торчавшей из основного здания, как больной зуб, была их цель — вентиляционная шахта, выведенная на крышу. Валера клялся, что тяга упала, и если фильтры не поменять, система начнёт засасывать воздух обратно, вместе со всей дрянью, что копится снаружи. Туда можно было попасть только снаружи — по старой пожарной лестнице, чудом державшейся на проржавевших болтах.

Петрович двинулся первым, Матвей за ним.

Их подвал прятался в полуразрушенной пятиэтажке, зате-

рянной в глубине спального района на самой окраине города. От главных улиц — далеко, от чужих глаз — ещё дальше. Со всех сторон его обступали такие же неприметные, обшарпанные дома-близнецы, серые и безликие, как и всё вокруг.

Прямого пути к их норе не существовало. Те дороги, что когда-то вели сюда, давно были перекрыты — рухнувшими стенами, грудами битого кирпича, хаосом, который Шторм лишь довершил. Некоторые завалы создали сами. Семён с Петровичем в первые месяцы подорвали несколько домов в округе, чтобы перекрыть свободный обзор с прилегающих улиц. Чтобы никто со стороны не мог просто так подойти и увидеть, где именно они прячутся.

Лабиринт из руин вёл к их двери. Только свои знали этот путь.

Матвей смотрел на эти руины — на дома, которые рухнули не от времени и не от Шторма, а от рук Семёна и Петровича.

И вдруг подумал: Петрович всю свою жизнь до катастрофы работал на стройках. Кирпич за кирпичом, плита за плитой, этаж за этажом — он строил. Дома для новой жизни. Для людей, которые будут в них жить, растить детей, встречать старость.

А теперь ему пришлось сносить старые дома. Взрывать то, что когда-то возводил.

Матвей перевёл взгляд на Петровича. Тот стоял к нему спиной, вглядываясь в даль.

«Строил для новой жизни, — подумал Матвей. — А сносить пришлось для продолжения старой».

Пепел хрустел под ногами, проваливался, доходил почти до щиколотки. Холодный, сухой, невесомый — и при этом плотный, как спрессованная временем пыль. Он не таял. Он просто был. Новый грунт нового мира. Медленно, неумолимо заполнял собой всё, что осталось от старого. Пока очередной Шторм не подхватит его и не унесёт дальше, перемалывая в ещё более мелкую пыль. Или пока кислотные дожди не растворят его, не втопчут в землю, не смешают с грязью в однородную серую массу.

«Пепел к пеплу, прах к праху», — подумал Матвей словами молитвы, услышанной им в каком-то сериале из мира «ДО».

Петрович свернул, приблизился к стене. Дождался, пока приблизится Матвей.

— Молодой, ты первый поднимайся.

Лестница встретила его жалобным скрипом. Металл стонал под его весом, с гружёным снаряжением, но держался. Пока держался.

Матвей шёл первым.

Мир для него сузился до трёх вещей: мутного стекла маски перед глазами, звука собственного дыхания в шлеме — ритмичного, чуть хриплого — и тиканья дозиметра на запястье. Тик-тик-тик. Жёлтый. Пока жёлтый.

На площадке второго этажа он остановился, дождался,

пропуская Петровича. Поднял голову, чтобы оценить расстояние до вентиляционного короба.

И замер.

На балконе напротив. Через дорогу. В пятидесяти метрах. В том же мёртвом, грязно-жёлтом свете стояла фигура.

Матвей не сразу понял, что именно его так зацепило. А потом понял.

Костюм.

Фигура тоже была в защитном костюме. Но не в таком, как у них. Не в самодельной франкенштейн-сборке из обрывков химзащиты и кусков бронежилетов. Это был лёгкий, цельнокроеный комбинезон. Белый. Не грязно-серый, не выцветший до желтизны, а именно белый — чистый, непорочный, такой, какого в этом мире уже давно не существовало.

Шлем с круглым зеркальным стеклом скрывал лицо. В нём отражалось бурое небо, отражались развалины, отражался — Матвей был уверен — он сам, маленькая фигурка на ржавой лестнице.

Скафандр. Настоящий.

Такие Матвей видел только на старых фотографиях и в редких записях, которые чудом сохранились на чьих-то уцелевших блокнотах. У военных из «Нового порядка». У учёных, которых давно уже никто не встречал. После того, как военные решили подмять под себя всех и всё, что ещё дышало, такие костюмы исчезли. Либо их владельцы погибли, либо спрятались так глубоко, что их уже не найти.

Фигура не двигалась.

Она просто стояла и смотрела на них. Или сквозь них. Зеркальное стекло не позволяло понять, куда направлен взгляд.

Матвей замер, лихорадочно просчитывая варианты. Руки чужака были пусты. Но это ничего не значило. Оружие могло быть на поясе, за спиной, в тени балкона, где мог прятаться кто-то ещё. Второй. Третий. Целая группа.

Петрович, поднявшись на площадку, тоже увидел фигуру. Замер на секунду, оценивая, и медленно — очень медленно, чтобы не спровоцировать — поднял руку в своей трёхпалой, самодельной перчатке.

Жест приветствия. Жест проверки. Если там человек, он поймёт.

Фигура на балконе ответила.

Так же медленно, так же плавно подняла руку. И растопырила пять пальцев. Чётко, широко, чтобы было видно сквозь пелену падающего пепла.

Они простояли так минуту.

Целую минуту — бесконечную, выматывающую, полную вопросов, на которые не было ответов. Пятьдесят метров мёртвого воздуха, вечно падающий пепел и три фигуры, застывшие в безмолвном диалоге.

Кто это? Откуда? Зачем пришёл?

Выжившие из какого-то бункера, о которых никто не знал? Разведчики другой Семьи, другой группы? Военные?

Учёные, прятавшиеся всё это время в лабораториях? Вольные торговцы, о которых постоянно ходили слухи?

Или просто призрак? Галлюцинация, рождённая усталостью, голодом и фоновой радиацией, которая потихоньку плавит мозг?

Вопросы рождались, громоздились друг на друга и умирали, не находя ответа.

И тогда фигура сделала движение, от которого у Матвея похолодела спина.

Она опустила руку. Медленно, плавно провела ладонью по засыпанному пеплом перилу балкона. Движение было почти ласковым — так гладят кошку или проверяют, чисто ли вытерта столешница.

На тёмном, облезлом металле, покрытом слоем грязи и пепла, осталась полоса.

Идеально чистая. Влажно поблёскивающая. Ни пылинки, ни соринки.

Как будто перила протёрли мокрой тряпкой. Или как будто сам материал костюма — этот непорочно-белый, зеркально-чистый скафандр — отталкивал грязь мира, не позволял ей прикасаться к себе.

Фигура замерла на секунду, словно давая им возможность рассмотреть эту полосу. А затем, не оборачиваясь, скользнула в тёмный провал разбитой балконной двери — и растворилась в нём. Бесшумно. Плавно. Будто её и не было.

Матвей перевёл взгляд на Петровича.

— Кто это? — шёпотом, боясь говорить громко, спросил он.

Тот лишь осторожно покачал головой внутри шлема — движение, почти незаметное со стороны. Рука его всё ещё была полусогнута в неоконченном жесте. Медленно, словно через силу, он опустил её и сжал в кулак.

— Не знаю, кто это, — голос Петровича в наушниках прозвучал хрипло, сдавленно, как будто горло внезапно пересохло. — Но он мне не нравится.

Он помолчал, глядя на тёмный проём, где скрылась фигура.

— К сожалению, обрез на такой дистанции бесполезен. Так бы…

Он не закончил. Но Матвей понял.

Они видели оба. Значит, это не галлюцинация. Значит, это был знак.

Но какой? Вызов? Предупреждение? Проявление силы? Или просто странная привычка существа, для которого их мир — грязный, серый, мёртвый — был всего лишь поверхностью, которую можно стереть одним движением, вернув ей первозданную чистоту?

В их мире всё, что было незнакомо, было опасностью. А этот жест был не просто незнаком. Он был символом. Непонятным и оттого — самым страшным.

— Мне кажется, он не желал нам зла, — сказал Матвей.

Он пытался убедить в этом в первую очередь себя. Голос

звучал неуверенно.

— Когда кажется — креститься надо, — съязвил Петрович, но в голосе не было его обычной уверенной жёсткости. — А я скажу иначе. Он оставил метку. Чистую. На грязном балконе. Он пометил это место. Или нас. Или показал, что произойдёт с нами.

Матвей перевёл взгляд с пустого балкона на Петровича. Вопрос сам сорвался с губ:

— Что будем делать? Спустимся, предупредим наших?

Петрович покачал головой, уже принимая решение.

— Действуем по плану. Меняем фильтр. И домой не идём, чтобы не навести его на убежище. — он кивнул в сторону балкона, где только что стояла фигура. — Сразу пойдём в противоположную сторону. Уведём его, если следит. И смотреть теперь будем так, как никогда раньше — не идёт ли кто за нами. Действуем.

Он развернулся и, не оглядываясь, направился к вентиляционной шахте, обходя обустроенную ими же ловушку — лист железа, прикрывающий провал в полу. На дне провала, Матвей знал, Петрович любовно расставил заточенные куски арматуры. Гостям здесь были не рады. Всегда.

Матвей бросил последний взгляд на пустой балкон и прошёл за ним след в след, стараясь не думать о том, что сейчас их кто-то мог видеть со стороны. Что кто-то мог наблюдать, как они переставляют ноги, как наклоняются над шахтой, как возятся с фильтрами.

Работа заняла больше времени, чем планировали. Старые фильтры не желали выходить из посадочных мест. Новые вставали туго, прокладки рассохлись, пришлось подматывать тряпками, поджимать проволокой. Действовали молча, быстро, на автомате. Но всё время — каждую секунду — Матвей ловил себя на том, что оглядывается. Вслушивается. Ждёт.

Как и Петрович. Как он.

Всё время они чувствовали на себе невидимый взгляд из того тёмного проёма.

И это заставляло нервничать. Сильнее, чем любой Шторм. Сильнее, чем «дикие» в подворотнях.

Закончив, они вышли обратно — по своим же следам, стараясь не наследить лишнего. Через полчаса их следы заметёт пепел. Новый грунт нового мира не хранил память о тех, кто по нему прошёл.

Спускаясь по лестнице, Матвей в последний раз оглянулся на дом через дорогу.

Балкон был пуст.

Чёрный дверной проём ничем не отличался от тысяч других таких же проёмов в мёртвом городе. Только пепел ложился ровным слоем на перила.

Туда, где ещё полчаса назад была идеально чистая полоса.

Матвей сглотнул и шагнул вниз, вслед за Петровичем. Тот уже ждал его внизу. Когда он спустился, старший, не говоря ни слова, пошёл в противоположную сторону от их подвала.

Они шли уже около часа. Вышли из-за угла, и знакомый пейзаж встретил их всё той же серой, равнодушной пустотой. Пепел лежал ровным слоем, припорошив руины, словно кто-то огромный и безразличный накрыл город саваном.

Матвей шёл, озираясь вокруг, ища следы слежки, но краем глаза всё равно видел и другое.

Вот та самая кирпичная кладка, за которой они с Жорой сидели, прижавшись друг к другу, когда мимо проходил патруль «штыков». Шестеро. С автоматами и картографом, который методично помечал на карте каждый подозрительный подвал. Жора тогда дышал ему в затылок, и даже сквозь фильтр было слышно, как тяжело и редко он дышит, стараясь не выдать себя ни звуком.

Матвей остановился на секунду, глядя на груду битого кирпича. Показалось, или за этим звуком действительно послышалось чьё-то дыхание? Он тряхнул головой. Нет. Только ветер.

Петрович, шедший впереди, остановился, не оборачиваясь. Просто замер, изучая обстановку. Или давая Матвею время, чтобы пропустить через себя воспоминания?

Спросил о фоне. Сравнили показания. Через минуту двинулся дальше.

Они прошли мимо магазина сантехники. Вывеска давно рухнула, витрины зияли чёрными провалами. Матвей вспомнил, как они с Жорой тогда, в прошлый раз, зашли внутрь, и Жора, постучав по стене, нашёл тайник. Противогазы. Целая

куча. Жора тогда довольно хмыкнул и сказал: «Подфартило, так подфартило».

Сердце сжалось, спёрло дыхание. Матвей сглотнул. Мысли липли одна к другой, как мокрая паутина.

Дальше была аптека. Матвей замедлил шаг сам, не замечая этого. Петрович снова остановился, присел на корточки у стены, делая вид, что поправляет лямку. Давал время. Старый пёс всё понимал без слов. Да. Он специально вёл его по пути, которым он шёл с Жорой.

Матвей смотрел на дверной проём аптеки, и перед глазами встало, как он, ослеплённый жадностью, рванулся вперёд — к трём зелёным упаковкам ИРП, так соблазнительно стоящим на полу. Как он уже видел себя сжимающим в руках тушёнку, сухари, концентраты. Как адреналин ударил в голову, отключая разум.

И как железная рука Жоры вцепилась ему в предплечье, дёрнула назад, едва не вывихнув плечо. Как Жора ткнул пальцем в тонкую, едва заметную проволоку, натянутую над полом.

«Ловушка, — проскрежетал тогда его голос. — На растяжку. Граната или ведро с гвоздями».

Матвей закрыл глаза. Если бы не Жора, он бы сейчас лежал там, на полу, нашпигованный ржавым металлом. А Жора, может быть, до сих пор был бы жив. Хотя нет, он бы не лежал там. Его бы сожгли… Как Жору.

«Долго ещё стоять будем? — голос Жоры прозвучал в го-

лове так отчётливо, что Матвей вздрогнул. — Иди уже. Петрович заждался».

Он открыл глаза. Петрович действительно стоял в двадцати метрах впереди, прислонившись к стене, и смотрел на него. Ждал.

Матвей махнул рукой: всё нормально, иду. Петрович кивнул, развернулся и пошёл дальше.

Матвей двинулся следом, стараясь не оглядываться на аптеку. Но в голове всё равно крутилось: там, внутри, до сих пор стоит ловушка. И три зелёных пакета, которые никто никогда не возьмёт. Он затряс головой.

«Надо собраться. Жоры… нет».

Они шли молча. Только хруст пепла под ногами да редкое шипение фильтров.

Петрович останавливался всё чаще. Не подавая виду, но Матвей видел: старик устал. Вылазки давались ему тяжелее с каждым разом, хотя он никогда не жаловался. Просто останавливался, смотрел по сторонам, делал вид, что изучает обстановку. А сам переводил дух.

Матвей не мешал. Молча ждал, пока Петрович снова двинется вперёд.

Они миновали ещё один квартал. Впереди, за пеленой пепла, уже угадывались очертания высотки. Той самой. Где в провале остался Жора…

Матвей почувствовал, как сердце забилось чаще. В горле снова встал знакомый металлический привкус.

«Скоро будем, — негромко прозвучал голос Жоры где-то внутри него. — На могилку мою посмотришь».

Матвей зажал зубы и заставил себя смотреть на Петровича. Только на Петровича.

«Да не боись ты. Не укушу, — голос подтрунивал над ним. — Нет у меня зубов».

Матвей потряс головой. Смотреть на Петровича. Только на Петровича. Скоро должна показаться девятиэтажка. Та, что с подвалом, в который он кинул камень с запиской.

Высотка вырастала из пепла медленно, как призрак из тумана. Сначала — размытый силуэт, потом — проступающие этажи, чёрные провалы окон, обрушенный угол. И наконец — вся целиком: серая, мёртвая, но всё ещё стоящая.

Петрович сбавил шаг ещё издалека. Прищурился сквозь мутное стекло шлема, всматриваясь.

— Тут ты пометил, что могут быть чужие, — сказал он негромко, скорее себе, чем Матвею. — В подвале. Те, кого «штыки» собрались зачистить.

Матвей промолчал. Никто не знал. Ни Петрович, ни Жора никогда не узнают о том камне и записке. Это останется его тайной.

Они подходили медленно, осторожно, используя каждую складку местности, каждую груду битого кирпича как укрытие. Петрович двинулся первым, Матвей прикрывал. Тишина вокруг стояла такая, что хруст пепла под ногами казался грохотом.

Вот и знакомый спуск в подвал.

Петрович остановился, поднял руку — кулак. Стоп.

Матвей замер, вжавшись в стену. Петрович долго смотрел вперёд, потом медленно, очень медленно опустил руку и показал жест: «Подойди, но осторожно».

Матвей приблизился, стараясь ступать бесшумно. Встал за плечом Петровича, выглянул из-за угла.

Дверь в подвал была открыта.

Не распахнута настежь, а приоткрыта — ровно настолько, чтобы стало ясно: там никого нет. В глубине на полу был виден пепел.

Петрович молча указал вверх, над дверью.

Там, на ржавом листе железа, прибитом к стене поверх старой штукатурки, белела надпись. Мелом. Крупные, неровные буквы, написанные явно в спешке, но старательно:

«СПАСИБО! МЫ УШЛИ!»

Матвей смотрел на эти буквы и не мог отвести взгляд.

Они ушли. Они прочитали записку, поняли, поверили — и ушли. Живые. Целые. Может быть, сейчас сидят в другом подвале, в другом конце города.

Он вспомнил лицо Миши. Его слова: «Доброта в этом мире — это щель для смерти».

— Повезло им, — хрипло сказал Петрович, разглядывая надпись. — Кто-то успел предупредить. Странно…

Он покачал головой и двинулся дальше, к высотке.

Матвей задержался на секунду. Посмотрел на буквы, ко-

торые расплывались перед глазами — то ли от пепла, то ли от чего-то другого.

— Пошли, — сказал он сам себе и шагнул за Петровичем.

За спиной осталась открытая дверь, ржавый лист с благодарностью и маленькое доказательство того, что даже в этом мире, где доброта убивает, иногда она ещё может спасать. Только никто об этом не узнает. Кроме него.

Матвей двинулся за Петровичем, стараясь не оглядываться. Ноги сами несли его вперёд, к высотке, к провалу, где ждала работа. Мысли пытались переключиться на другое — на дверь с ключами, на мешки с кормом, на то, сколько ещё тащить.

Но голос пришёл. Как всегда, неожиданно, из той чёрной пустоты внутри, где поселился Жора.

«Кроме меня, — голос звучал хрипло, с привычной насмешливой интонацией. — Или ты думал, я поверил, что ты тогда ногу разминал?»

Матвей вздрогнул, но шага не сбавил. Только пальцы сильнее сжались на лямке рюкзака.

«Я не мог пройти мимо, — ответил он мысленно, стараясь, чтобы это прозвучало твёрдо. — Просто так. Не мог».

Тишина в голове затянулась. На секунду Матвей даже надеялся, что голос ушёл, оставил его в покое.

Но Жора не умел оставлять в покое.

«Ага, — хмыкнул он. — Только я бы не был так уверен, что они сейчас живы. С таким же успехом они могли быть

сожраны заживо дикими. Или „штыками“. Или той дрянью, что из-под земли лезет. Ты же не знаешь».

Матвей сжал зубы.

«Они ушли, — подумал он. — Надпись же».

«Надпись, — передразнил Жора. — И всё-то?»

Матвей ничего не ответил.

Он шёл за Петровичем, глядя только вперёд. На широкую спину старика, на мерно покачивающийся рюкзак, на пепел, вздымающийся при каждом шаге.

Голос молчал. Но молчание это было тяжелее любых слов. Оно висело в голове, как тот самый рыжий мох на стенах, — въедливое, ядовитое, не дающее дышать.

«А если он прав? — шевельнулось где-то в глубине. — Если всё зря? Если они не спаслись, а просто умерли в другом месте, с моей запиской в кармане?»

Он отогнал мысль. Сейчас нельзя об этом думать. Сейчас надо работать. Надо спуститься в провал, открыть ту дверь, забрать то, что можно. Надо жить дальше.

«Жить дальше, — эхом отозвался Жора. — Легко сказать».

Матвей не ответил.

Впереди уже виднелась срезанная восемнадцатиэтажная башня — оплавленная, обрубленная, будто гигантский нож снёс ей верхушку. Она торчала из пепла, как надгробный памятник целому миру, который когда-то здесь шумел, дышал, жил.

Где-то там, в её чреве, ждала тёмная дыра в полу. Та самая, из которой они с Жорой тогда выцарапали мешки с кошачьим кормом, чуть не надорвав пупки. Где Жора, пыхтя, тянул трос, а Матвей набивал рюкзаки, и оба улыбались как дети, потому что в этом аду даже кошачья еда казалась пищей богов.

И дверь. Дверь с ключами, на которых всё ещё читались надписи: «МЯСО», «КОНСЕРВЫ», «СЫПУЧИЕ ПРОДУКТЫ». За ней ждало неизвестное. Может быть, настоящий склад. Может быть, пустота. Может быть, смерть.

И… яма. Та самая, где они сжигали Жору.

Матвей остановился на мгновение, оглядываясь вокруг. Пепел здесь лежал чуть иначе — темнее, плотнее, будто до сих пор хранил память о том костре.

Он шагнул в темноту.

За спиной остался ржавый лист с благодарностью, открытая дверь подвала и все сомнения, которые он нёс в себе последние дни. Остались вопросы без ответов, упрёки без адресата, страхи без имени.

Или не все.

«Не все, — эхом отозвался Жора. — Со мной ещё повозишься».

Матвей сжал кулаки.

«Я поступил правильно, — ответил он мысленно, глядя в чёрный провал. — Нести ответственность за то, что случилось с теми людьми позже, я не могу. Я сделал, что мог.

Дальше — как будет».

Голос молчал. То ли согласился, то ли просто устал спорить.

Матвей сделал ещё шаг. Потом ещё. Вокруг кружился пепел, дорога была изрыта ямами, завалена кусками бетона, грудой мусора.

Впереди была работа.

А позади осталось то, что нельзя изменить.

Глава 8

Срезанная восемнадцатиэтажная башня уже маячила впереди — серая, оплавленная, с чёрными провалами окон, похожими на пустые глазницы.

Матвей шёл в пяти метрах позади Петровича, стараясь держать дистанцию и одновременно сканировать пространство по сторонам. Ещё немного, и они окажутся у центрального прохода с вырванными воротами. Теми самыми, что лежали возле стены, смятые в гармошку, как бумажный фантик, — память о первых днях хаоса, когда люди ломились внутрь, не разбирая дороги.

Внезапно Петрович остановился.

Рука взметнулась вверх, пальцы сжались в кулак. Стоп.

Матвей замер на месте, вжавшись в стену ближайшего разрушенного ларька. Сердце забилось чаще, хотя причины пока не было. Старик долго вглядывался в пространство впереди. Туда, где предстояло пройти большое, открытое всем ветрам и чужим глазам пространство. Площадь, засыпанная пеплом, без единого укрытия.

Секунды тянулись долго. Сложились в минуту.

Пепел успел налипнуть на поднятую руку Петровича, на шлем Матвея, тонким серым слоем покрывая резину и пластик.

— Петрович, — прошептал он в микрофон, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Что там? Видишь что-то?

Ответ последовал не сразу. Пауза затянулась, и Матвей уже начал думать, не случилось ли чего со связью.

— Не вижу, — раздался наконец хриплый голос. — Но чувствую. Нельзя нам идти здесь.

— Почему? — спросил Матвей, хотя уже догадывался.

Если не пойти этим путём, напрямую к провалу, где они нашли кошачий корм, придётся обходить с другой стороны. Идти прямиком через путь, где находится яма. Та самая. В которой…

«Что? — голос Жоры ворвался в голову мгновенно, без стука, без приглашения. — Не хочешь взглянуть на место, где ты меня убил и где меня сожгли?»

Матвей ждал его возвращения. Был готов. Почти. Только лёгкая дрожь головы и рук выдала бы его, если бы он был без защитного костюма. Но костюм скрывал всё. И хорошо.

Он молчал.

«Нельзя, — приказал он себе. — Нельзя с ним разговаривать. Это просто моя психика. Жоры нет. Он… он…»

«Сдох, — закончил за него голос Жоры, и в этом слове не было злости — только горькая, усталая констатация. — Сдох. С твоей помощью».

Матвей сжал челюсти. Ответ застрял в горле.

— Обходим, — раздался в эфире голос Петровича, выдёргивая его из внутреннего диалога. — От лишних десяти

минут ходу с нас не убудет.

— Принято. Обходим, — подтвердил Матвей.

Он сглотнул ком в горле, готовясь к встрече с ямой.

Она была там. Ждала. Как и всё остальное, что он хотел оставить в прошлом.

Перед глазами снова встало то, что он гнал от себя все последние дни. То, что возвращалось в кошмарах и в голосе, который звучал в голове.

Он не помнил, как выбрался из ямы, когда погиб Жора.

Помнил только, как стоял на коленях в липкой, тёплой луже, глядя на тело, которое только что было Жорой. Руки тряслись, перчатки скользили, когда он хватал его под мышки и тащил к груде плит. Тяжело. Жора был неподъёмным. Ноги подкашивались, но тело работало само, на каком-то животном инстинкте.

Он затащил его под бетонный козырёк, навалил сверху обломков — куски арматуры, битый кирпич, ржавый лист железа. Не похороны, нет. Просто спрятал, чтобы не достался «диким». Чтобы не пришлось потом смотреть на то, что от него осталось после.

Потом он поднялся. Посмотрел на свои перчатки. Красное на чёрном. Кровь въедалась в ткань, смешивалась с пеплом.

Он пошёл.

Куда — он не знал. Ноги несли сами. Он шёл, спотыкаясь, проваливаясь в пепел, задевая плечом стены. Мимо девяти-

этажки, в подвал которой он в тот день бросил камень с запиской. Мимо аптеки, где Жора спас его от ловушки. Мимо разбитых домов, мимо скелетов машин, мимо всего, что когда-то было жизнью.

Пепел падал на него сверху, сыпался на плечи, на шлем, забивался в складки костюма. Он не чувствовал ничего.

Голова была пустой.

Совершенно пустой. Ни страха, ни боли, ни мыслей. Только гул где-то далеко, в самой глубине, и ритмичный стук сердца, который отдавался в висках.

Это было страшнее любой паники. Паника — это жизнь. Это борьба. А здесь была только пустота. Тело шло, дышало, переставляло ноги, а внутри — ни-че-го.

Он не помнил, как обходил ловушки. Как перешагивал через растяжки, которые сам же и ставил. Как нашёл дорогу к дому.

Очнулся он только у двери.

В руке — молоток на цепочке. Он вынул его из углубления в стене, как делал сотни раз. Три удара.

Пауза.

Ещё три.

Звук разнёсся по мёртвой улице и стих.

За дверью послышался скрип — Семён дёргал тросики, очищая линзы перископа от пепла. Матвей знал: сейчас его разглядывают, изучают, проверяют. Надо показать пароль.

Он замер.

Пароль. Надо показать. Сейчас.

Какой сегодня пароль? Что он должен сделать? Прыгнуть? Присесть? Повернуться? Поднять руку?

Что?

Он пытался вспомнить, но мозг выдавал только одно: лицо Жоры в момент выстрела. Удивлённое. Не верящее. Глаза, которые смотрели на него сквозь мутное стекло маски и не понимали: зачем?

Матвей стоял, опустив руки, и смотрел в дверь. Время шло. Секунды складывались в минуты.

Дверь не открывалась.

Семён смотрел на него через перископ. Видел фигуру в окровавленном костюме, застывшую, как статуя. Не своего. Или своего, но как проверить? Только через пароль. Правила есть правила.

Эти чёртовы правила — написанные кровью тех, кто их не соблюдал.

Матвей почувствовал, как ноги подкашиваются. Он медленно сполз по стене и сел прямо на землю, рядом с порогом. Прислонился затылком к холодному металлу и закрыл глаза.

Он не боролся. Не кричал. Не стучал. Просто сидел.

Человек, который сдался.

Ветер шевелил пепел, наметая его на колени. Где-то сверху завыл ветер. Матвей не слышал. Он сидел и смотрел внутрь себя, в ту пустоту, где ещё недавно была жизнь.

Вот так всё и закончится? У порога дома?

И тогда, сквозь гул в голове, пришла мысль. Простая и ясная.

Он должен доказать. Должен показать, что он — это он. Что он живой. Пока светло. Пока подслеповатый страж ещё может разглядеть лицо.

Матвей встал.

Медленно, тяжело, как столетний старик. Поднял руки к шлему, отстегнул защёлки, стянул его с головы. Холодный воздух ударил по лицу, обжёг щёки, но он не почувствовал.

Он повернулся к тому месту, где в стене торчала едва заметная труба перископа. Поднял голову, глядя прямо в объектив. Своё лицо — грязное, окровавленное, с глазами, в которых не осталось ничего.

«Смотри, — подумал он. — Это я. Матвей. Живой. Ещё живой».

Несколько секунд ничего не происходило. Потом дверь заскрипела, лязгнули засовы, и на улицу выскочил Семён.

— Ты с ума сошёл?! — зашипел он, хватая его за плечо и заталкивая обратно в тамбур. — А ну быстро одень шлем и в подвал! Живо!

Матвей не мог говорить. Язык не слушался. Он только сунул в руки Семёну карту — ту самую, на которой он поставил жирный крестик и написал «Жора». Ткнул пальцем в точку на карте, потом махнул рукой в сторону высотки.

— Яма… под навесом… слева от центрального входа… — прохрипел он, перед тем как провалился в темноту.

И вырубился.

Семён подхватил его, не давая упасть, и потащил внутрь.

Прощаться с Жорой и сжигать его пошли Петрович и Семён. Матвей на три дня отключился от мира.

— На высоту сегодня лазать не будем, — голос удаляющегося Петровича ворвался в сознание Матвея, вырывая из оцепенения. — Ветер шибко сильный. Заглянем в яму со скелетом, дёрнем дверь верёвкой. Как думаешь, молодой, справимся?

Старик обернулся. Матвей уже догонял его, стараясь, чтобы шаг был ровным, а дыхание — спокойным.

— Справимся, — ответил он, не раздумывая. Просто чтобы что-то ответить. — Если дверь изнутри не заблокирована.

— Это да, — кивнул Петрович, развернулся и перешагнул через поваленный бетонный столб.

Через несколько минут показался бетонный навес вдоль высотки — стоянка для служебного транспорта, заставленная разбитыми грузовиками. Ржавые остовы торчали из пепла, как скелеты чудовищ. Чем ближе они подходили к высотке, тем сильнее колотилось сердце у Матвея.

«Не ссы, — раздался голос Жоры из глубин души. — В яме меня уже нет».

Матвей встрепенулся, вцепился взглядом в Петровича. Он — реальный. Голос — нет. Он — реальный. Голос — нет…

Петрович свернул за угол. Матвей ускорил шаг, догоняя

его. Оставаться одному в этом месте ему не хотелось. Он перешёл на бег, завернул за угол и… упёрся взглядом в яму. В ту самую, в которой он лежал вместе с рычащим, умирающим Жорой.

Дыхание перехватило. Матвей затормозил так резко, что чуть не упал на землю, взметнув тучу пепла.

В десяти метрах находилась яма. Ждала. Смотрела на него, ожидая, что произойдёт.

Чуть дальше стоял Петрович. Смотрел на него. Тоже ждал.

Матвей застыл. Тело не слушалось, ноги будто приросли к земле. Он не хотел подходить к провалу, где всё случилось. Не мог. Ему казалось, если он заглянет туда, то увидит Жору. И Жора плюнет ему в лицо. Прямо сквозь маску.

Он обошёл яму метров за десять, по широкой дуге, стараясь даже не смотреть в ту сторону. Пепел здесь лежал плотнее, темнее — он помнил всё, что здесь произошло. Матвей чувствовал, как под ногами предательски проседает земля, но не останавливался. Только бы мимо, только бы не упасть, не заглянуть, не зацепить взглядом.

Петрович смотрел за его передвижениями, не говоря ни слова. Когда Матвей наконец обогнул опасное место и оказался рядом, старик тяжело вздохнул. Ничего не сказал, не спросил. Просто развернулся и пошёл дальше — к пролому, откуда они тогда вытаскивали мешки с кошачьим кормом.

Матвей выдохнул. Догнал его, стараясь дышать ровно.

Впереди ждала дверь.

Они подошли к провалу. Матвей остановился на краю, глянул вниз. Тот же запах сырости, пыли и сладковатой гнили. Тот же скелет сидел у стены, прислонившись к бетону. Только пепла стало больше — он припорошил истлевшую одежду, засыпал колени, лежал тонким слоем на черепе. Бейджик на груди всё ещё держался, хотя буквы на нём почти стёрлись. Имя прочесть с этого ракурса не получалось.

Парень перевёл взгляд на трубу, за которую они с Жорой крепили трос. Она торчала из стены всё там же, ржавая, но надёжная. Чуть утопленная в углубление стены.

— Страхуй, — коротко бросил он, доставая трос с карабином.

Петрович кивнул, встал поудобнее, приготовился подстраховывать.

Матвей закрепил трос на трубе, дёрнул, проверяя. Держит. Перекинул ногу через край и начал спуск. Ноги скользили по мокрому бетону, как и в прошлый раз. Но тогда рядом был Жора, который пыхтел наверху, сыпал шутками. Теперь только тишина, сопение старика и мерное дыхание в маске.

Он опустился на дно, отстегнул карабин. Сверху, с глухим стуком, упала бухта верёвки.

— Держи, — раздался в наушниках голос Петровича. — Привяжи к ручке, попробуем дёрнуть. Если не заминировано — попробуем сорвать с петель.

Матвей подошёл к бухте, нагнулся, чтобы поднять. И случайно задел руку скелета.

Сухая кисть, обтянутая истлевшей тканью, бесшумно отъехала в сторону. Под ней, на полу, что-то блеснуло. Матвей замер, потом осторожно подвинул рукав.

Две вещи.

Книга. Потрёпанная, с выцветшей обложкой. «Атлас-определитель птиц». Рядом — блокнот в твёрдой обложке, испачканный чем-то тёмным. На обложке карандашом выведено: «Сергей».

Матвей вытащил дозиметр, поднёс к находкам. Стрелка даже не дрогнула. Чисто.

— Чего ты там? — голос Петровича сверху вырвал из оцепенения.

— Гостинец для Иринки нашёл, — ответил Матвей, и впервые за долгое время в голосе мелькнуло что-то тёплое. — Лови!

Он размахнулся и кинул книгу наверх. Петрович поймал, повертел в руках, полистал. Даже сквозь мутное стекло шлема было видно, как заблестели его глаза.

— Да! — довольно крякнул он. — Иринке интересно будет. Там картинки цветные. Хорошие, подробные. — Он сунул книгу в рюкзак. — А ещё что?

— И нам на досуге почитать, — Матвей поднял блокнот, показал Петровичу. — Дневник Сергея, — он кивнул на скелет. — Охранника, наверное. Или кладовщика. Надеюсь, он

не обидится, что мы его мысли тырим.

Он забросил блокнот наверх. Петрович поймал, раскрыл первые страницы, пробежал глазами.

— У-у-у… — протянул он, покачивая головой. — Да тут всё понятно. Вход на этот склад завалило ещё в первые месяцы.

Он поднял голову, посмотрел на срезанные взрывом верхние этажи восемнадцатиэтажки, потом снова уткнулся в блокнот, перелистнул несколько страниц, бегло вглядываясь в написанное. Качнул головой, закрыл.

— Даже не знаю, стоит ли такую жуть читать нам. В тот момент на складе было несколько грузчиков, кладовщики, экспедиторы и он, — Петрович кивнул вниз, на скелет. — Думали, у Христа за пазухой пересидят всех. С складами, набитыми продуктами. А оно вон как. Придавило бетонными плитами вход. — Он помолчал, убрал блокнот в рюкзак. Ещё раз обвёл взглядом высотку, задрав голову. Затем опустил взгляд вниз, в провал. — Ну ты как там? Привязал верёвку?

Матвей стоял у двери.

Ключи торчали в замке, как и в прошлый раз. На металлическом кольце, потёртые, но всё ещё читаемые, висели бирки:

«МЯС. ПРОДУКТЫ».

«СЫПУЧИЕ ПРОДУКТЫ».

«КОНСЕРВЫ».

Рот снова наполнился слюной. Он сглотнул, заставляя се-

бя думать о деле.

Он оглядел дверь. Петля, ручка. Куда цеплять верёвку? За ручку?

Он присмотрелся. И понял. Дверь открывалась не внутрь комнаты, а наружу — в коридор, который, судя по планировке, вёл куда-то вглубь склада.

Бесполезно, тут не дёргать верёвкой надо, а толкать.

— Петрович, — сказал он в рацию. — Тут облом. Дверь открывается наружу. Даже если бы было за что цеплять — тянуть надо в другую сторону. А тут только ручка.

Сверху донёсся сдавленный мат. Петрович ругался долго, со вкусом, на чём свет стоит.

— Твою ж дивизию! — выдохнул он наконец. — Значит, придётся лезть и открывать как есть. Рисковать.

Матвей посмотрел на ключи. Они торчали в замке, маня, обещая открыть всё, что скрыто за дверью. Склад. Еда. Мясо. Консервы. Сыпучие продукты.

Он протянул руку к ключам и замер.

Скелет за спиной, казалось, смотрел на него пустыми глазницами. Тот, кто зачем-то закрыл эту дверь. Тот, кто умер в двух шагах от кошачьего корма.

«Зачем он это сделал? — спросил его Жора шёпотом. — Может, ну её, эту дверь? Ты уверен, что хочешь увидеть, что там находится?»

— Открывать? — спросил Матвей, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Ему хотелось действий, а не размышлений.

— Открывай, — после долгой паузы ответил Петрович. — Только осторожно. Если что — сразу на выход. Понял?

— Понял.

Матвей взялся за ключи. Рука чуть дрожала.

«А если там то же, что и в аптеке? — шевельнулось в голове. — Если ловушка?»

«Тогда прощай, Матвей, — хмыкнул Жора где-то внутри. — Но хоть с голоду не помрёшь. Хотя, нет. Не прощай, а привет! Буду ждать тебя здесь. Ну, ты сам увидишь…»

Матвей выдохнул и повернул ключ.

Раздался скрежет — глухой, надсадный, будто замок не открывали годы. Матвей приложил усилие. Ключ провернулся на пол-оборота и застрял. Матвей провернул его обратно, потом снова вперёд. Ещё раз. Ещё.

С каждым разом ключ проворачивался всё дальше, скрежет становился тише, словно замок нехотя, но поддавался.

— Закисло, — отчитался он Петровичу. — Но идёт.

— Маслом бы смазать, — поддержал тот. Голос сверху звучал напряжённо. — Да нет его у нас. Не догадались взять. Нахрапом хотели, как обычно.

Наконец ключ с громким щелчком провернулся до конца. Ещё один оборот прошёл уже легче, почти свободно.

— Замок открылся до упора, — сказал Матвей. — Пробую открыть дверь.

— Давай, понемногу, — в голосе Петровича прорезалось волнение. — Любя. Как женщину, ласково. Она и откроется.

Матвей слегка надавил на ручку. Дверь не отреагировала. Он надавил сильнее — без толку. Тогда он подошёл вплотную, упёрся плечом в холодный металл и нажал.

Раздался скрип — протяжный, тоскливый, будто дверь жаловалась на свою тяжёлую судьбу.

— Ага, — прошептал Матвей. — Пошла.

Он продолжал давить. Дверь чуть приоткрылась — щель в два пальца. Из неё потянуло запахом. Сладковатым, приторным, с металлическим оттенком — чем-то неуловимо знакомым и чужим одновременно.

Матвей не заметил. Или заметил, но не придал значения. Он упёрся ногами в пол, навалился всем телом, пытаясь расширить щель.

— Матвей! — голос Петровича сверху звучал странно, далеко, будто сквозь вату. — Ты чуешь? Чем там пахнет?!

Матвей хотел ответить, но слова застряли в горле. Он почувствовал, как его куда-то уносит. Тело стало лёгким, невесомым. Он перестал толкать дверь, замер, прислушиваясь к себе.

— Матвей! — Петрович кричал, но голос его доносился словно из другого измерения. — Ты чего застыл? Отвечай!

Матвей медленно повернул голову вверх. Увидел Петровича, склонившегося над провалом. Тот что-то кричал, размахивал руками. Матвей улыбнулся ему и махнул рукой в ответ — мол, отстань, всё хорошо. Жест получился вялым, нелепым, будто он отгонял надоедливую муху.

Улыбка расползалась по лицу. Ему было хорошо. Очень хорошо. И спокойно. Спокойно и тепло, как никогда не было в этом новом промёрзшем мире.

Он обернулся. Посмотрел на скелет у стены. Тот сидел всё там же, прислонившись к бетону, и теперь Матвей отчётливо видел, что скелет улыбается. Не застывшей маской смерти, а живой, доброй улыбкой.

— Серёга! — позвал Матвей, и голос его звучал легко, почти радостно. — Можно, я тут с тобой рядом посижу?

Скелет медленно поднял голову. Кости черепа шевельнулись, и на них проступило лицо — обычное, человеческое, с живыми глазами и тёплой улыбкой.

— Садись, Матвей! — ответил он. Голос у него был приятный, успокаивающий. — Тут так классно! Места всем хватит.

Матвей подошёл, опустился на пол рядом со скелетом, опёрся спиной о стену. Пол был тёплым и мягким, как перина.

Он поднял глаза.

Перед ним, там, где должен быть низкий потолок подвала, простиралось бесконечное голубое небо. По нему плыли облака — лёгкие, пушистые, белые, каких он не видел пять лет. Солнце — настоящее, тёплое, доброе — грело лицо, проникало сквозь веки, разливалось по телу живительным теплом.

А под облаками, где-то внизу, раскинулось море зелени.

Рай. Он был где-то рядом. Ещё чуть-чуть — и Матвей вле-

тит в него.

Слюна потекла по подбородку, но он не замечал. Он сидел, улыбаясь, уставившись в одну точку, и видел там небо, подсвеченное снизу зелёным.

— Матвей! — кричал Петрович, но голос его тонул в этом бесконечном, прекрасном небе.

Матвей его не слышал.

Петрович не верил своим глазам.

Он смотрел в провал и видел Матвея, сидящего рядом со скелетом. Парень что-то говорил мёртвому, улыбался, покачивался. Потом, когда Петрович, пытаясь понять, что происходит, снова втянул носом воздух, до него дошло.

Запах. Сладковатый, приторный, с металлическим оттенком. Тот самый, что тянуло из-за двери.

— «Веселуха»? Есть что-то от неё, — проскрежетал он.

Глаза его забегали, лихорадочно просчитывая варианты. Как вытащить Матвея и самому не надышаться этой дрянью?

Он схватил конец неиспользованного каната, перекинул через трубу, бросил в яму. Быстро оценил обстановку.

Матвей сидел на полу, обняв скелет охранника за плечи, и что-то увлечённо ему объяснял. В наушниках Петровича звучали обрывки слов — бессвязные, слюнявые, больше похожие на лепет младенца.

— Держись, молодой, — прохрипел Петрович. — Сейчас.

Он, кряхтя, начал спускаться по тросу в яму.

Спустившись, первым делом потянулся к баллону за сво-

ей спиной, провернул барашек. Раздалось шипение — давление кислорода в системе возросло, выдавливая отраву, не давая ей проникнуть в лёгкие. Потом рванул к двери, ухватился за ручку и что есть силы дёрнул на себя, закрывая проклятый проём, из которого сочилась смерть.

Дверь захлопнулась с глухим ударом.

Петрович подбежал к Матвею. Рванул его от стены, оторвал от скелета. Тот легко поддался, засмеялся — счастливо, беззаботно, как ребёнок.

— Смешно ему, — буркнул Петрович, хватая вентиль на баллоне Матвея. — Сейчас ещё смешнее будет.

Он крутанул барашек до упора. Кислород пошёл в систему костюма парня, нагнетая давление, вытесняя отраву.

Матвей дёрнулся, закашлялся, но взгляд оставался отсутствующим.

Петрович схватил болтающийся конец верёвки, начал обматывать его вокруг пояса Матвея, затянул узел, проверил — держит. Подтащил парня к стене, к тросу, и, ухватившись за канат, начал поднимать.

Мышцы вздулись, жилы на шее натянулись, как струны. Петрович тянул, останавливаясь, отдыхая через каждые полметра. Пот лил градом, заливая глаза, но он не отпускал.

Через пять минут Матвей перевалился через край и замер на земле, тяжело дыша.

— Полежи пока, — выдохнул Петрович, разжимая пальцы. — В себя приди.

Он глянул под ноги. На полу стоял почти полный мешок с сухарями — тот самый, к которому Матвей так и не успел ни разу притронуться. Петрович скинул рюкзак, подошёл к мешку. Он был вспорот. Раскрыв его, он замер. Сверху лежало три тонкие жестяные банки. Петрович схватил одну и поднёс к лицу. «ШПРОТЫ В МАСЛЕ». Давно просроченные, но на это в новом мире не смотрели. Он сунул банки в карман рюкзака и быстро, без жалости, начал наполнять его кошачьим кормом. Потом раскачал тяжёлую ношу и, собрав последние силы, закинул наверх.

Следом полез сам.

Выбравшись, он сел рядом с Матвеем, тяжело дыша. Руки дрожали от напряжения. Он потянулся к баллону и вернул вентиль назад. То же сделал у Матвея и обессиленный сел рядом с ним.

Парень лежал на земле, глядя в небо. Серые, тяжёлые облака проплывали над ним, сыпали пеплом. Он моргал, пытаясь сфокусировать взгляд. Пепел оседал на стекле шлема, и каждый раз, когда слой становился слишком плотным, Петрович протягивал руку и стряхивал его.

В другой руке старик держал блокнот охранника. Он читал, шевеля губами, и лицо его становилось всё мрачнее.

— Они сидели, лежали на полу и улыбались, глядя куда-то в неизвестность, — читал он вслух, сам себе, но так, чтобы Матвей слышал. — И пускали слюни. А синий мох в мясном складе всё рос и рос.

Петрович оторвался от чтения. Нахмурился.

— Синий мох? «Могильный бархат», что ли? — он обернулся, посмотрел на яму.

Пять лет назад «Могильного бархата» нигде не было. Он появился после первого Шторма. А в дневнике написано, что склад завалило через три месяца после Катастрофы. Когда военные начали обстреливать город ракетами и снесли часть здания над подземным складом.

Он перевернул страницу. Увидел, что Матвей часто заморгал. Перевёл взгляд на блокнот и начал читать вслух.

— До нас дошло, что этот мох что-то выделяет в воздух. Мы стали носить марлевые повязки, смочив их уксусом. Уксусом же и травили мох. Первым умер грузчик Дима. Он сидел, улыбался, не вставая с места неделю. Потом умер. Мы относили их на дальний склад. Мёртвых. Запах стоял неимоверный. А на третью неделю, когда мы относили туда ещё одно тело, Дима встал. И накинулся на кладовщицу. Он уже разлагался. И он двигался. Он перегрыз ей горло.

Петрович замолчал, сглотнул. Матвей, даже сквозь пелену дурмана, почувствовал, как напряглось тело старика.

— Мы убежали, заперев склад с телами мертвецов. Через неделю все трупы в нём ожили. Они скребли дверь, кидались на неё. Через три месяца звуки оттуда затихли. И всё это время мы держались благодаря уксусу и марлям. Настал момент, когда уксус закончился. Когда я понял это, я решил закрыться в комнате с кошачьим кормом. Написал в этот блок-

нот нашу историю как мог. Надеюсь, что когда это прочтут — весь этот ужас закончится. Меня зовут Сергей. Поставьте за меня свечку.

Петрович долго смотрел на блокнот. Качал головой, переваривая прочитанное.

— Мертвецы воскресают, — усмехнулся он, но усмешка вышла горькой. — Интересно. Это вас, Сергей, там по полной накрыло. Воскресшие мертвецы… Да, видать, крепко вы там надышались своим «бархатом». Ну надо же.

Он обернулся, поднял глаза на провал, на то место, где внизу остался скелет с вечной улыбкой.

— Сергей, извини, — сказал он глухо. — Но твоя свечка нафиг никому не сдалась.

Он закрыл блокнот и, размахнувшись, швырнул его обратно в пролом.

— Но за уксус и марлю спасибо! Мысль интересная. Надо будет проверить, — сказал он вслед.

— Петрович… — подал голос Матвей. Слова давались с трудом, язык ворочался во рту, как чужой. — Что случилось? Что за Сергей? И свечка…

Петрович обернулся. Лицо его, обычно суровое и непроницаемое, вдруг осветилось чем-то похожим на радость.

— О! Молодой! — воскликнул он. — Из рая вернулся? И как там?

Матвей попытался встать, но память не слушалась. Тело было ватным, чужим, непослушным. Он только смотрел на

старшего, пытаясь вспомнить, что произошло.

А Петрович сидел рядом, стряхивал пепел с его шлема и смотрел на серое небо, затянутое тучами.

— Хреново там, — ответил он сам себе. — Без нас пока. Сиди, отдыхай, сейчас отпустит скоро.

Где-то в провале сидел скелет Сергея, лежал его блокнот, была дверь, за которой ждала смерть, и подушечки с кошачьим кормом, большинство которого они всё-таки собрали.

А здесь, наверху, была жизнь. Хрупкая, тонкая, но жизнь.

Он лёг на асфальт, уставившись в серое, вечно хмурое небо.

Глава 9

Минут через пятнадцать Матвей заёрзал на асфальте.

«Пора возвращаться на землю.» — тяжело вздохнув, Петрович сел. Пока Матвей приходил в себя, разминал ноги, руки, он рассказал ему о произошедшем. Коротко, сухо, без лишних эмоций — как докладывал о результатах вылазки.

Матвей слушал и не верил. Он ничего не помнил из того, что случилось после того, как он приоткрыл дверь в коридор. Последнее, что осталось в памяти, — как он поворачивает ключ, толкает створку, чувствует этот сладковатый запах А потом — провал. Темнота. И голос Петровича, читающий вслух чей-то дневник. Про оживших мертвецов. Сергей. Свечка.

— Значит, пробрал тебя запах из склада по самое «не балуйся», молодой, — подвёл итог Петрович. В голосе его, несмотря на усталость, прорезалась знакомая, ехидная нотка. — Радуйся, что баллоны полные взяли. Кислородом тебя продул. Да и себя заодно.

Он посмотрел на небо — серое, тяжёлое, равнодушное. Такое же, как всегда. Такое же, как будет завтра и послезавтра. Потом оглянулся на провал, на закрытую дверь, за которой затаилась сладковатая смерть.

— По-хорошему, залить бы там всё химией какой, — сказал Петрович. — Выжечь то, что за дверью проросло.

Матвей подошёл ближе к яме. Смотрел вниз, на скелет Сергея, на его вечную улыбку.

— Может Сергея сжечь? — спросил он тихо.

Сзади послышались шаги — Петрович обошёл справа и встал, направив обрез вниз. Долго смотрел на скелет, на его истлевшую одежду, на бейджик, который всё ещё держался на груди.

— Поздно уже его сжигать, молодой, — сказал он наконец. Голос звучал глухо, без обычной своей жёсткости. — Пусть лежит.

Он задрал голову, осматривая высотку. Верхние этажи нависали над ними рваным, оплавленным краем — бетонные плиты держались на честном слове, арматура торчала во все стороны, как рёбра дохлого зверя.

— Смотри, — Петрович указал рукой вверх. — Ещё немного, и остатки верхних этажей опять начнут рушиться. Думаю, сюда полетят обломки. И они либо окончательно вскроют этот склад, либо замуруют нашего Серёгу навечно. Надёжно. Хотя, — он опустил взгляд на скелет в яме. — Серёге, если говорить откровенно, всё равно.

— А может, не всё равно? Откуда нам знать, а? — Матвей задрал голову, всматриваясь в нависающую громаду. Трещины в бетоне, ржавые прутья, готовые в любой момент сорваться вниз. Ветер гулял в пустых проёмах, выл, завывал, будто предупреждал.

Петрович покосился на него.

— Ну. Со временем, узнаем. На все 100%.

— А если вскроют склад? — не унимался Матвей. — Если эта дрянь наружу выйдет?

Петрович пожал плечами.

— Тогда мы будем далеко. А кто окажется рядом — тому не повезло. — Он помолчал. — Но думаю, до этого ещё не скоро. Там, внутри, зараза та без воздуха не живёт. Или без еды. Или без чего-то ещё. Сергей вон написал — через три месяца стихло. Значит, сдохла. Или уснула. Хотя, как по мне — ему всё это привиделось. Как тебе облака. — Он ухмыльнулся. Без злобы.

— Выходит, что так, — тихо сказал Матвей, задумчиво переведя взгляд вниз. — А может, и нет

Петрович покосился на него, но ничего не ответил.

Они постояли ещё минуту. Каждый думал о своём. Потом Петрович хлопнул Матвея по плечу — по-отечески.

— Пошли. На сегодня хватит впечатлений.

Матвей кивнул, но перед тем как развернуться, ещё раз глянул вниз. На Сергея, на его улыбку, на дверь, за которой пряталось нечто, не имеющее имени.

— Прощай, Сергей, — сказал он одними губами. — Свечку мы тебе не поставим. Но запомнили.

— Идти пора. Заждались нас. Бери рюкзак. — Петрович кивнул на мешок с кошачьим кормом, довольно улыбнувшись. — А то пока я тебя туда-сюда тягал, спину надорвал чуток.

Он потянулся, хрустнув суставами.

Матвей кивнул. Подошёл к рюкзаку, взвалил его на плечи. Вес привычно вдавил лямки в мышцы, и от этого стало немного легче — будто работа возвращала к жизни.

Они пошли в обратный путь.

За спиной осталась высотка, провал, дверь, за которой ждала смерть, и скелет Сергея, который так и остался сидеть у стены, дожидаясь свечки, которой никто не поставил.

Впереди был дом. Семья. Жизнь. И это придавало сил и уверенности.

Петрович шёл первым, как всегда, но теперь Матвей замечал, что старик слегка прихрамывает — всё-таки дала себя знать нагрузка. Шли молча. Слова были не нужны. Всё, что нужно, уже сказали вещи: рюкзак с кормом, книжка с картинками, блокнот, выброшенный обратно в яму, и сладковатый привкус во рту, который Матвей всё никак не мог проглотить.

— Петрович, — позвал он, когда высотка скрылась за поворотом.

— А?

— А Сергей он там, внизу. Как думаешь, он

— Не думай, — оборвал Петрович, не оборачиваясь. — Думать будешь потом. И лучше думай о живых. А сейчас — просто иди.

Матвей замолчал. И пошёл.

Пепел хрустел под ногами, ветер гнал по земле серые вол-

ны, и в этом бесконечном, монотонном шорохе тонули все вопросы, все страхи, все воспоминания.

Пепел уже занёс их следы к высотке. Занесёт и новые. Матвей шёл, уткнувшись взглядом в спину Петровича, стараясь не думать. И вдруг его взгляд, скользнув по оплавленной стене, выхватил из вечного полумрака стекло. Обломок оконного пакета, чудом оставшийся в раме на втором этаже соседнего дома. И на нём — узор.

Нерукотворный. От пыли и пепла. Они легли на наклонное стекло тончайшим, неровным слоем, и в нём отражался грязно-жёлтый свет неба. И этот свет, преломлённый миллиардами микроскопических пылинок, заиграл, заблестел. На секунду Матвею показалось, что он видит мерцание, похожее на иней или на звёздную пыль. Красоту, рождённую разрушением. Абсолютно бесполезную. Смертельно опасную, если засмотреться и потерять бдительность. Но — красоту.

Он замедлил шаг всего на мгновение. Петрович, шедший впереди, обернулся. Матвей мотнул головой: «Всё в порядке». И двинулся дальше, к двери, к трём ударам молотка, к подозрительному Семёну. Но картинка осталась под веками. Хрупкий алмаз из яда и пепла. В нём не было надежды. В нём было напоминание: мир огромен, сложен и безразличен. И даже в самом его смертоносном дыхании может родиться что-то, что на миг остановит взгляд, заставит задержать дыхание, вызовет восхищение.

Матвей поправил лямки рюкзака, врезавшиеся в плечи, и

ускорил шаг.

Вылазка подходила к концу. Они возвращались — и не с пустыми руками. В рюкзаках лежала добыч. Для них, для «крыс», это было главным. Пустая крыса — мёртвая Семья. Закон, не требующий доказательств.

Они вернулись. Три удара молотком о сталь двери.

Пауза. Ещё три удара.

Свои.

За дверью раздался привычный скрип — где-то наверху, в системе перископа, Семён с помощью тросиков смахивал щёткой пепел со смотрового стекла. Сквозь бронированный глазок, через мутную оптику самодельного перископа, он изучал их. Кто пришёл? Свои или чужие в костюмах своих?

— Молодой. Пароль-то помнишь? — настороженно спросил Петрович.

Матвей кожей ощутил прохладу воздуха, когда он вспомнил, как он снял шлем, когда забыл пароль.

— Помню, — сказал он голосом, в котором звенела уверенность.

Матвей подпрыгнул три раза на месте и замахал левой рукой — чётко, утрированно, чтобы жест был виден даже сквозь заляпанное стекло.

Тайный знак. Каждый раз — разный. Эфемерная гарантия, рассчитанная на то, что «крыса» в защитном костюме — это действительно их «крыса», и она не сдала свою Се-

мью. А если сдала и привела беду к порогу, то у неё хватит смелости показать неправильный сигнал. Или смелости не хватит, и тогда

За дверью лязгнуло. Знакомый, въевшийся в память скрежет ржавого механизма, и тяжёлое полотнище, обшитое свинцом, медленно отъехало в сторону.

В проёме стоял Семён.

Опираясь на культю, придерживая рукой обрез, висящий на ремне через плечо. Лицо в противогазе, обезображенное старыми ожогами с левой стороны, не выражало ничего, кроме усталой, привычной бдительности. Он смотрел на них так, будто видел впервые. Или в последний раз.

Они вошли, помогли закрыть дверь — навалились вдвоём, пока Семён защёлкивал засовы.

— Живы, — констатировал Семён хрипло, отступая на шаг и давая им протиснуться в «серую». — Вернулись.

Его взгляд, быстрый и цепкий, сканировал их с ног до головы. Отмечал целостность костюмов, отсутствие посторонних предметов в складках комбинезона, чистоту стёкол, ровность дыхания.

— Какой фон у высотки? — спросил он, не дожидаясь, пока они отдышатся.

— Жёлтый. Стабильно, — отбарабанил Матвей, отключая систему подачи воздуха. Моторчик за спиной затих, и в наступившей тишине он услышал, как гудит вентиляция где-то в глубине подвала.

Воздух «серой» ударил в лицо — тяжёлый, спёртый, пахнущий химической горечью и вездесущей пылью. Матвей вдохнул глубоко, позволяя лёгким вспомнить, что такое дышать без фильтра.

— Он всегда стабильный, пока не прыгнет, — проворчал Семён, закрывая дверь и методично щёлкая засовами. Один, второй, третий. Ритуал, от которого становилось приятно. — Следы «диких» или военных заметили?

— «Диких» не видели, — Петрович уже скинул рюкзак и теперь разминал затёкшие плечи. — Сами чуть дикими не стали. — Он глянул на Матвея, и в этом взгляде мелькнуло что-то — то ли усталая усмешка, то ли предостережение. — Молодой потом расскажет. Но это не главное

Он сделал паузу, и Матвей почувствовал, как воздух в комнате стал гуще, плотнее. Семён, сидевший у стены, подался вперёд, насторожившись.

— Следы военных попадались, старые. Но это тоже, так, мелочи.

Петрович помолчал ещё секунду, давая словам осесть, а потом глухо добавил:

— Главное — заметили чужака в заводском скафандре, белом, как школьный мел в моём детстве. Совсем рядом. И он заметил нас.

Матвей вздрогнул. Встреча с незнакомцем в белом скафандре, тот самый момент, когда они меняли фильтры, — всё это вылетело из головы. Кутерьма последней вылазки,

поход по местам, где он был с Жорой, его собственное приключение с «веселухой» — всё это вытравило из него главное.

А главное было там. На балконе. В зеркальном шлеме.

Семён замер. Для него эта новость была сродни взрыву атомной бомбы. Лицо его, и без того изрезанное шрамами и морщинами, стало каменным. Только желваки заходили под кожей.

Медленно, очень медленно он обернулся. Вся его поза — от культи, упёртой в пол, до пальцев, сжимающих обрез, — говорила: «И что было дальше?»

— Ну-ка поподробнее, Петрович, — голос Семёна сел ещё на полтона, стал ниже, тревожнее.

Петрович рассказал.

Коротко, сухо, без эмоций — как докладывал уже сотни раз. Фигура в белом скафандре на балконе. Зеркальный шлем. Жест приветствия. Чистая полоса на грязных перилах. Исчезновение.

— Обменялись приветствием и разошлись, — закончил он. — Как в море корабли. Махали ручками друг другу.

Он замолчал, глядя куда-то в стену, задумавшись о случившемся. Потом вздохнул тяжело, всей грудью.

— Не верю я в сказки о добрых незнакомцах, — подытожил он, переводя взгляд на Матвея. — А молодой ещё верит.

Семён тоже посмотрел на Матвея. Вдвоём они смотрели на него — тяжело, осуждающе, как на нашкодившего щенка,

который притащил в дом заразу.

— Незнакомец не похож на военных, — высказал свою точку зрения Матвей. Старался, чтобы голос звучал ровно, но защитная нотка проскользнула. — Габариты не те. И скафандр — белый. Ни один уважающий себя «штык» не будет

— Какая разница, в белом он или в розовом?! — резко оборвал Семён. Он постучал костяшками пальцев по прикладу обреза — глухой, нервный звук. — Увидел нас — всё. Теперь знает, где искать. Или уже зовёт других.

— Правило простое, Матвей, — вступил Петрович. Голос его был усталым, но твёрдым, как сталь, из которой сделана дверь. — Незнакомец — это чужак. Чужак — это враг. Точка.

Матвей попытался возразить:

— Но он не напал! Значит, может быть

— Он не напал? — Петрович не дал договорить, перекрыл голосом, как танк перекрывает дорогу. — Отлично. Значит, у него была причина не нападать сейчас. Может, он один. Может, оценивал силу. Может, метил нас, как дичь, для своей стаи. От этого не легче. Не удивлюсь, если это он устроил ночной переполох, когда Шторм стих.

Матвей тут же вспомнил про ночь, когда он с Жорой вышел в «серую», и раздались те восемь «Пф-бум».

Петрович шагнул ближе, и его взгляд стал тяжёлым, как свинец.

— Вероятно, теперь у него есть за кем охотиться. Или за

ним. За таким костюмом, как у него, сбегутся все: и «крысы», и «штыки», и те, кто покруче. Теперь надо держать ухо востро.

Он наклонился к Матвею вплотную, почти касаясь шлемом его шлема.

— Никому. Никому нельзя доверять. Запомни это.

Семён слушал молча. Он уже вернулся к своей бочке с раствором и теперь помешивал мутную жижу длинной палкой, готовя дезинфектор для следующего этапа.

— Враг он, не враг — Петрович махнул рукой, устало, обречённо. — Давайте ещё погадаем на кофейной гуще. Правильно говоришь. Белый скафандр — это приманка для всякой падали. За ним теперь охотники потянутся. Как мухи на мёд.

Он помолчал секунду, глядя в стену.

— В этом мире всё новое — это либо смерть, либо чужая приманка. Третьего не дано. Мы третий год тут живём потому, что не интересуемся новым. Новое само нас найдёт, когда придёт время. И вот — нашло.

Он повернулся к Матвею.

— И радоваться тут нечему.

Матвей слушал, кивал. Потом отвернулся.

Взгляд упал на календарь, висевший на стене «серой». Ржавый, потрёпанный, с облупившимися углами. На нём была фотография — город с высоты птичьего полёта. Их город. Целый, живой, залитый солнцем. Мир, который был изобра-

жён там, умер. Родился новый. С другими правилами.

Их было немного. И одно из них, самое главное, было написано на стене, прямо перед выходом наружу. Углём, кривыми печатными буквами:

«ДОВЕРЯЙ ТОЛЬКО ДОЗИМЕТРУ. И ТО НЕ ВСЕГДА».

— Понял, молодой? — Петрович замолчал.

— Да.

Семён перестал мешать раствор. Закрыл бочку крышкой, убрал палку.

— Марш в будку, отмываться, — скомандовал он тоном, не терпящим возражений. — Чужак, заметивший вас, это плохо. Но неотмытый костюм после прогулки — тоже ничего хорошего.

Петрович оживился:

— Семён, сегодня два раза нас помой. Дурь «веселушку» или «могильный бархат» смыть надо. Особенно с молодого.

— О как! — Семён даже привстал, забыв про культю. — Где же это вы в неё вляпались?

— Там же, где корм кошачий был. За дверью, которую планировали вскрыть.

Семён перевёл взгляд с Петровича на рюкзак, набитый кормом, потом на Матвея, который всё ещё сидел на скамье, приходя в себя. Покачал головой.

— Вот так всегда, — вздохнул он философски. — Видишь радость, — он ткнул пальцем в рюкзак с кормом, — обяза-

тельно рядом будет какая-нибудь гадость.

Он подошёл к бочке, взял черпак и направился к дезкамере, бормоча под нос что-то про нелёгкую жизнь и вечно влипающих в истории «крыс».

Процедура дезактивации была очередным ритуалом. Скучным, муторным, но от него зависела жизнь каждого в подвале.

Они зашли в тесную кабину, собранную из пластиковых панелей от старого биотуалета. Внутри пахло химической горечью, сыростью и ещё чем-то неуловимо кислым — запах страха, который не смывался ничем.

— Не шевелись, — пробурчал Семён и нажал на рычаг самодельного брандспойта.

Едкий раствор — хлорка, уксус, что-то металлическое и разбавленный кислотный дождь — ударил по костюмам холодными струями. Он шипел на пластике, стекал мутными потоками в сливное отверстие в полу. Семён обрабатывал их методично, как автомат: спина, грудь, ноги, заставляя поворачиваться. Матвей чувствовал, как сквозь слои ткани проникает неприятный холод — раствор был ледяным, но приходилось терпеть.

После последнего обмывания Семён трижды стукнул костяшками пальцев по внутренней двери в «жёлтую».

Ответный лязг засова прозвучал через несколько секунд.

Дверь отъехала, и в проёме, щурясь от тусклого света, стоял механик Валера. Маленький, сухой, вечно недовольный,

с тряпкой в руках, которой он машинально вытирал пальцы, хотя они были чисты.

— Опять пыль натащили, — заворчал он сразу, с порога. — Весь песок в сальники набился. И сквозняк теперь, до самого коллектора. Я ж говорил: уплотнители менять надо, а вы всё ходите, ходите

Петрович, мокрый, уставший, но довольный возвращением, уставился на него.

— Ты бы хоть слово сказал, как сейчас воздух, после замены фильтров? — в голосе его зазвучала обида. — Лучше стало? А? — Он не дождался ответа и продолжил: — Я уже про «спасибо» молчу. Мы рисковали. Лазили по крышам. А Валера при встрече только бурчит.

Механик понял, что перегнул. Запнулся на полуслове, замялся.

— Это — он кашлянул в кулак, отводя глаза. — Лучше стало. Не идеально, но лучше. — Он потоптался на месте, вспоминая, что надо сказать ещё что-то. — Молодцы, — выдавил он наконец. — Спасибо.

Петрович улыбнулся.

Устало, но довольно. Как человек, которого наконец-то похвалили за работу, которую он и так должен был сделать. И для Валеры, и для себя. Для Семьи.

— Вот, — сказал он, обводя взглядом и Валеру, и Семёна, и Матвея. — Доброе слово и кошке приятно. — Он добродушно засмеялся.

Матвей смотрел на них — мокрых, грязных, уставших до предела, но живых, — и чувствовал, как внутри понемногу отпускает. Чужак в белом скафандре остался там, снаружи. А здесь были свои. Со своими привычками, своей воркотнёй, своей, пусть и тяжёлой, но жизнью.

Он снял шлем и вдохнул полной грудью. Воздух «жёлтой» пах резиной, мылом и Валериной химией. Но после фильтров и пепла он казался почти сладким.

Не обращая внимания на его бурчание, Семён увёл Валеру в глубину подвала — там, в технических отсеках, у механика вечно что-то текло, гудело или разваливалось.

Матвей с Петровичем остались в «жёлтой».

Медленно, с трудом расстёгивая неподатливые застёжки, они стянули с себя тяжеленные костюмы. Матвей вздохнул с облегчением — будто сбросил с плеч целый мир. Тело стало почти невесомым, только плечо ныло тупой, въевшейся болью, а в правой ноге тянуло знакомо и противно — та самая усталость, которая уже не проходила до конца, только затихала на время.

Матвей прислушался к себе. К той пустоте внутри, где последнее время звучал голос Жоры. Тихо. Ни шёпота, ни смешка, ни едкого замечания. С того самого момента, как он взялся за дверь в яме, голос молчал. Исчез. Растворился в сладковатом дурмане, который едва не убил его.

Матвей выдохнул. Медленно, глубоко, будто пробуя воздух на вкус.

Ну и отлично.

Петрович, не теряя времени, расстегнул свой защитный рюкзак и начал аккуратно перекладывать добычу в чистый холщовый мешок — чтобы доставить в гостиную добычу без лишней пыли. Таков был закон этой Семьи: «крысы» показывают улов всем, при всех. Никаких тайных карманов, никакого утаивания, никаких «это моё». Доверие было крепкой нитью, скрепляющей их в этом бетонном коконе, и её нельзя было рвать.

Мешок наполнился, издавая мягкий, обещающий шорох.

Они прошли по длинному, тускло освещённому коридору, мимо закрытых дверей — личных углов, отвоёванных у сырого бетона, — и вошли в гостиную.

Глава 10

Дом.

Запах ударил в ноздри: затхлость, человеческий пот, сладковатый дым буржуйки и густой, удушливый аромат варёной перловки — той, что давала иллюзию сытости. Гостиная была разбита на условные «комнаты» занавесками из одеял и фанерными щитами. Они были предназначены для тех, кто не хотел сидеть в холоде и одиночестве личных бетонных комнат, расположенных в коридоре.

В центре гостиной, у трубы, уходящей в кирпичный дымоход, стояла буржуйка. Возле неё, помешивая что-то в закопчённом котле, сидела Вера Павловна. Жена Петровича. Худая, как тень, с вечно опущенными плечами и взглядом, устремлённым в никуда. Она редко говорила. Чаще — кивала. Но без её молчаливого присутствия подвал казался бы пустым, даже если бы в нём находились все и кричали.

Рядом с ней, на корточках, возилась девочка.

Ирка.

Лет двенадцать, тщедушная, с большими, любознательными серыми глазами. Она была глухонемой с рождения, и этот мир тишины, возможно, спас ей рассудок — там, где другие сходили с ума от воя ветра и скрежета плит, она просто жила в своём беззвучном пространстве.

Сейчас она что-то пыталась нашёптывать котлу, её паль-

цы, держащие щепочку, ловко поправляли уголёк, выпавший из топки. Она почувствовала вибрацию шагов — не ушами, а всем телом, — обернулась и, увидев вошедшего Матвея, бесшумно улыбнулась. Махнула рукой, показала на буржуйку: мол, смотри! Тепло! Живём!

А затем соскочила и подбежала к Петровичу, с разбега обняв его.

Он преобразился.

Улыбнулся — редкость для его обветренного, изрезанного морщинами лица. Кряхтя, наклонился и потрепал девочку по голове. Ладонь у него была тяжёлая, но Ирка только жмурилась от удовольствия, как котёнок.

В углу, под белым светом самодельной светодиодной лампы, уже копался в разобранном насосе Валера. Старый механик, бывший сантехник ЖЭКа. Его кривые от артрита руки всё ещё могли починить что угодно — от фильтра до генератора. Его царство: помпы, аккумуляторы, ржавые трубы. Он не отрывался от работы, но голос его звучал на всю комнату:

— Опять трансформатор накрылся, перематывать придётся Задвижку на третьем контуре песком забило. Всё этот пепел! Он везде! Как наждак!

Ирка отпустила Петровича. Он скинул мешок на стол — старую дверь, положенную на козлы. Звук от мешка был непривычно тяжёлым, не пустым.

— Сегодня праздник! — коротко бросил он, снимая разгрузку. — Мало. Но есть. Кошачий корм, и — он сделал па-

узу, все уставились на него. — И консервы! Три банки!

Собравшиеся тут же уставились на его мешок.

Он осмотрел каждого, качнул головой. Затем вытащил аккуратно завёрнутый в тряпицу предмет. Осторожно развернул.

— И книга для Ирки. С картинками. Про птиц. — отложил тряпочку, протёр книгу ладонью. — Не фонит.

Он протянул свёрток девочке. Та осторожно коснулась ткани, развернула. Потрёпанный, с выцветшими картинками определитель птиц. Её пальцы легонько пробежали по глянцевой странице с синицей. Она подняла глаза на Петровича и беззвучно пошевелила губами:

«Спасибо».

Петрович кивнул, довольно, и вновь потрепал её по голове.

Ирка, не отрываясь от книги, потянула его за рукав и ткнула пальцем в картинку — на пышного, яркого снегиря. Потом обвела пальцем всю их «гостиную», показала на потолок, на себя и снова на снегиря. Её брови вопросительно поползли вверх. Она внимательно уставилась на его губы, ожидая ответа.

— Нет, пташка, — тихо, почти нежно сказал Петрович, и его голос, обычно похожий на скрип ржавой двери, смягчился. — Таких тут давно нет. Они улетели. Туда, где тепло и чисто.

Он покачал головой и развёл руками.

Ирка нахмурилась, явно не удовлетворённая ответом. Она перелистнула страницу, нашла ласточку — стремительную, изогнутую. Снова показала круг — «мир» — и взмахнула рукой, изобразив полёт. Вопрос в её глазах был всё тем же: «А они?»

— И эти улетели. Все хорошие птицы улетели, — сказал Петрович, и в его словах не было горечи, только констатация.

Он опять покачал головой.

Тогда Ирка перелистнула ещё. Её палец остановился на большой, мрачной картинке. Ворон. Чёрный, с умным, колючим взглядом. Она посмотрела на Петровича, потом на дверь в коридор, за которым была тьма, и решительно ткнула пальцем в ворона, а потом в Петровича.

«Вот это — ты!»

По тесному подвалу прокатился сдавленный, хриплый смешок.

Засмеялся Семён у двери. Потом фыркнул Валера над своим насосом. Даже Вера Павловна, обычно безучастная, коротко улыбнулась, прикрыв рот ладонью. Матвей почувствовал, как на его губах, против воли, расползается улыбка. Горькая, как полынь, но самая настоящая.

— Точно, птаха, — хрипло рассмеялся Петрович, и его лицо, изрезанное морщинами, на миг стало молодым. — Эти — никуда не делись. Крепкие, зубастые. Наши птицы.

Он обвёл взглядом всех — Семёна, Валеру, Веру Павловну, Матвея.

— И мы — одни из них.

Ирка сияла. Они были воронами этого нового мира. Не соловьями. Не ласточками. Но вороны тоже живут. Тоже цепкие, умные и не сдаются. В её детской, беззвучной логике таилось странное утешение.

— Мать! — Петрович протянул Вере Павловне банки. — Это тебе. Сделай что-нибудь на ужин. Как ты умеешь. Вкусно и сытно!

Вера Павловна взяла консервы, кивнула мужу. Её губы дрогнули в слабой попытке улыбки. Это было её «молодец» и «спасибо» — всё, что она могла дать в ответ на его тяжёлый труд.

Матвей смотрел на неё, и в голове его сам собой родился образ.

Древняя пещера. Костёр, обложенный камнями, пляшет в темноте. Женщина в звериных шкурах поддерживает огонь, а вокруг неё вьются чумазые дети. Входит охотник — уставший, пропахший кровью и потом. Женщина поднимает глаза на него, замечает в его руках добычу. Он с гордостью протягивает ей кусок освежёванного мяса. Она издаёт гортанный звук — нечто среднее между рычанием и одобрением. «Молодец!»

Матвей улыбнулся своим мыслям. Прошли сотни тысяч лет. Рухнули цивилизации, империи, сгорели города, изменился сам воздух, которым они дышат. А охотник всё так же должен приносить добычу в свою пещеру. И женщина всё

так же встречает его у очага.

Ничего по-настоящему важного не изменилось.

Он повернулся к печке, погрел руки над огнём. Тело ныло — спина, плечо, и особенно правая нога, которая в последнее время подводила всё чаще. Первый звоночек хронического облучения? Он поймал на себе взгляд Веры Павловны — успокаивающий и всевидящий одновременно. Она знала. Все они знали друг о друге больше, чем хотели бы.

Она подошла к нему, коснулась плеча.

— Тебе бы поменьше времени проводить снаружи, — сказала тихо, почти шёпотом. — И выпьешь сегодня мою долю чая. Молчи. Тебе нужнее.

Матвей хотел возразить, но она уже отошла к плите, не слушая.

Сегодня ужин был царским.

Каша с консервами в масле. Ели медленно, растягивая каждую ложку, смакуя непривычный вкус жира и соли. Шутили, смеялись. Ирка сидела рядом с Верой Павловной, её плечо касалось плеча женщины. Иногда девочка вздрагивала — чувствовала сквозь толщу бетона и стен гудение ветра. Она была их живым датчиком вибраций, безошибочным и чутким.

В конце, к чаю, Вера Павловна раздала каждому одинаковое количество подушечек кошачьего корма.

Маленьких, хрустящих, пахнущих чем-то далёким и почти забытым.

Ирка взяла свою горстку, поднесла к лицу, понюхала. Потом посмотрела на Матвея, улыбнулась и сунула одну подушечку в рот. Зажмурилась от удовольствия.

Матвей жевал свой корм и думал о том, что где-то там, в сером пепле, остался Жора. Что где-то ходит человек в белом скафандре, оставляющий чистые полосы на грязных перилах. Что завтра снова надо будет выходить.

Но сегодня — сегодня они были вместе. И это значило больше, чем любые ответы на вопросы, которых у этого мира не было.

После чая Петрович разложил на столе карту — большой лист, нарисованный от руки на обратной стороне обоев. Реки, дороги, кварталы были помечены условными знаками, крестиками, кружками. Их язык выживания.

— В прошлой нашей вылазке «Штыки» отметились, — сказал он тихо, водя пальцем по району в километре к югу. — Видели патруль возле сцпермаркета. Пятеро. В камуфляже, с автоматами нового образца. Шли чётко, не шарясь по углам. Ищут не еду. И без картографа.

— Рекрутов, — хрипло отозвался Семён из своего угла у двери. — Или рабов на свои плантации. Слышал их по рации, обрывки, пока радио не накрылось. Их генерал распинался — про новый порядок, высшую справедливость, предательство учёных.

Он резко мотнул головой, и в этом жесте было столько брезгливости, сколько другие не вкладывали в целые речи.

— Был я в их новом порядке. Рабство это, а не порядок. Тьфу.

Матвей почувствовал, как в груди сжался старый, знакомый комок страха. Он сбежал от «штыков» два года назад, не желая становиться винтиком в их военной машине. Его бывший командир называл его «перспективным». Матвей видел, что значит эта «перспектива»: расстрел дезертиров на глазах у строя, право первым насиловать женщин, чтобы те рожали «новых младенцев — будущих воинов Нового Порядка».

— Они не должны найти нас, — просто сказал Матвей.

— Значит, не найдут, — ответил Петрович, уставившись на печку. — Припасы есть. Придётся отсиживаться сколько сможем. Еда сама не найдётся Ладно, завтра будем думать.

Он смотрел на огонь, но видел не пламя, а старую, как мир, дилемму.

В первые месяцы после катастрофы многие рванули туда, где казалось безопаснее всего: в метро, в бомбоубежища, в правительственные бункеры. И почти все нашли там смерть. Не от радиации и не от голода — от себе подобных. Эти места стали магнитами для медведей и волков в человеческом обличье. «Штыки» хозяйничали там, наводя свой «Новый Порядок» цепями и прикладами. А «дикие» собирались в тёмных тоннелях, как грибы после дождя, сбивались в стаи и нападали на всех, кто слабее. Между ними шныряли «деловые», находя выгоду в тёмных делах.

Нет, большие убежища — это ловушки. Каменные мешки,

где тебя либо поставят на колени, либо съедят.

Их путь был другим — оставаться призраками. Быть вольными. Быть «крысами». Ютиться в трещинах мёртвого города: в подвалах зданий, в забытых каморках, в щелях, на которые даже мародёры не тратили время. Ходить по самой грани, между «жёлтой» зоной и голодом, между «дикими», «штыками» и другими такими же вольными. Это был единственный способ остаться людьми. И остаться в живых.

— «Деловые» тоже не дремлют, — хмуро вздохнул Валера, разбирая узел проводов на коленях. — Соблазняли до шторма по радио. Чего только не предлагали на обмен. В эфире болтали. Торгуют чем угодно. Фильтрами, антибиотиками мясом.

Он на мгновение замолчал, вглядываясь в спайку.

— Говорят, баранье. С южных районов, мол, караваны гонят оттуда. Цена

Валера безнадёжно махнул рукой, и этот жест говорил яснее любых слов. Ценой могла быть их свобода. Или они сами. Всё, что у них было.

— Ложь всё это, — тихо сказал Петрович, не отрывая взгляда от карты. — Баранами будем мы, если клюнем на сказку про «южные районы». Выпотрошат нас, прокрутят через мясорубку и пойдут искать других, кому это впарить.

Тишина повисла в гостиной. Никто не перебивал, не спорил. Все знали: кроме «диких», человечиной не брезговали и некоторые люди. Поговаривали, со временем такие сами

становились «дикими».

— Лучше давиться перловкой, — Петрович оторвался от карты, обвёл взглядом сидящих. — Давайте, сменим тему.

Валера поднял руку. Петрович кивнул.

— Вот бы найти бы что-нибудь стоящее — голос Валеры стал тихий, мечтательный. — Для фильтров. Или сразу настоящих. Петрович, может, мне с вами на вылазку? А? Глаза-то ещё видят, ноги носят

— Нет, — Петрович отрезал резко, даже не оборачиваясь от карты. — Твой фронт — здесь. Воздух, вода, тепло, свет, электроника, рации. Без этого мы «дикими» станем. Сдохнем тихо, в темноте и вонючей жиже. Ты у нас не «крыса», Валерий. Ты — Главный Механик. Инженер! Без тебя тут всё развалится.

Валера замер, потом медленно выдохнул, смиряясь. Его плечи опустились. Он кивнул, не в силах спорить с железной логикой Петровича.

— Ладно — пробормотал он, снова утыкаясь в проводку.

Но в его сгорбленной спине читалась не просто покорность, а горечь человека, обречённого спасать других, пока сам он медленно задыхается в четырёх стенах.

Петрович повернулся в его сторону. поймал взгляд механика, сощурил глаза.

— Валера, ты ещё что хочешь сказать?

Механик кивнул, поднял голову, долго собирался с духом, чтобы выговорить то, о чём молчал два дня. Слова давили

грузом.

— Сгорел светодиод в фитолампе. В синем спектре.

Он выдохнул, словно выталкивая из себя пробку.

— Урожай зелени будет меньше. Значительно.

Петрович вскочил так резко, что карта взлетела со стола, закрутилась в воздухе и шлёпнулась на пол лицевой стороной вниз.

Его лицо исказила мгновенная, слепая ярость. Губы уже сложились для многоэтажного матерного вопля, который рвался из горла но он поймал взгляд Ирки.

Девочка съёжилась, её глаза стали круглыми от испуга, пальцы вцепились в край Вериной кофты.

Все замерли.

Петрович застыл с открытым ртом, глядя на это испуганное детское лицо. Ярость схлынула, оставив после себя леденящую пустоту и осознание. Он засопел, медленно, с нечеловеческим усилием опустился на табурет. Его руки — огромные, исхоженные рубцами и работой — сжались в тугие, дрожащие узлы, потом разжались, и снова сжались.

Без зелени, без этих жалких побегов лука, укропа, петрушки, дающих хоть какие-то витамины, они протянут. Месяц. Два. Четыре. А потом цинга, куриная слепота, кровоточивость дёсен. Они слягут все. Потеряют силы. И станут лёгкой добычей. Или просто тихо сойдут с ума в темноте, пока их тела будут медленно, заживо разлагаться.

Тишина в комнате стала густой, как смола. Она текла, об-

волакивая каждого. Погружая в тяжёлые, липкие мысли.

— Значит — голос Петровича прозвучал хрипло, но уже ровно. Он начал раскладывать задачу по полочкам, как всегда. Это возвращало ему контроль над ситуацией. — Значит, надо понять, где такие светодиоды искать. Ты, Валера, устрой нам с Матвеем лекцию. Ещё раз. Покажи, как они хоть выглядят. Чтобы. Чтобы мы глазами отличали нужное от хлама. Потом решим, откуда это можно выдрать. Поставим это в приоритет. Маршруты вылазок скорректируем.

Он замолчал, прокручивая в голове дальнейшие этапы.

Сложно — да. Почти невозможно — вполне. Но не безысходно. Пока есть план — есть щель для надежды. А надежда даёт силы. Страх в его голове отполз в тень, уступив место привычному, выматывающему напряжению. С планом можно не просто выжить. С планом можно жить и строить следующие планы. И так, день за днём, месяц за месяцем. Год за годом.

Валера молча кивнул, ушёл в свой угол, к особому металлическому шкафу, в котором хранил то, что считал особо ценным.

Петрович встал, подошёл к упавшей карте. Наклонился, подобрал её. Медленно, тщательно начал разглаживать скомканные углы о край стола, будто это был не кусок бумаги, а знамя.

Через минуту вернулся Валера с раскрытой картонной коробкой. Внутри, на вате, лежали крошечные, похожие на

осколки стекла, предметы. Он взял пинцетом один — синий, размером с рисовое зёрнышко.

— Вот он, — голос Валеры вдруг потерял всю свою ворчливость, стал тихим и почтительным, как у священника, касающегося святыни. — Полупроводник. Арсенид галлия. Синий спектр, длина волны четыреста пятьдесят нанометров. Для фотосинтеза — самое то.

Он повертел кристаллик в луче фонарика, и тот вспыхнул холодной, ядовито-синей искрой.

— Пока огород с Верой Павловной собирал, проштудировал справочники. Раньше их тоннами делали. Теперь нет. Найти можно в фитолампах, в старых светодиодных лентах, в указательных табло, в лабораториях, в теплицах

Он говорил, а Матвей смотрел на эту микроскопическую точку. Весь их будущий урожай, а значит — их здоровье, их сила — зависел от умения найти в грудах хлама среди умершего города вот эту крупицу кремния и пластика. Война за выживание свелась к охоте за рисовыми зёрнышками, светящимися синим. Была в этом какая-то унизительная, сюрреалистичная точность.

— Да чтобы такое увидеть, надо чуть ли не носом упереться в эту точку, — Петрович посмотрел на Матвея. — Молодой, вся надежда на тебя. Это, — он ткнул пальцем в рисинку на пинцете Валеры, — приоритет. Чуть что увидишь — всё бросай, зубами выгрызай и тащи Валере. От моего зрения одно воспоминание осталось, будь оно всё неладно.

Матвей кивнул.

Он нагнулся к пинцету, вглядываясь в синюю искру. Светодиод казался невесомым, почти игрушечным. Но Матвей знал: сейчас он смотрит на их будущее. Хрупкое, микроскопическое, но — будущее.

Он запоминал. Цвет, форму, блеск. Всё, чтобы завтра, в сером пепле, среди мёртвого железа и битого стекла, суметь разглядеть эту синюю точку.

Потому что без неё они просто перестанут быть. Это осознание висело в комнате над всеми, И давило.

— А «дикие»? — вдруг спросила Вера Павловна.

Её голос — тихий, плоский, как стук камешка о стекло — разрезал тишину. Она смотрела не на мужа, а куда-то в пространство перед собой, но все понимали: она пыталась переключить его мысли. Увести от пропасти, в которую он только что заглянул, размышляя о светодиодах и медленном угасании.

— Что с «дикими»? — уточнила она.

— Ближе не подходили, — ответил Петрович и прокашлялся. Голос его ещё хранил следы недавнего напряжения, но говорил он уже ровно, деловито. — Но следы видел у гаражей, там, где пепел на копится. Свежие. Копались в ржавом железе. Голодные. Они всегда голодные.

— А «веселуха»? Новые места не встречали? — поинтересовался Семён из своего угла. — Где она там — и «диких» жди.

Петрович разгладил карту на столе, сел на табурет.

— Возле трансформаторной видели новые места с «веселухой», — он ткнул пальцем в точку на обоях. — До Шторма там было чисто. Я там лично проходил, запомнил.

— Вот тут тоже, — Матвей потянулся к карте, показывая. — На остановке, где Жора

Рука дрогнула. Он сглотнул, но заставил себя продолжить:

— Там тоже «ржавая земля» появилась.

— Значит, «веселуха» там вскоре прорастёт, — буркнул Семён.

— Откуда она здесь вообще взялась? — спросил Валера, отрываясь от своих проводов. — Сроду здесь такого не было. То ли мох, то ли лишай, то ли ещё что.

— Чёрт его знает, — проворчал Петрович. — А то, что он растёт в местах, где фонит не по-детски, это нам в плюс. Издалека видно — обойти можно.

Из темноты у двери раздался сухой, как треск сухаря, смешок Семёна.

— Обойти — повторил он, и в его голосе не было ни капли веселья. — Оно, конечно, видно. Пока пятно с ладонь. А потом оглянуться не успеешь — всё вокруг уже им поросло, как рыжей проказой. И не просто растёт.

Он замолчал. В тишине было слышно, как он с силой проводит ладонью по щетине на щеках — резкий, нервный звук.

— До того как к Петровичу прибиться, был я в одной шайке-лейке, — начал Семён, и голос его стал низким, монотон-

ным, будто он зачитывал протокол. — И был там некто Сашка-электрик. Отчаянный мужичок.

Он вздохнул тяжело, всей грудью, погружаясь в воспоминания.

— Полез он как-то в один подвал за медным кабелем. А там на стене «веселуха» цвела. Пятнышко, с кулак. Мы ему: «Саш, не надо, там фон зашкаливает». А он махнул рукой: «Да плевать, проскочу за пять минут, маску не буду даже одевать. Проветрится».

Семён сделал паузу. В ней явственно слышалось его тяжёлое, свистящее дыхание.

— Не вышел он из подвала. Нам боязно было, не полезли туда сразу. Через неделю рискнули. Когда раздобыли противогазов.

Он замолчал снова, и тишина в комнате стала такой плотной, что, казалось, её можно было резать ножом.

— Нашли его в том же подвале. Не умер. Сидел, прислонившись к стене. И улыбался. Широкая такая, дурацкая улыбка, до ушей. А изо рта изо рта у него торчали и вниз по подбородку струились тонкие, ярко-рыжие ростки. Тот же мох. Он пророс. Изнутри.

В гостиной стояла гробовая тишина.

Даже Вера Павловна будто перестала дышать, уставившись в одну точку. Ирка притихла, широко раскрыв глаза. Она не слышала слов, но видела лица — и этого было достаточно, чтобы понять: случилось что-то страшное.

— И что? — хрипло спросил Петрович, хотя, кажется, уже догадывался.

— Что, что — Семён резко дёрнул плечом. — Пристрелили. Пулю в лоб. А тело сожгли дотла, вместе с тем подвалом. Дров не пожалели. От одного прикосновения к нему у Мишки, который это делал, потом месяц ладони шелушились и кровоточили.

Матвей нахмурился. Он вспомнил сладковатый запах из щели. Улыбку Сергея. И своё собственное небо с облаками и лесом под ним.

Валера тихо присвистнул и машинально отодвинулся от стола, будто «веселуха» могла прорасти здесь и сейчас — прямо из трещины в бетонном полу.

— Вот и думайте, «плюс» это или нет, — заключил Семён и с силой плюнул в угол. — Она не просто растёт там, где смерть прошлась. Она эту смерть в себя впитывает, перевариваает и размножается. И голодная она, зараза. Ищет, чем поживиться. Теплом. Плотью.

Матвей опустил взгляд на карту, лежащую на столе.

Там, где аккуратным крестиком был отмечен провал с телом Жоры, стояла пометка: «Сожжено».

Он смотрел на этот крестик и думал о том, как вовремя они это сделали. Как близко была смерть — и как легко она могла прорасти снова, уже из того, что осталось от друга.

— Жору тоже сожгли, — тихо сказал он, скорее себе, чем остальным.

Петрович кивнул.

— И правильно сделали.

В комнате снова повисла тишина. Но теперь в ней было что-то другое — не страх, а мрачное, угрюмое спокойствие людей, которые знают: мир вокруг не мёртв. Он живёт своей, чужой, враждебной жизнью. И единственный способ выжить — помнить об этом каждую секунду.

Лампочки в гостиной моргнули несколько раз — и погасли.

Все затихли. Помещение погрузилось в темноту, такую плотную, что глазам потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть. Только раскалённая плита печки проступала во мраке алым пятном, слабо освещая пространство вокруг себя.

Раздался щелчок — и лампы вспыхнули вновь.

— Опять щётки на генераторе ветряка барахлят, — просипел Валера, не отрываясь от своих проводов. — Пепел, как наждак, всё стачивает. Надо искать новую щётку, или, на крайняк, снимать с какой-нибудь машины.

Петрович обречённо вздохнул.

Это был очередной запрос. Очередная нужная вещь, которую надо где-то искать, рисковать, тащить на себе. Он не любил копаться в машинах — они стояли на открытой местности, много шума, много риска. Но деваться было некуда. Он кивнул:

— Сделаем.

Ирка, наблюдавшая за их лицами своими большими глазами, вдруг подняла руку и постучала костяшками пальцев по столу.

Два раза. Пауза. Ещё два раза.

Быстрая, тревожная дробь. Их код. «Опасность».

Все замерли. Воздух в комнате будто загустел. Семён, не говоря ни слова, соскочил со своего места, схватил обрез со стены и застыл у двери, прислушиваясь, превратившись в камень.

Прошла минута. Две.

Ирка расслабилась первой. Показала раскрытую ладонь: «Ушли».

Кто-то был снаружи. Прошёл мимо. Может, человек. Может, зверь. Может, ветер сорвал лист железа и протащил по земле. Никто не знал. Они сидели, вслушиваясь в тишину, но слышали только своё дыхание и треск печки.

Перед тем как разойтись, Петрович жестом подозвал Матвея в коридор, в «жёлтую» комнату.

— Ты, — начал он, не глядя в глаза, разглядывая трещину в бетоне. — Не вини себя.

Он откашлялся, так и не подняв глаз.

— С Жорой всё сделал правильно. По-другому нельзя было. Он бы тебя за собой утянул. А ты — нужен. Здесь. Нам. Мне.

Петрович замолчал, втягивая щёки, подбирая слова, которые давились в горле, как плохо перемолотая крупа.

— Видно по тебе. Вину свою чувствуешь — и это правильно. Кто не чувствует, тот уже не наш. Но тащить её на себе, как мешок с камнями, — нельзя. Она тебя задавит. И тогда его смерть точно окажется напрасной. Понял?

Матвей кивнул, сглатывая ком, застрявший в горле.

— Вот и хорошо. — Петрович хлопнул его по плечу — тяжело, по-своему. — Завтра рано вставать. Идём искать эту чёртову щётку для генератора, светодиоды и всё остальное. Отдыхай.

Он развернулся и ушёл в гостиную, оставив Матвея одного.

Тишина после его слов была густой, почти осязаемой. «Ты с Жорой всё сделал правильно». Правильно. По правилам. По арифметике подвала. Но в груди оставалась рваная дыра, в которую засасывало все логичные доводы. Наверное, наличие этой дыры тоже было меткой: он ещё человек, а не «дикий».

Перед сном Матвей подошёл к Валере. Механик сидел в своём углу, перебирая фильтры — аккуратно раскладывал их по степени износа, будто игральные карты.

— Сколько ещё продержатся? — спросил Матвей, кивая на стопку.

Валера не поднял головы.

— Месяц. От силы два. — Голос его звучал глухо, без обычной ворчливости. — Ресурс исчерпан. Песок и радиация сделали своё. Без новых угольных картриджей мы будем

дышать тем, что снаружи. А дышать этим долго нельзя.

Матвей кивнул.

Он поднял глаза на низкий, закопчённый потолок их убежища. Их ряды таяли. Трое человек за последний год погибло. Их крепость медленно превращалась в склеп. Они были семьёй, которую свела вместе не кровь, а общая беда и воля к жизни. Но беда была сильнее. Она точила их изнутри, как пепел — фильтры Валеры. И с каждым днём стены их мира становились всё уже, а тиканье воображаемого часового механизма смерти — всё громче.

И тут Валера кашлянул, поднимая глаза от своих рук.

— А я — Он запнулся, будто решая, стоит ли говорить. — Пока вам про диоды распинался, чертёж новый придумал. Для светильника. Если диоды найдём. Экономнее будет. И свет лучше ляжет.

Он сказал это так, будто признался в чём-то постыдном. В том, что позволяет себе думать не только о ремонте, но и об улучшении. В том, что позволяет себе проектировать будущее.

В наступившей тишине Матвей медленно кивнул.

— Покажи завтра, — сказал он, и в его голосе было одобрение. Даже что-то большее: признание. Признание того, что они — не просто кучка доживающих. Они — община. И даже здесь, под землёй, в ожидании очередного Шторма, они не просто чинят сломанное. Они строят. Пусть из обломков, пусть на соплях — но строят. И в этой способности творить

таилась самая стойкая, самая ободряющая форма надежды. Пока их механик чертил схемы будущих светильников, будущее — пусть крошечное, эфемерное — было возможно.

— Покажу — Валера задумался, уже погружаясь в свой внутренний мир вычислений и проектирования. — Чертёж накидаю — обязательно покажу.

Разговор иссяк сам собой, растворившись в привычных ночных звуках подвала: треске печки, капле воды в отстойнике, шорохах за занавесками.

Прошёл час. Плавно, как угасающие угли, жизнь в гостиной перешла в стадию подготовки ко сну. Сегодня Матвей остался ночевать здесь — это было единственное отапливаемое помещение в их подвале. И он не хотел ночевать в комнате, где лежала маска Жоры.

Он лёг на свою койку, слушая, как за перегородкой Ирка что-то пытается напеть — мычала, укачивая пластмассовую куклу. Она жила в тишине, самой полной в этом мёртвом мире. Иногда Матвею казалось, что она — единственная, кто по-настоящему слышит эхо того, что было, и шёпот того, что может быть. Уже несколько дней, каждый раз, когда кто-то возвращался с вылазки, сердце её начинало биться учащённее. Ирка радостно встречала вошедших, а потом смотрела на дверь, ожидая, что войдёт Жора. Но он всё не входил. А она всё ждала.

В печке потрескивали дрова. Иркино мычание отвлекало от тревожных мыслей, убаюкивало. Он попытался разобрать

мелодию, закрыл глаза, чтобы сосредоточиться, — и через пять секунд провалился в сон.

Сон, пришедший под мычание девочки, был коротким и беспокойным. Его разбудила тишина — та самая, давящая, из прошлого пробуждения. Ирка уже спала. В печке догорали угли, отбрасывая прыгающие тени на закопчённые балки.

Матвей встал, чтобы подбросить щепок, и замер у буржуйки.

Из-за фанерной перегородки, где спали Петрович с Верой Павловной, доносился низкий, ровный храп Петровича. Из угла Валеры — тихое посапывание. А из коридора, у двери — абсолютная тишина.

Семён не храпел. Семён не спал. Нога-культя не давала ему уснуть глубоко, а привычка стража превратила его сон в чуткую дрёму, где каждый скрип бетона был сигналом.

Матвей на цыпочках подошёл к двери. Там, в пятне тусклого аварийного света, сидел Семён. Прислонившись к стене, он смотрел на свои руки. В руках у него была шахматная доска — та самая, которую нашёл Жора в аптеке.

Он не играл. Он просто водил подушечкой большого пальца по гладким клеткам, из угла в угол, будто читал шрифт Брайля. Лицо его в полутьме было каменным, но в этом ритмичном движении угадывалась медитация — попытка нащупать порядок в хаосе собственных мыслей.

Матвей не стал его беспокоить. Вернулся к печке, сел на койку и стал слушать.

Дом жил.

Где-то капала вода в отстойник — ровно, раз в двадцать секунд. Тихо потрескивали, остывая, кирпичи дымохода. И был ещё один звук — едва уловимый, знакомый до боли. Тихий, сдавленный плач. Он шёл из-за занавески Веры Павловны. Не рыдания, а именно плач — беззвучный, от которого сжимается горло. Она плакала в подушку, чтобы не разбудить Петровича и Ирку. Плакала о чём-то своём. О прошлой жизни. О Жоре. О том, что сегодняшний ужин из кошачьего корма и шпрот был пиром, а скоро снова будет баланда.

Матвей закрыл глаза, позволяя этим звукам — храпу, каплям, плачу, скребущему пальцу Семёна по дереву — заполнить себя. Это были звуки их мира. Грубые, полные боли, но живые. Пока они звучали, они оставались людьми.

И постоянным фоном для всего этого был ветер.

Он, всё ещё слабый, но неумолимый, тянул с севера, принося запах металла и тоски. Шторм затаился, но не ушёл. Он был фоном их жизни, её саундтреком и хронометром. Сезон штиля, сезон ада, сезон пепла и дождей. Этот цикл был единственной гарантией. Но в последнее время Матвей ловил себя на мысли: а если гарантия — иллюзия? Что, если однажды перерыв между вдохами чудовища так и не наступит? Они строили свою жизнь в паузах между ударами, но что, если пауза — это и есть удар, растянутый во времени?

Он заснул под этот аккомпанемент — и на этот раз сон был глубже.

Но сквозь сон он почувствовал движение.

Приоткрыв глаза, Матвей увидел, как мимо его койки, сгорбившись, проходит Петрович. Старик не шёл спать. Босиком, в одном исподнем, он направился к буржуйке, потрогал её бок — проверяя тепло — и тихо подбросил щепок. Затем его тень метнулась к углу Валеры. Механик во сне сдержанно кряхтел. Петрович поправил сползшее с него одеяло, нащупал на полу рядом почти пустую кружку и отнёс её к бачку с питьевой водой. Налил ровно три глотка — чтобы утром, первым делом, у Валеры было чем промочить горло.

Потом он остановился у занавески, за которой спала Ирка. Долго стоял, слушая её ровное дыхание. Матвей видел, как плечи Петровича, обычно такие жёсткие, на мгновение обмякли. Он просунул руку за занавеску и поправил одеяло на девочке. Жест был неловким, грубоватым, но бесконечно искренним.

Затем Петрович повернулся, и его взгляд упал на Матвея.

Тот притворился спящим. Сквозь ресницы он видел, как старик несколько секунд смотрел на него — будто сверял с невидимым списком: жив, цел, дышит. Потом кивнул сам себе, удовлетворённый, и поплёлся к своему углу.

Он не лёг. Он сел на ящик у входа в гостиную, спиной к теплу, лицом — к темноте коридора, где сидел Семён.

Два стража. Один — у двери наружу. Другой — у двери, за которой спали его люди. Его Семья.

И в этой тихой ночной вахте старого человека, который

проверяет тепло, воду и дыхание тех, за кого в ответе, было больше надежды и силы, чем во всех найденных килограммах еды. Пока он дежурит — можно спать. Пока он считает их и заботится, даже не зная, что за ним наблюдают, — их выживание имеет смысл. Оно ради этого.

Как охотник в пещере, который накормил свою семью и сел с копьём у входа, охраняя их сон.

Матвей улыбнулся, укутался в одеяло и моментально погрузился в объятия спокойного сна.

Ветер за стенами подвывал, но здесь, внизу, было тепло. Была жизнь.

Глава 11

Вера Павловна после ужина сидела у края стола и слушала, о чём говорят мужчины. Старалась вникнуть в обсуждаемые проблемы, в эти бесконечные разговоры о щётках генератора, фильтрах, военных и следах «диких». Это были её минуты отдыха от каждодневных забот — просто сидеть и слушать, чувствуя себя частью общего дела, даже когда молчишь.

Но, как и у каждого в этом подвале, — у неё была своя война.

В её обязанности не входили ни поход наружу, ни охрана выхода, ни обслуживание вентиляции, ни ремонт ветряка. Её фронт находился здесь, между стенами, которые она знала на ощупь.

Выделенная ей часть подвала состояла из двух небольших помещений: комнатка для стерилизации и хранения припасов — и угол за занавеской из старого одеяла, где они с Иркой спали, прижавшись друг к другу, чтобы было теплее. В центре всего этого стояла печка-буржуйка, которую она кормила щепками и сухими ветками, которые иногда приносили мужчины. Здесь пахло не пылью и страхом, как в «серой» зоне. Здесь пахло кипящей водой, травяными настоями и слабым, едва уловимым запахом спирта, который выделили ей.

Вера Павловна не только стирала. Она ещё и стерилизо-

вала.

Клочки марли, обрывки бинтов, старые тряпки, разрезанные на лоскуты, — всё это кипело в жестяном тазу над огнём. Пузырьки пара поднимались над водой, лопались, и в этом шипении ей слышалось обещание: в следующий раз, когда ржавый гвоздь или острая арматура вопьётся в чью-то плоть, у них будет чем перевязать рану. Хоть какое-то подобие чистоты. Хоть призрачный шанс на то, что гангрена не сожрёт человека заживо.

Ирка сидела рядом на корточках, неотрывно следя за её руками.

Девочка подавала щипцы — неловкие, самодельные, стянутые резинкой, два деревянных бруска с пружиной у основания. Валерий когда-то смастерил их, перебрав весь хлам в подвале. Ирка не слышала шипения пара, но видела, как дрожит воздух над тазом, и чувствовала исходящий жар кожей. Она училась. Училась быть глазами и руками там, где не работали уши. Каждое движение Веры Павловны девочка впитывала в себя, как сухая земля впитывает воду. Она знала — это важно. Это помогает другим. Это делает её нужной.

Отдельным фронтом у неё была коллекция лекарств. Аптечка Веры Павловны была священной реликвией.

Несколько флаконов, плотно закупоренных, с выцветшими, почти стёршимися этикетками. Йод, зелёнка, перекись водорода — капли, которые она отмеряла с ювелирной точностью, зная, что новых не будет никогда. Горсть таблеток

антибиотика, спрятанных глубже всего, в отдельной коробочке, обёрнутой в полиэтилен. Все — давно просроченные, на годы, а то и на десятилетия. Но другого не было. И не предвиделось.

Она знала цену каждой грануле, каждой капле. Знала, что её фронт — это не атака, а оборона. Оборона от гангрены, которая могла сожрать ногу за неделю. От заражения крови, которое убивало за три дня, если вовремя не заметить красноту вокруг раны. От лихорадки, валившей самых сильных мужиков. И от цинги. Особенно от цинги.

Потому что еда в её ведении была не просто топливом. Она была оружием.

Вера Павловна умела растягивать банку тушёнки на неделю, вываривая мясо до тех пор, пока волокна не переставали чувствоваться на языке, а бульон не становился прозрачным, как слеза. Из жёсткой, как камень, перловки она делала подобие каши, добавляя щепотку драгоценной соли и приправы — сушёные корешки, найденные когда-то в заброшенной кухне, листья, о которых только она знала, что они не ядовиты. Она старалась вкусом приправ создать иллюзию разнообразия. Чтобы люди, жующие свою скудную порцию, хоть на минуту забыли, что едят они одно и то же уже который месяц.

Но её мозг, заточенный в тихое, методичное тело, требовал большего.

Раньше, в прошлой жизни, она работала лаборанткой в

школе. Мыла пробирки, раскладывала по полочкам реактивы, записывала в журнал результаты опытов. Ей нравилась система. Нравилось, когда всё разложено, подписано, учтено. Здесь, в подвале, её навыки оказались нужны как никогда. Но возможностей для их применения было мало. Слишком мало.

Она слушала мужские разговоры и думала о том, что где-то там, в руинах, наверняка остались лекарства. Аптеки, больницы, склады. Но мужчины не приносят лекарства. Они приносят еду, патроны, запчасти. Потому что еда и патроны нужны сейчас. А лекарства — это когда уже поздно.

Вера Павловна вздохнула, встала, подошла к печке, помешала кипящую воду в кастрюле длинной ложкой. Ирка тут же подалась за ней, следя за движением.

— Всё хорошо, маленькая, — тихо сказала Вера Павловна. — Кипит. Значит, чисто будет.

Ирка не услышала слов, но прочитала по губам. Улыбнулась и кивнула.

Где-то в гостиной Петрович чертил на карте новые маршруты. Валера спорил с Семёном о ресурсе фильтров. Матвей молчал, глядя в огонь.

А здесь, в углу, пахло кипятком и будущими ранами, которые этот кипяток должен был спасти.

Вера Павловна делала своё дело. Тихо. Методично. Как умела.

Но что могла предложить школьная лаборантка, запертая

в подвале?

Её мир когда-то умещался между микроскопом «Микмед-1» с потускневшей оптикой и запахом фиксажа, которым пахло в лаборантской после уроков химии. Она знала, как окрашивать препараты метиленовым синим, как высаживать семена гороха на влажную вату для показательного урока, как вести журнал учёта реактивов, не допуская ни малейшей погрешности. Тогда она воевала с пылью на стёклах и нерадивыми старшеклассниками, норовившими стащить пластмассовый череп с макета скелета человека.

Теперь её лабораторией была печка с закопчённым тазом и «огород» — ящик с землёй под фитолампой, пахнущий сыростью и прелой листвой. Её препаратами стали гнойные раны, открытые переломы и химические ожоги от кислотного тумана, который иногда прорывался сквозь фильтры. Журнал она вела карандашом в старом блокноте — том самом, куда когда-то записывала детские шалости.

И сейчас, пока мужчины за столом обсуждали угрозы извне, её пальцы сами потянулись к потрёпанной обложке, лежавшей в ящике стола. В этом блокноте был порядок. Там хаос их мира раскладывался по полочкам, обретал причину и следствие. Она открыла его, и глаза сами нашли нужные страницы.

Это был не просто журнал. Это был «Архив».

На первой странице, дрожащей от времени рукой, она когда-то вывела: «Что помню». И дальше — плотными столби-

ками: рецепт солевого раствора для промывания ран, проверенный на Семёне; соотношение золы и воды для получения щёлочи, нужной для дезинфекции; признаки цинги, сепсиса, лучевой болезни, выуженные из обрывков памяти и таких же обрывков старых учебников, найденных в развалинах библиотеки. На полях — карандашные пометки, выцветшие от времени: «Проверить на Семёне 12.03 — помогло», «Не помогает, искать другое», «Матвей — аллергия на йод?»

Были там и другие страницы. «Что если» На них — схемы дистиллятора из трёх банок и резинового шланга, чертёж ловушки для конденсата на холодной стене, список растений, которые могли быть съедобными, если бы удалось найти их незаражённые семена. Это была карта terra incognita её новой профессии. И самый ценный раздел — «Люди».

Краткие, сухие записи, похожие на истории болезней:

«Петрович. Старая травма спины, ещё с армии. Утром тугая подвижность, кряхтит. Греть песок на сковороде, прикладывать в мешочке?»

«Матвей. После вылазки молчит сутками. Давать больше задач с Иркой? Она его отвлекает».

«Валера. Болят суставы пальцев, артрит усугубляется. Делать ванночки из хвойного отвара? Где взять хвою»

В этом блокноте, пахнущем сыростью и графитом, была заключена вся хрупкая наука их подземного бытия. Она была летописцем, исследователем и главным врачом этой маленькой цивилизации. И «огород» — ящик с бледными рост-

ками под синим светом — был самой смелой главой в этом архиве.

Всё, что можно, — она уже делала. И даже сверх того. Она становилась тем, кого не было и не могло быть в её прошлой жизни.

Хирургом.

Когда Петровича принесли с вылазки — с рваной раной в животе, замотанного грязными тряпками, сквозь которые проступала чёрная кровь, — она поняла: сейчас или никогда. Если она сейчас не станет тем, кого нет, через три часа она будет смывать с него кровь перед тем, как возложить на погребальный костёр. И тогда они все умрут. Потому что он — ось, на которой держится всё.

Страх за него пересилил страх перед самой собой.

Руки тряслись так, что она не могла удержать пинцет. Перед глазами плыли картинки из учебника анатомии, которые она когда-то показывала восьмиклассникам, сама толком не понимая, зачем это нужно. Тогда она взяла ледяной воды из отстойника — Валера ругался потом, что зря переводила, — плеснула себе в лицо и приказала Семёну с Валерой держать Петровича. Голосом, которого они от неё никогда не слышали. Твёрдым, как та сталь, из которой сделаны засовы.

Она кипятила инструменты Валеры — тонкогубцы, маленькие отвёртки, охотничий нож, наточенный до бритвенной остроты. Дезинфицировала их над огнём, пока металл не начинал светиться тусклым алым. И работала.

Без анестезии, кроме самогона, который влили в Петровича, когда он уже начал терять сознание. Вычищала мёртвые ткани, срезала их по миллиметру, то и дело сверяясь с картинкой в памяти. Промывала рану своим самодельным антисептиком — жуткой смесью спирта, перекиси и ещё чего-то, от чего кожа вокруг белела и слезала. Накладывала швы хирургической иглой, которую Матвей нашёл в разграбленной ветклинике, и шёлковой нитью, распущенной из старого парашютного стропа.

Петрович выжил.

Она не знала, как это объяснить. Чудом? Навыком? Просто упрямством, которое передалось от неё к нему через иглу?

Но тот случай с Петровичем был не первым.

Самым первым пациентом стал Семён.

Тогда всё пошло не так с самого начала. Игла была обычная, швейная, которую она прокалила на огне. Нить — из распущенной наволочки, кручёная, неровная. Руки тряслись так, что она едва попала в край раны. Семён, бледный как мел, лежал на столе и смотрел в потолок, стиснув зубы. Ей казалось, что она вот-вот упадёт в обморок.

Она шила. Медленно, неуверенно, останавливаясь после каждого стежка, чтобы промокнуть пот со лба. И вот, сделав последний узел, она с таким облегчением вздохнула, будто сама только что родилась заново. Отрезала нить ножницами и прошептала:

— Всё.

Семён кивнул, приподнялся на локте, чтобы посмотреть на работу и замер.

Из разреза, аккуратно зашитого крестиками, торчал маленький, аккуратный бантик.

Она, в нервном напряжении, не глядя, завязала хирургический узел в виде бантика. Как на подарочной коробке.

В подвале повисла тишина.

Семён смотрел на этот бантик, открыв рот. Потом перевёл взгляд на неё. Она чувствовала, как земля уходит из-под ног. Сейчас он закричит. Сейчас он скажет, что она всё испортила, что она безрукая дура

Семён хрипло фыркнул.

Через три секунды он загрохотал таким смехом, что стены, казалось, заходили ходуном. Он смеялся и не мог остановиться, держась за живот, но тут же морщился от боли и смеялся снова. Слёзы от смеха смешивались с потом на его лице, и он давился, вытирая их свободной рукой.

— Красиво, Павловна! — выдавил он сквозь хохот. — Я теперь, как подарочек! Кому бы меня подарить-то? А? Чтоб с бантиком!

Она готова была провалиться сквозь землю. Сквозь бетон. Сквозь все слои этого проклятого подвала. Щёки горели так, будто их кислотой обожгло. Она бормотала что-то невнятное, пытаясь объяснить, что это случайно, что она не хотела, что сейчас всё переделает

Пришлось срезать нить и перевязывать заново. Семён терпел, но то и дело всхлипывал, вспоминая бантик, и тогда всё его тело сотрясалось от беззвучного смеха, и швы снова расходились.

С тех пор она тренировалась завязывать узлы на верёвке в темноте, пока пальцы не запомнили каждое движение вслепую. А Семён, когда хотел её подразнить — или просто поднять настроение в особенно мрачный вечер, — тыкал пальцем в свой застарелый шрам и спрашивал:

— А бантик-то где? Смазался, что ли?

И Вера Павловна, несмотря на всю свою серьёзность, каждый раз прятала улыбку в уголках губ.

Она вернулась к столу, перевернула страницу блокнота. На чистом листе написала:

«Светодиоды. Если найдут — надо придумать, как крепить. Спросить Валеру про отражатели».

Ирка, сидевшая рядом, тронула её за руку. Показала на таз — вода закипела. Вера Павловна кивнула, отложила карандаш и взялась за щипцы.

Вернувшись мыслями в настоящее, к теплу печки и мерному гулу мужских голосов за столом, Вера Павловна снова ощутила тихую, глубокую уверенность. Она прошла этот путь. И теперь её тихая битва обрела новое направление.

Психотерапевтом.

Она видела, как Матвей замыкается после гибели Жоры — уходит в себя, как улитка в раковину, и не хочет оттуда

вылезать. Как у Семёна отчаяние превращается в ярость, которая плещется через край и обжигает всех вокруг. Как Петрович сжимается в комок ответственности, и этот комок становится всё тяжелее, всё труднее носить. Как Валера прячет беспомощность за вечным ворчанием. Как Ирка замирает у двери, всё ещё ожидая, что войдёт тот, кто уже не войдёт.

Она ничего не говорила. Не учила, не утешала, не читала нотаций. Она просто действовала. Ставила перед ними чашку горячего, пусть и пустого, чая из сушёных листьев, найденных в заброшенных квартирах. Помогала менять повязку на культе Семёна чуть бережнее, чем нужно, — чуть дольше задерживая пальцы, чуть мягче касаясь кожи. Подбадривала Валеру, когда он в сотый раз оживлял механизм, который казался безнадёжно разбитым, — простой фразой: «У тебя получится, ты же Валера», после которой он фыркал, но работал с удвоенным упрямством. Искала и находила для Ирки задания, где та могла быть полезной, а не обузой, — чтобы девочка чувствовала: она нужна. Она — часть целого.

Она лечила не только тела, но и души. Просто интуитивно создавая вокруг каждого минимальный, но прочный кокон заботы. Незаметный. Ненавязчивый. Такой, о котором не говорят вслух, но без которого задыхаются.

И ещё раз — сверху, поверх всего, что могла, делала ещё немного.

Потому что выжить — мало. Надо было сохранить в себе то, ради чего выживают.

Уют был не роскошью. Уют был оружием против тьмы, которая лезла в щели не только снаружи, но и изнутри. Чисто вымытая, пусть и треснувшая, кружка, поставленная на место. Скатерть на столе — выстиранная, выглаженная руками, с заплатками, но скатерть. Аккуратно заштопанный носок, который не натирает, когда идёшь по пеплу. Тщательно разделённая на всех порция, чтобы никто не чувствовал себя обделённым — ни сегодня, ни завтра, ни через месяц. Занавески для тех, кто хотел остаться ночевать в гостиной холодными ночами, — чтобы был свой угол, своя иллюзия интимности.

Это была её тихая, непрекращающаяся битва. Битва за человеческое лицо в мире, который делал всё, чтобы его стереть.

Но в глубине души, там, куда она не пускала даже себя, жил страх. Холодный, липкий, въедливый. Что всё однажды рухнет. Что весь их мир — эти стены, эти люди, эти ростки надежды — рассыплется в прах и будет развеян очередным Штормом, или смыт кислотными дождями, или просто исчезнет, потому что однажды утром она не проснётся. И тогда что?

Она гнала эти мысли. Но они возвращались. Особенно по ночам, когда все спали, а она сидела у печки и слушала, как капает вода в отстойнике.

Переломным для неё, для Семьи стал день, когда Матвей и Петрович притащили мешок электронного хлама.

Обычная добыча — платы, проводка, разъёмы, всё, что Валера мог разобрать на запчасти. Механик, вечно всем недовольный, сидел над этим мешком, как ворон над падалью, выдирая микросхемы и конденсаторы длинными тонкогубцами.

— Шняга полная — бормотал он, отбрасывая очередную плату. — Сопли, а не детали. Вот, глянь, светодиоды, еле тлеют, брак

Он протянул плату Вере Павловне — просто чтобы было кому показать своё недовольство.

И Вера замерла.

На плате, в аккуратной линейке, сидели квадратные, матовые кристаллы. Не обычные белые, желтоватые или красные, которые Валера использовал для индикации, освещения. Синие и красно-оранжевые. Ровные. Чистые.

Она видела такие.

Давно. В прошлой жизни. В школьном кабинете биологии, на столе у молодой, увлечённой учительницы, которая показывала эксперимент с ростом растений под искусственным светом. Тогда Вера протирала стёкла микроскопов и краем уха слушала лекцию про фотосинтез, про спектры поглощения хлорофилла, про то, почему растениям нужен не просто свет, а свет определённой длины волны. Синий — для роста. Красный — для цветения и плодов.

Сердце ёкнуло, забилось часто-часто, как у пойманной птицы.

Глупость. Сейчас засмеют. Скажут — бредишь, Павловна, сиди у своей печки. Но картинка из школьного кабинета встала перед глазами так ясно, будто это было вчера: зелёные, сочные побеги под сиреневым светом, тянущиеся вверх, к лампам. Живые. Настоящие.

— Это для растений, — вырвалось у неё.

Голос прозвучал хрипло и громко, пугая её саму. Мужчины за столом обернулись. Она замолчала, сжалась, ожидая смеха.

Но смеха не было. Только недоумённые взгляды.

— Чтобы росли без солнца, — добавила она тише, но всё ещё достаточно внятно.

Петрович смотрел на неё, как на внезапно заговорившую стену. За несколько секунд она сказала то, что обычно говорила за месяц. Валера прищурился, отложил плату, подался вперёд.

— Каким ещё растениям? — голос его был не насмешливым, а заинтересованным. — Ну-ка, ну-ка, продолжай.

— Тем, которые мы можем вырастить сами, — сказала она уже твёрже. — Здесь. В подвале.

И пошла объяснять.

О фотосинтезе, который помнила смутно, но цеплялась за каждую деталь. О спектрах поглощения — синий и красный, зелёный не нужен, растения его отражают. О том, что в темноте подвала, если создать правильные условия, можно заставить расти витамины, клетчатку, жизнь. Что им нужен

не просто свет, а правильный свет. И влажность. И тепло. И грунт, который можно сделать из того, что есть.

Она говорила и видела, как меняются лица.

Петрович слушал, потирая щетину на подбородке. Идея казалась безумием. Чистой воды фантастикой. Но в глазах Веры Павловны горела та самая, редкая искра — не покорности, не привычной усталости, а знания. Уверенности.

И Валера — технарь до мозга костей, для которого не существовало ничего, кроме формул и сопротивлений, — вдруг замер. В его голове уже не было абстрактной идеи. Там рождался чертёж: блок питания, проводка, теплоотвод, крепления

— Тепло есть, — хрипло сказал он, и в голосе его прорезалось то самое возбуждение, с которым он брался за новый механизм. — От печки. Можно отвести. Через стенку. Сделаем там, в соседней каморке, где труба идёт. Будет как парник.

Петрович перевёл взгляд с жены на механика, с механика — снова на жену.

— Ты серьёзно? — спросил он тихо.

Вера Павловна молча кивнула.

Так началось.

Задуманное требовало ресурсов, рук и времени. Провели общее собрание — редкое событие в их подземной жизни, когда все собирались вместе и говорили не о том, как выжить сегодня, а о том, что будет завтра.

Петрович, как глава Семьи, выслушал всех. Семён хмурился, но не возражал — он верил Вере Павловне больше, чем себе. Матвей молчал, но в его глазах зажглось что-то похожее на интерес. Ирка сидела рядом с Верой и, не понимая слов, чувствовала напряжение и важность момента.

Решение приняли единогласно.

Как инициатор и тот, кто понимает, что такое спектр и фотосинтез, Вера Павловна получила командование над проектом. Ей выделили ресурсы: аккумулятор, провода, инструменты, угол в котельной. В качестве рабочих рук под её руководство назначили Валеру — главного скептика и главного же гения — и Ирку, которая должна была стать её тенью, руками и глазами.

Работа закипела.

Их «лабораторией» стала бывшая котельная за кирпичной стенкой — маленькое помещение, где когда-то стоял котёл. Теперь там было пусто, только пахло старым мазутом и ржавчиной. Валера пробил в стене два аккуратных отверстия: одно — для медной трубки, по которой должна была циркулировать горячая вода от буржуйки; другое — для проводов. Он же, скрепя сердце, отдал под это дело один из драгоценных автомобильных аккумуляторов — последний ресурс, который берегли на самый чёрный день.

— Если это не сработает, — бурчал он, подключая провода, — я вам этот аккумулятор из ушей обратно вытащу.

Вера Павловна и Ирка превратились в землекопов. Они

таскали из дальних комнат подвала гальку — чистую, речную, оставшуюся от давно забытого ремонта, который никто уже и не помнил. Промывали её скупой питьевой водой — каждая капля была на счету, но Вера настояла: грунт должен быть чистым. Укладывали на дно пластиковых ящиков, выровненных по уровню. Это был дренаж. Основа.

Потом был грунт. Не земля с улицы — она была отравлена пеплом, кислотными дождями и радиацией. Вера нашла выход: труха из старых мешков с гипсом, оставшихся от стройки, смешанная с пеплом от сожжённой древесины и толчёными органическими отходами, которые она копила годами. На чёрный день. Примитивный субстрат. Но стерильный. И в нём, теоретически, могли расти семена.

Валера, под её тихим, но настойчивым руководством, собрал светильник. Их «солнце». Бракованные светодиоды, которые он считал хламом, замигали, а потом загорелись ровным, холодноватым светом, от которого глаза быстро уставали, но который был идеален для зелени. Синий и красный спектр. То, что надо.

Именно в эти дни случился первый конфликт на её новом «фронте».

Валера, назначенный ей в помощники, оказался ужасным подчинённым. Он был гениальным механиком, но совершенно нетерпимым к любым отклонениям от его понимания процесса. Каждая её просьба встречалась в штыки.

— Вера Павловна, это же элементарная физика! — вор-

чал он, когда она просила перенести светильник на пять сантиметров левее. — Свет падает под углом, интенсивность обратно пропорциональна квадрату расстояния! Какие ещё «интуитивно кажется»?

— А мне кажется, тут тень от трубы, — тихо, но упрямо настаивала Вера, показывая пальцем на едва различимое пятно на субстрате.

— Тень?! — Валера аж поперхнулся. — Это у вас в голове тень! Здесь, извините, лампа, если ей в морду не дышать, — она ничего не затеняет! Мы считаем в люксах!

Они могли спорить десять минут о том, под каким углом должна стекать конденсационная вода с импровизированного стекла-крышки. Валера чертил на стене формулы испарения, доказывая, что вода будет стекать строго по центру, а Вера молча ставила поддон в то место, куда капало на самом деле, — и вода, естественно, капала именно туда.

Валера застывал с открытым ртом, глядя на эту победу практики над теорией, и бормотал что-то про «несферические конденсаты в вакууме».

Пиком их «противостояния» стал эпизод с термометром.

Валера соорудил хитроумный дистанционный датчик из разобранного мультиметра и длинной проволоки. Он показывал на самодельном циферблате «идеальные 22,3 градуса». Валера светился от гордости.

Вера, зайдя в «лабораторию», постояла минуту, прислушиваясь к своим ощущениям, потом ткнула пальцем в грунт

и заявила:

— Холодно. На ощупь градусов восемнадцать.

Валера, услышав это, издал звук, похожий на предсмертный хрип старого мотора.

— На ощупь?! — голос его сорвался на фальцет. — У вас, извините, пальчик откалиброван? Может, эталонный килограмм в подвале для сравнения держите? Может, мне лабораторию метрологии открыть, чтобы ваш палец проверить?!

Он метался по тесной каморке, размахивая руками.

— Я же не для себя стараюсь! Если эта штуковина загнётся из-за неправильного режима, мы всё просрём! Всё! Простите, Вера Павловна, но тут наука, а не пальчики!

В этот момент в дверь просунулась голова Петровича. Он стоял там уже минуту, наблюдая за сценой, и молча жевал какую-то твёрдую корку, которую Вера выдала ему на перекус.

— Докладываю! — Валера узрел в нём спасителя и высшую инстанцию. — Командир огорода измеряет температуру пальцем! Прошу сменить научного руководителя! Я не могу работать в таких условиях!

Петрович медленно перевёл взгляд с возмущённого механика на спокойную Веру, потом на импровизированный термометр, гордо показывающий свою «правду». Пожевал корку, плюнул крошку в угол, вздохнул и вынес вердикт:

— Валерий. Ты — голова. Она — рука. Руке может быть некомфортно, даже если голове всё ясно.

Валера застыл, открыв рот.

— Делай как она говорит, — закончил Петрович. — А то вырастет у нас морковка по твоим формулам, а есть её будет некому — все пальцы отморозим.

Он вытащил голову обратно и ушёл, оставив Валеру в состоянии полного когнитивного диссонанса. Тот стоял, будто ему объявили, что законы термодинамики отменяются приказом по подвалу.

Вера Павловна, не говоря ни слова, поставила свой поддон в «неправильное» место и кивнула Ирке, чтобы та подавала гравий. В её молчании читалось скромное, но несгибаемое торжество практики над теорией.

Валера фыркнул, постоял ещё минуту, глядя в потолок, потом молча подошёл и передвинул светильник. А через час, когда Вера вышла проведать печку, он незаметно подсунул под лоток с «холодным» грунтом дополнительную пластину жести. «Для теплоотражения, чтоб его», — буркнул он себе под нос, но так, чтобы никто не слышал.

Так, в ворчании и спорах, рождался их общий проект. И Вера поняла вдруг одну простую вещь: этот ворчливый, упрямый старик — её самый ценный союзник. Потому что он спорил не из вредности. Он спорил, потому что ему тоже было не всё равно. Потому что их огород перестал быть её личным безумием. Он стал их безумием. А это, в их мире, значило всё.

Глава 12

Дни подготовки подземного огорода слились в однообразный труд: таскание гальки, пайка проводки, бесконечные споры с Валерой о физике процессов, мытьё рук и снаряжения, чтобы не занести заразу в ещё пустые ящики. Но в этой рутине была странная, почти забытая надежда. Они строили не просто убежище. Они строили будущее.

И вот, когда каркас «лаборатории» был готов, стена начала отдавать ровное, ласковое тепло, а светодиоды заливали ящики сиреневым светом, наступил день, которого все боялись и ждали одновременно.

День «Х».

Петрович, вернувшись с вылазки, молча, при всех, положил на стол несколько смятых, пожелтевших пакетиков. Бумага истлела по краям, краски выцвели, но надписи ещё можно было разобрать.

«Укроп».

«Петрушка».

«Листовой салат».

Семена.

Они лежали на столе, как бриллианты. Как обещание жизни в мире, где жизнь давно стала роскошью. Вера Павловна взяла их дрожащими руками. Пальцы, привыкшие к кипятку и щипцам, не сразу разжались.

Технология была ритуалом.

Она замочила семена в тёплой воде с щепоткой золы — чтобы разбудить, чтобы они поняли: здесь не враждебная среда, здесь можно прорастать. Держала в темноте, у самой тёплой стенки, завернув во влажную тряпицу. Каждые несколько часов проверяла, боясь даже дышать на них. Ирка, положив ладонь на свёрток, серьёзно кивала: «Тепло». Для неё это было игрой, но для Веры — самым важным экзаменом в жизни.

Потом — посадка.

Влажный грунт, разровненный, утрамбованный, готовый принять семя. Пинцетом, сделанным из тонкой проволоки, Вера раскладывала зёрнышки по поверхности. Каждое — с пожеланием жизни. Каждое — с обращением ко всем богам, которых она вспомнила. Ирка, затаив дыхание, аккуратно присыпала их сверху тончайшим слоем песка — ровно настолько, чтобы укрыть, но не задавить. Накрыли тёмной плёнкой. И отнесли в «огород».

Дверь в «огород» не скрипела. Петрович смазал петли сажей и дёгтем собственного изготовления — тишина была здесь первым и главным законом. Дверь была тяжёлой, из куска металлической панели, и когда Вера Павловна нажимала на скрытую за стулом защёлку, та отходила беззвучно, впуская её в другое пространство.

Воздух ударял в лицо первым.

Не спёртый, затхлый запах подвала с нотами плесени, по-

та и дыма. Здесь пахло иначе — свежей, почти лесной сыростью. Пахло влажным керамзитом, нагретым деревом и чем-то неуловимо зелёным, тем, что не имело названия в новом мире. И теплом. Не сухим жаром от буржуйки, а ровным, живым, рассеянным теплом, исходящим от самой стены.

Эту стену Валера называл «тёплой рубашкой».

От буржуйки в общей комнате он провёл извилистый, тщательно изолированный тугой змеевик из старых труб сквозь кирпичную кладку. Стена теперь была не бетонным надгробием, а живым, дышащим организмом. Тепло просачивалось сквозь неё медленно, не обжигая, а согревая — как ладонь матери, приложенная ко лбу больного ребёнка. На ощупь шершавая поверхность всегда была чуть теплее кожи.

Это был гений Валеры — взять убийственный холод внешнего мира и ярость огня в буржуйке и превратить их в ладонь, согревающую жизнь.

И — они ждали.

Дни тянулись мучительно. Валера хмуро проверял напряжение на аккумуляторе, сверялся с самодельным вольтметром, ворчал, что ресурс тает. Петрович избегал заглядывать в «лабораторию» — отворачивался, когда проходил мимо, будто боялся сглазить. Даже Семён, обычно циничный и ко всему равнодушный, пару раз спросил: «Ну как там, не проклюнулось?»

Казалось, ничего не происходит. Земля оставалась землёй. Плёнка — плёнкой. Безумная затея. Пустая трата ре-

сурсов.

А потом Вера, снимая плёнку для ежедневного проветривания, замерла.

Ирка, сидевшая рядом на корточках, почувствовала её напряжение мгновенно. Девочка прильнула к ящику, вглядываясь в серую поверхность, пытаясь понять, что случилось.

Их было два.

Два хрупких, бледных, почти прозрачных ростка, проклюнувшихся сквозь субстрат. Тонкие, как паутинки, с едва заметными семядольными листочками, сложенными, как молитвенно сложенные ладони. Они были невероятно, почти смехотворно малы. Но они упрямо тянулись вверх, к синему свету диодов.

К жизни.

Она не заплакала. Слёз не осталось. Она просто опустилась на колени, сложив ладони на груди, как перед иконой. Два бледных, почти прозрачных ростка. Не еда. Не лекарство. Доказательство. Доказательство того, что их подвал — не склеп. Что это — утроба. И она может рождать жизнь. Ирка прижалась к её плечу, и Вера почувствовала, как по её тонкой руке бегут мурашки — от восторга, который нельзя выразить криком.

Это были не просто ростки. Это было доказательство. Доказательство того, что даже здесь, под землёй, под пеплом, можно не только выживать, отнимая, но и создавать. Можно заставить жизнь прорасти сквозь смерть.

Вера Павловна, движением, осторожным до святотатства, протянула руку. Не для того, чтобы потрогать — они были слишком хрупки для прикосновения. Она поднесла ладонь над ними, на расстоянии сантиметра, почувствовав исходящее от них слабое, живое тепло. Собственное тепло жизни, отличное от тепла печки или стены.

Ирка, прижавшись к её плечу, сделала то же самое. Их две ладони — одна грубая, в трещинах и шрамах, другая — тонкая, детская — на миг образовали живой купол над двумя побегами. Молчаливое благословение. Обещание защиты.

В этом жесте не было магии. Была физика. Тепло их тел, смешиваясь с теплом ростков, создавало микроклимат. Завет. Мы здесь. Мы с вами. Растите.

Плёнку убрали, включили светодиоды и обычные лампы.

Пространство было низким, тесным, похожим на длинную нишу. Его освещал призрачный, лилово-розовый свет. Он исходил от двух самодельных панелей, подвешенных на проволоке к балке. Фитолампы. Их корпуса были жестяными коробками, внутри — хитросплетение плат, транзисторов, микросхем и тех самых, выцарапанных из старой аппаратуры светодиодов. Они горели неярко, с лёгким, едва слышным жужжанием трансформатора, который Валера спрятал в соседней комнате. Этот свет не освещал — он питал. Изливал фотоны синего и красного спектра, так нужные для фотосинтеза. Он был похож на свет из сновидения или на свет из-под толщи тёмной воды.

Петрович, заглянув вечером, долго стоял в дверях. Он смотрел на неё — на эту тихую, незаметную женщину, которая всё это время была рядом, — и в его глазах появилось то, чего не было давно: уважение.

— Молодец, — сказал он коротко.

И этого было достаточно.

А на следующий день произошло незаметное чудо. Валера, вечно бурчавший о «ботаниках-дилетантах», принёс и молча положил рядом с лотком аккуратно спаянную конструкцию из фольги и проволоки — самодельный отражатель. «Чтобы свет, чтоб его, попусту не болтался, — пробурчал он, избегая её взгляда. — Рассеивается он зря», — пробормотал он и тут же сбежал к своим трансформаторам.

Семён, дежуря у двери, начал оставлять для Веры Павловны на табуретке первым делом отфильтрованную воду — не техническую, а ту, что шла на питьё. Без слов. Просто ставил кружку.

— Для огорода. Чистая. Из моей доли.

А Матвей однажды вернулся с вылазки и, разгружая рюкзак, вытащил завёрнутый в тряпицу целлофановый мешочек с землёй.

— В подвале магазина стояла кадка с засохшим кактусом. Земля не фонит. Если пригодится — можно ещё натаскать.

Это было признание. Её «огород» перестал быть её личным безумием. Он стал общим проектом. Ещё одной стеной их крепости, которую теперь охраняли все.

Со временем «огород» преобразился.

За стенкой гостиной, под неземным сиянием лежал их мир. Не грядки — это было бы слишком громко. Лотки. Неглубокие, сколоченные из обрезков ламината и выложенные изнутри плотным полиэтиленом. В них не было земли. Вместо неё — слой промытой гальки, принесённой мешками из технического подполья соседнего дома. Поверх — влажный, как губа, коврик из минеральной ваты, а на нём, будто драгоценные камни на бархате, лежали семена, проклюнувшиеся ростки, пучки тончайших, бледно-зелёных нитей.

Лук. Укроп. Петрушка.

И тут возник неожиданный конфликт. Петрович обожал укроп. Он сыпал его везде, где можно, куда рука дотянется и говорил, что это «вкус жизни». Валера же терпеть не мог его запах и утверждал, что от него «пахнет, как в столовой совхоза «Рассвет», где он однажды чинил насос, и по глупости женился».

Дело дошло до того, что Петрович, проверив огород, обнаружил на своей заветной грядке укропа аккуратно подстриженные «ёжики». Кто-то общипал почти все ароматные листочки, оставив голые стебельки.

— Это вредительство! — бушевал он. — Крыса в огороде! Настоящая!

Все делали вид, что не понимают. Но Вера Павловна заметила, что Ирка в последние дни с особенным усердием мыла руки, а из кармана её платья периодически выпадали мелкие

зелёные веточки.

Девочка, не способная пожаловаться на запах, объявила тихую войну укропу самым действенным способом — уничтожала его на корню, чтобы не достался Петровичу.

Вере пришлось вести сложные дипломатические переговоры. Она выделила Петровичу «персональную» баночку с укропом на высокой полке, куда Ирка не могла дотянуться, а Валере поставила баночку с петрушкой, которую тот ненавидел чуть меньше, в дальний угол, «для ароматерапии». Конфликт был исчерпан. А Вера в свой блокнот сделала пометку: «Укроп — стратегический ресурс. Вызывает межличностные трения. Контролировать распределение».

Разрешая эти мелкие споры, Вера ловила себя на мысли, что стала не просто садоводом, а хранителем хрупкого мира внутри мира. С Ириной пришлось провести отдельные беседы в кладовой, объяснить ей ценность зелени. По окончании беседы, кроме всего прочего, Вера обещала обучить девочку магии «садоводства».

Иринка двигалась между лотками беззвучно, как тень. Её мир был здесь идеален — царила полная, блаженная тишина, нарушаемая лишь редким, мерным стуком капли конденсата, падающей в подставленную банку. Она не слышала жужжания ламп, но чувствовала их низкую вибрацию кожей лица. Она проверяла влажность, прикладывая ладонь к коврику, и её тонкие пальцы, казалось, слышали жажду каждого ростка лучше любого прибора. Она поливала не из лейки, а

из пластиковой бутылки с продырявленной крышкой, осторожно, по капле, создавая мелкую, нежную росу. Это был её танец. Её заботой, вкладом в общее дело.

Вера Павловна подошла к дальнему лотку.

Здесь, в лиловом полумраке, под тихий плеск капель, стекающих по стенкам самодельного увлажнителя, и ровное, живое дыхание тёплой стены, время текло иначе. Медленнее. Мягче. Здесь она была не выживальщицей, не лаборанткой, не главным врачом подвала. Здесь она была садовником в царстве мёртвых.

Из минеральной ваты, уложенной ровными рядами, тянулись к синему свету диодов чахлые, но упрямые росточки зелени. Тонкие, почти прозрачные стебли, крошечные листья, в которых ещё не накопилось достаточно хлорофилла, чтобы стать по-настоящему зелёными. Они были бледными, как призраки, но они росли. Каждый день — на миллиметр. Каждый день — вопреки всему.

Она не прикасалась к ним. Только смотрела, сложив на груди руки, в которые навсегда въелся запах дезинфекции — хлорка, спирт, йод, металл. Этот запах стал частью её, второй кожей, которую не смыть. Но здесь, глядя на ростки, она чувствовала, как он отступает, растворяется в сыром, тёплом воздухе их маленького огорода.

Её фронт не приносил патронов или консервов. Он не защищал дверь от «диких» и не чинил ветряк, когда тот заклинивало пеплом. Он выращивал нечто более хрупкое и более

важное, чем еда.

Нормальность.

Витамин. Клетчатку. Вкус, отличный от металла и тлена, который въедался в каждый кусок консервов, в каждую крупинку перловки. Зелёный цвет, который не был цветом яда или плесени, не был цветом «веселухи», прорастающей сквозь бетон и плоть. Настоящий зелёный — цвет жизни, какой она была когда-то.

Иногда, когда ей разрешали пройти в «серую» — не часто, только по особым случаям, — Вера подходила к смотровой щели. Семён, ворча, отодвигался, давая ей место. Она приникала к холодному стеклу перископа и смотрела на ночной город.

Там, в темноте, далеко у подножия мёртвых высоток, виднелось слабое мерцание. Пятна странного мха светились призрачным, зеленовато-голубым светом — то ли гнилостным, то ли электрическим, то ли вообще не принадлежащим этому миру. «Веселуха» росла. Захватывала новые территории, карабкалась по стенам, прорастала сквозь трещины в асфальте.

Две формы жизни.

Их хрупкая, бледная зелень под искусственным солнцем, требующая тепла, света, заботы, чистой воды — и та буйная, ядовитая поросль снаружи, которой Шторм был не помехой, а, возможно, союзником, которая питалась радиацией и кислотой, впитывала смерть и превращала её в своё буй-

ное, неудержимое цветение.

Вера Павловна смотрела на это мерцание и думала о том, что написано в её блокноте. В самом конце, на странице, которую она никому не показывала. Странице под названием «Гипотезы».

Там, под заголовком «Шторм», стояли отрывочные записи, собранные по крупицам из обрывков радиоперехватов, рассказов Матвея, обмолвок Семёна. «Северный промышленный пояс» — карандашом, с вопросительным знаком. «Тектонический сдвиг» — зачёркнуто, рядом приписка: «слишком масштабно». «Очистка атмосферы» — и это слово она обвела жирной линией.

Последняя мысль казалась самой чудовищной.

А что, если Шторм — это не болезнь планеты? Что, если это её иммунный ответ? Лихорадка, жар, который должен сжечь заразу, очистить организм от инфекции. А они, люди в своих норах, в подвалах и бункерах, — они и есть та самая застоявшаяся инфекция, которую планета пытается выжечь, вытравить, выплюнуть из себя?

Можно ли это остановить?

Вопрос казался богохульным. Как остановить дыхание земли? Как остановить зиму, заставить солнце светить ярче, приказать ветру не дуть? Можно только пережить. Снова и снова. Прятаться в щелях, затыкать дыры, молиться, чтобы на этот раз пронесло. Пока хватит сил. Пока хватит фильтров. Пока хватит надежды.

Ей было физически больно смотреть на новую поросль цветного мха за стенами. Природа не умерла. Она переродилась. В нечто глубоко враждебное, чужое, для чего человек — не венец творения, а досадная помеха, сорняк, который нужно выполоть.

В глубине души Вера мечтала найти чистые споры. Обычных вешенок, шампиньонов, тех грибов, которые можно выращивать в темноте, на соломе и опилках. Ей снилось, как они заполняют дальние углы подвала, как пахнет грибным супом, как можно насушить, засолить, закатать в банки на зиму.

Но она знала — это невозможно.

Всё, что теперь росло наверху, было пропитано изотопами. Каждая травинка, каждый кусочек мха, каждый гриб впитывал радиацию, как губка. Те, кто захватывали город, были не едой. Они были могильщиками человеческой цивилизации. Они прорастали сквозь пластик, бетон и плоть, превращая старый мир в питательную среду для чего-то нового. Для мира, в котором людям не было места.

И была ещё одна гипотеза. Самая простая. И самая страшная.

Кислород.

Если вся зелень планеты смыта кислотными дождями, сожжена Штормами, отравлена пеплом — откуда он берётся? Почему они до сих пор дышат? Прошло пять лет. По всем расчётам, кислород должен был закончиться. Или стать та-

ким разреженным, что дышать стало бы невозможно.

Но они дышат.

Почему?

И самый обнадёживающий вопрос, который она боялась задавать вслух:

Может быть, есть места, где Шторма нет? Где-то за горизонтом, за северными ветрами, за полосой «чёрной» зоны. Оазисы чистой земли, где уцелели леса, где идёт обычный дождь, где светит солнце. Может быть, оттуда и приходит кислород? Может быть, ветер, который несёт смерть, приносит и жизнь — просто они не умеют её разглядеть?

Вопросы. Одни вопросы.

Вера Павловна вздохнула, мысленно оторвала взгляд от перископа и вернулась в лиловый полумрак своего огорода. Ростки тянулись к свету. Жили. Росли.

Она протянула руку и наконец коснулась кончиками пальцев самого крепкого стебелька. Тот был тёплым и упругим.

— Живи, — прошептала она. — Ты нам нужен.

Где-то за стеной завыл ветер. Начинался новый Шторм? Может быть. Но здесь, в этом маленьком царстве, было тепло, сыро и спокойно. И зелень росла.

Пока росла.

Она вздохнула, и в этом вздохе не было усталости от безнадёги, а лишь сосредоточенная внимательность. Завтра нужно будет проверить кислотность воды для полива. Попросить Петровича раздобыть ещё банок. Обсудить с Вале-

рой, нельзя ли сместить одну из ламп влево. Поставить отражающие поверхности и за счёт этого попробовать увеличить площадь посева.

Здесь не было места отчаянию. Здесь, под землёй, в тепле от чужого огня и при свете отнятых у смерти светодиодов, они вели свою тихую, упрямую войну. И каждый новый бледный росток был на ней беззвучным салютом. Победой, которую не видел никто, кроме них. Но которой хватало, чтобы завтра снова встать и жить.

И когда она стояла в лиловом свете своего огорода, слушая, как за стеной Валера в очередной раз клянёт сгоревший трансформатор, она понимала — её фронт самый широкий. Он простирался от стерильной повязки на ране до хрупкого ростка петрушки. От мозга, думающего как растянуть еду, до рук, научившихся держать скальпель и семя с одинаковой, священной осторожностью.

Она была школьной лаборанткой. А стала сердцем маленького, подземного мира. И это сердце чувствовало, что их жизнь держится на бесконечно тонкой нити знаний, смешанных с кровью, упрямстве, граничащем с безумием, и тихой, необъяснимой вере в то, что если бережно растить жизнь — даже в аду — то ад когда-нибудь отступит. Хотя бы на сантиметр. Хотя бы на время роста одного-единственного ростка, согретого их теплом.

Но и ей самой требовалось тепло.

Петрович не стал холодным — он просто стал ответствен-

ным за всех. Она это понимала. Глубиной, годами, каждой морщиной на его лице понимала. Но теплее от этого понимания не становилось. Его любовь теперь измерялась не словами и не прикосновениями, а запасом фильтров, целостностью стен и тем, что он каждый раз возвращался с вылазок. Этого было достаточно для выживания. Но для жизни — мало.

Тепло приходило от Иринки.

Смотря на неё, Вера Павловна понимала то, что не требовало слов, оправданий, объяснений. Она просто любила. Эту девочку с большими серыми глазами, живущую в мире абсолютной тишины. Любила той любовью, которую двадцать лет копила внутри, не находя выхода.

У них с Петровичем никогда не было своих детей. Сначала — работа, кредит, вечная гонка за лучшей жизнью. Потом — будто бы ещё рано, успеется. А потом Потом не стало «потом». Мир оборвался, и это тихое, затаённое «может быть» навсегда замерло под слоем пепла, вместе со всем остальным.

Иринка пришла к ним не ребёнком — тенью. Замкнутая, испуганная, живущая в колоколе собственной безмолвной вселенной. Её не надо было удочерять по бумагам — бумаг больше не существовало. Её надо было расшевелить. Вернуть из тишины. Показать, что в этом новом, чудовищном мире может быть не только страх, но и точка покоя. И тепло.

Она стала своей не по крови, а по тихому сговору душ.

Петрович, этот угрюмый бурый медведь, начал приносить ей «нефонящие» безделушки: сломанную куклу, пакетик блёсток, книгу с картинками. Делал это грубовато, почти сердито, будто стесняясь своей нежности. А Вера Вера просто впустила девочку в свой ритм. Учила всему, что умела сама: перебирать крупу, разжигать печку, угадывать по листьям, чего не хватает растениям.

И когда Валера за ужином сказал о сгоревшем диоде и Петрович взорвался, её первым порывом было не успокоить мужа. Её взгляд автоматически нашёл Иринку.

Девочка не слышала крика, но почувствовала вибрацию тревоги — она всегда чувствовала. Подняла голову, и в её глазах мелькнул вопрос, готовый перерасти в страх. И в этот миг Вера Павловна выпрямила спину. Лицо её стало спокойным, почти обыденным. Она мягко махнула рукой: «Всё в порядке. Ничего страшного. Мужики — они всегда так. Разберутся».

Она соврала.

Но соврала ради. Ради того, чтобы в этом подземном мире, у этого лилового света, хотя бы одно существо могло ещё немного не знать, насколько всё на самом деле хрупко. Насколько всё опасно.

А опасность была не только здесь, внутри, в виде сгоревшей детали. Она была снаружи. Огромная, неумолимая, сезонная, как приливы. Шторм. Он всегда возвращался. Сначала — шёпот ветра в вентиляционных шахтах, тонкий,

шепчущий. Потом — завывание, вырывающее с корнями остатки жизни на поверхности. И наконец — пепел, несущий тихое, невидимое гниение внутрь, сквозь любые фильтры.

Будет ли так всегда?

В её старом школьном учебнике по природоведению были главы про муссоны и циклоны. У тех явлений были причины: разница температур, давление, вращение Земли. У Шторма тоже должна быть причина. Что-то, что запускает этот чудовищный механизм где-то там, на севере, откуда он всегда рвётся. Неужели это навсегда? Неужели нельзя ничего сделать, кроме как прятаться и ждать, пока он не перепашет и их последнее убежище?

Она не знала ответов.

И ей приходилось лгать. Это был её главный обман. И её главная обязанность. Давать другим уверенность, что всё будет хорошо. Потому что если она покажет, что сама не верит — рухнет всё.

Иринка была её самой большой слабостью и самой главной силой одновременно.

В этой девочке, не слышавшей криков мира, Вера видела не обузу, а смысл. Жизнь, которую нужно не просто сохранить, а вырастить вопреки. Вырастить такой, чтобы она помнила не только страх и пепел, но и запах зелени, тепло печки, тяжесть доброй книги в руках. Чтобы у неё было будущее — настоящее, а не бесконечное выживание из дня в день.

Ради этого стоило врать. Ради этого стоило становиться

хирургом, агрономом и актрисой в одном лице. Пока Иринка смотрела на неё с доверием — отступать было нельзя.

Над их головами, в лиловом свете огорода, уже висел невидимый, но отчётливый вопрос, от которого стыла кровь: А что, если не разберутся? Что, если этот свет — последний?

Но она снова поймала глаза Иринки. И снова мягко улыбнулась.

Обман был её долгом. А надежда — её личным, тихим грехом.

Она прижала к себе тёплый комочек, в котором билось сердце — маленькое, живое, её. Не по крови, а по тысяче немых утренних ритуалов, по общим ночным страхам, по языку прикосновений, заменившему слова.

Петрович был главой Семьи, её стальной осью. Но Иринка была её душой. Той самой хрупкой, драгоценной частью, ради сохранения которой и стоило становиться и хирургом, и садоводом, и лгуньей. Пока эта душа дышала у неё на плече — её фронт, тихий и неприметный, был главным фронтом этой войны. Фронтом за право остаться людьми, а не просто выживающими тварями.

Эту мысль она держала при себе днём, как талисман. Но ночью, в редкие минуты, когда все спали, а Иринка лежала, уткнувшись носом в её бок, Вера ловила себя на кощунственном сомнении:

А что, если я ошибаюсь? Не в поливе и не в повязке. А в главном? Что, если всё это — огород, чистая вода, забота —

лишь продлевает агонию? Что, если мы просто выращиваем зелень для того, чтобы чуть позже и чуть сытнее умереть?

И тогда в памяти всплывал звук.

Тот самый, первый, из «до». За год до того, как остановились все часы, по телевизору показывали сюжет про ураган где-то за океаном. Она готовила ужин, краем уха слушала взволнованный голос диктора. Подумала: «Какая жалость, бедные люди». И вернулась к своему супу.

А потом этот ураган пришёл к ним. И остался. Навсегда.

С тех пор каждый новый Шторм начинался для неё одинаково. Сначала — с первыми хлёсткими порывами ветра в памяти всплывал тот голос из телевизора. Потом — осознание, что звук беды уже не там, за экраном. Он здесь. За стеной. Шторм пришёл за ними.

Он был порогом, за которым закончился старый мир. Не взрывы, не паника, не радиация — именно он. Может быть, его и нельзя остановить. Может быть, нужно не останавливать, а научиться жить в его ритме, как живут в ритме приливов? Но приливы не несут с собой смертельную пыль, не травят воду, не заставляют лёгкие гнить заживо.

Тогда она вставала и подходила к лоткам. Включала светодиоды — не на полную мощность, экономя заряд. И смотрела.

На эти два ростка, которые стали тридцатью. На упрямую зелень лука, пробивающуюся сквозь вату. На тонкие стебли укропа, дрожащие от сквозняка, но живые.

Она не молилась. Она проводила эксперимент.

Гипотеза: жизнь сильнее.

Условия: полная изоляция, минимум ресурсов, враждебная среда.

Результат: пока что — положительный.

Каждый новый листок был записью в журнале, опровергающей чёрную гипотезу отчаяния.

Нет, — тихо говорила она себе, глядя на лиловый свет. — Не ошибаюсь. Пока растёт — не ошибаюсь.

И это было не верой. Это было выводом, основанным на наблюдаемых данных. Самым честным, на что она была способна.

Дверь открылась.

На пороге стояла сонная Иринка. В лиловом свете огорода её лицо было серьёзным, почти взрослым. Она приложила ладонь к груди Веры, потом к своей — жест, означавший «мы с тобой одно». А затем провела пальцем по влажному краю ближайшего лотка, где пробивалась петрушка. Потом сложила ладони рупором и поднесла их ко рту, словно храня внутри невысказанное слово. И выпустила в пространство тихий, едва слышный выдох.

Это не был звук. Это была вибрация. Намерение. Песня, которую слышат только стены, вода в банках и корни растений. Песня о тепле, свете и зелёных вещах, которые упрямо растут в темноте.

Вера Павловна обняла её крепче, прижавшись щекой к

детским волосам, пахнущим дымом и сухой травой.

Её фронт был немым. Но он не был беззвучным.

Он звучал каплей воды, падающей в отстойник. Шуршанием песка, которым Иринка присыпала семена. Тихим гулом светодиодов, работающих на последнем аккумуляторе. И этим безмолвным выдохом девочки, которая училась петь на языке жизни.

Этот хор, собранный из ничего, был громче любого Шторма. Потому что он говорил не о выживании. Он говорил о будущем. О доме. О жизни, которая продолжается, даже когда весь мир вокруг твердит, что это невозможно.

И Вера Павловна, хранительница этого хора, знала точно:

Пока он звучит — они непобедимы.

Глава 13

Матвей сидел у печки, глядя на пляшущее пламя. Огонь жил своей жизнью — вздыхал, потрескивал, бросал тени на стены. И в этом танце было что-то древнее, успокаивающее.

Щепки трещали, вспыхивали, растворялись в пламени, даруя напоследок то, что было накоплено, впитано из земли и солнца. Того солнца, ещё не скрытого вечным серым небом. Той земли, что ещё не познала хаоса многомесячных штормов новой эпохи.

«Как мало нужно человеку для счастья, — подумал он. — Тепло. Свет. Еда. Всё это есть, пока горит огонь. А огонь горит, пока есть дрова».

Перед глазами снова всплыла картинка — пещера, костёр, женщина у очага, дети, жмущиеся к теплу. Доисторический охотник, вернувшийся с добычей. Тысячи лет прошли, сменились эпохи, рухнули империи, цивилизации, а ничего не изменилось. Огонь — это жизнь. И точка.

— Витя, — раздался из коридора голос Веры Павловны.

Она вошла в гостиную, отряхивая руки от трухи. Лицо её было озабоченным.

— Надо дровами заняться. Запасы в подсобке почти на исходе.

Петрович отложил карту, посмотрел на жену.

— А что срочно? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Не то чтобы срочно, — Вера Павловна присела на краешек табурета. — Но пока есть запасы еды, можно и нужно дровами заняться. Потом будет некогда — вылазки, поиски, Штормы. А дрова всегда нужны. На них готовим, кипятим, дезинфицируем, стираем, моемся. Огород, — она кивнула в сторону теплоотвода, — тоже теплом от печки живёт. Да и Валера вечно что-то вываривает, плавит для своих железок. Аккумуляторную свою подогревает во время Шторма.

Вера говорила дело. Всегда говорила дело.

Петрович вздохнул, поднялся, разминая затёкшие плечи.

— Ладно. Схожу с молодым.

Матвей оторвался от созерцания огня, подсел к столу, вглядываясь в карту.

— Куда пойдём? Где дрова брать будем?

Вера Павловна подошла ближе.

— Если будет выбор, берите дерево натуральное. ДСП прессованное не надо — от него только чад, химия опасная.

— Знаю, — Петрович водил пальцем по карте. — Три года тут живём, не первый раз за дровами ходим.

Он остановился, поднял взгляд на Матвея.

— Помнишь детский сад, куда мы перед Штормом набрели?

Матвей помнил. Когда он тогда заглянул в выбитое окно, сердце на миг сжалось. Десятка два детских разноцветных кроваток стояли в полумраке — перевёрнутые, разбросанные, но странно целые. Как будто их сделали вчера, а не пять

лет назад.

— Помню, — кивнул он. — Тот, с деревянной мебелью?

— Он самый. Там стулья, столы — всё из нормального дерева, не из этой прессованной химии, которая дымоход забивает. И полы там, кажется, дощатые были. Не имитация, а настоящие половые доски.

— Да, припоминаю, — кивнул Матвей. — И крыша там вроде целая, стены толстые. Должно быть, всё сохранилось, если кто другой не забрал.

— Вот туда и пойдём. — Петрович уверенно ткнул пальцем в карту. — Проверим.

Он отодвинул стул, поднимаясь.

— Пошли, молодой. Нет моим старым костям покоя. Дрова нужнее.

Они вышли в коридор, заглянули в кладовку. У стены стояли самодельные алюминиевые санки — лёгкие, но вместительные, с загнутыми полозьями. Петрович закинул их на плечо, закрепил верёвкой.

— Бери себе тоже и неси в «жёлтую».

Матвей взял санки, и вдруг его накрыло.

Зима. Настоящая зима, со снегом, с морозом. Он маленький, лет семь, сидит на таких же санках, а отец тащит его в горку. Снег скрипит под полозьями, мороз щиплет щёки, но ему весело. Он смеётся, размахивает варежками, а отец оборачивается и кричит: «Держись крепче! Сейчас горка будет!»

Матвей моргнул.

Вместо снега — пепел. Вместо отца — Петрович. Вместо горки — развалины мёртвого города.

— Чего застыл? — Петрович обернулся. — Идём.

— Идём, — вздохнув, отозвался Матвей и шагнул следом.

В «жёлтой» сидел Семён, уткнувшись в потрёпанную книжку. Увидев санки, он расплылся в улыбке.

— Что? Покататься захотели с горки? Пепла-то нынче намело с подветренной стороны — до второго этажа аж.

— Ага. И с горки покатаемся, и дрова принесём.

— Ну, ну, — Семён хмыкнул и вернулся к книге. А они принялись натягивать защитные костюмы.

Путь до детского садика занял часа полтора. Он возник из пепельной мглы неожиданно — трёхэтажное здание с широкими, выбитыми окнами, но стены стояли крепко, не тронутые временем или Штормом. Когда-то здесь звенели детские голоса, бегали малыши, воспитательницы читали сказки. Теперь из окон торчали огрызки арматуры, а на пороге валялась перевёрнутая железная скамеечка, покрытая толстым слоем пепла — маленький памятник миру, который исчез навсегда.

Петрович остановился, снял санки со спины. Матвей встал рядом, ожидая, с какого блока они начнут работу. Но Петрович вдруг тихонько охнул, схватился за бок.

— Ты чего? — насторожился Матвей.

— Подожди, — Петрович прислушался к себе. Лицо его

сморщилось, он пощупал грудь, потом потёр поясницу. — Что-то кости заломило ни с того ни с сего. Как бы погода не испортилась.

Матвей знал эту их с Семёном особенность. Без всяких гидрометцентров, без спутников, по поведению своих старых, битых костей они ставили прогнозы точнее любых приборов. Если Семён говорил «завтра будет ветер», значит, завтра будет ветер. Если Петрович хватался за поясницу — жди перемены.

— Может, вернёмся? — предложил Матвей.

Петрович помялся. Посмотрел на здание, на санки, на пустую, засыпанную пеплом улицу. Где-то вдалеке завыл ветер — или показалось?

— Что-то мне не по себе, — признался он. — Как будто торопит кто-то. Давай по-быстрому. Насобираем дров на одну ходку — и домой. Столько шли, с пустыми руками возвращаться... сам понимаешь.

Матвей кивнул. Понимал. Рисковать приходилось всегда, и каждый раз это был выбор между «может, пронесёт» и «а вдруг не пронесёт». Только вот цена ошибки росла с каждым Штормом.

Они вошли внутрь.

Разруха здесь была такой же, как везде. Перевёрнутые шкафы, разбросанные вещи, битое стекло под ногами. Стены в коридорах хранили следы детского творчества — выцветшие рисунки, аппликации из цветной бумаги, которая

давно превратилась в труху.

Но мебель — деревянная мебель — действительно была. Стулья, столы, кроватки — всё это валялось в кучах, поломанное, расколотое, но отлично подходящее для растопки. Настоящее дерево, не то прессованное дерьмо, которое только чадит и воняет химией.

— Богато, — довольно крякнул Петрович, поднимая сломанный стул. — Тут на месяц работы, если не на два.

Он оглянулся на дверной проём, за которым клубилась пепельная мгла. Ветер усиливался — или просто казалось?

— Давай быстро. Чувствую я, надо нам отсюда убираться.

Они принялись собирать обломки, складывая в санки. Работали быстро, молча, только хруст дерева да скрежет металла нарушали мёртвую тишину.

— Гляну, чего в соседнем помещении, — сказал Петрович, закончив с загрузкой своих саней.

Он подошёл к железной двери, ведущей в глубь здания. Внимательно осмотрел косяк, проверил, нет ли растяжек. Достал из-за пояса моток тонкого троса, привязал к ручке, отошёл за угол и резко дёрнул.

Дверь распахнулась с протяжным скрипом. Никаких ловушек не сработало.

Петрович осторожно приблизился, заглянул внутрь — и замер.

— Матвей, иди сюда, — позвал он странным, приглушённым голосом.

Матвей подошёл, заглянул через плечо.

Внутри лежали игрушки. Сотни. Мягкие, резиновые, пластиковые — всех цветов и размеров. Мишки, зайцы, куклы с растрёпанными волосами, машинки, кубики, пирамидки. Всё это было свалено в огромную кучу, будто кто-то специально собрал сюда всё, чем когда-то играли дети этого сада. Игрушки смотрели на них пустыми глазницами, и в этом взгляде было что-то щемящее, почти человеческое.

— Вот бы Иринке чего-нибудь отсюда, — тихо сказал Петрович. В его голосе впервые за долгое время проскользнуло что-то тёплое, почти отеческое.

Матвей шагнул в проём, чтобы рассмотреть поближе, и в тот же миг на его запястье недовольно запищал дозиметр.

— Фонит, — коротко сказал он, отшатываясь.

Петрович мгновенно захлопнул дверь. Писк дозиметра стих, успокаиваясь.

— Не судьба, — вздохнул он. — Всё, берём санки. Хватит их грузить — и топаем домой.

Они вышли из корпуса, каждый тащил за собой гружёные санки. За спиной остались игрушки, которые никто никогда не возьмёт.

И в это же время мощное дыхание ветра ударило им в спины. Петрович дёрнулся, глаза его расширились. Он резко обернулся. Матвей тоже повернул голову — и застыл.

Только что было тихо. Секунду назад — ни звука, только хруст пепла под ногами. А теперь ветер набирал силу прямо

на глазах, за секунды превращаясь из лёгкого бриза в нечто чудовищное.

Ещё один порыв, сильнее первого. Мимо пролетел какой-то мусор — кусок фанеры, рваный полиэтилен, обломок ящика.

Вдалеке, на улице, откуда они пришли, поднималась стена.

Стена из мусора, пепла, пыли и ветра. Она неслась прямо на них, перегораживая горизонт, заполняя собой всё пространство между домами. Вал, за которым ничего не было видно.

Матвей стоял, не в силах пошевелиться. Ноги приросли к земле, санки с дровами выпали из рук. Он смотрел на приближающуюся стену как заворожённый, и в голове, холодно и отчётливо, пульсировала одна мысль: сейчас его собьёт с ног. Сейчас потащит по асфальту, поднимет вверх, начнёт рвать, скручивать, размазывать по стенам

«Эпическая сила, — прошептал голос Жоры, — беги, малой».

Рука Петровича вцепилась ему в пояс.

Рывок. Матвей, как тряпичная кукла, не сопротивляясь, полетел следом. Ноги волочились по земле, санки остались позади, но он даже не заметил.

— Туда! — крикнул Петрович, перекрывая нарастающий гул, и рванул к ближайшему дому. — Матвей, шевелись, давай!

Там, в полуподвале, чернел проём с вывороченной дверью. Единственный шанс. Укрытие.

Они влетели внутрь, спотыкаясь о битый кирпич, и тьма сомкнулась вокруг них. Петрович сразу начал действовать — не паникуя, не мешкая, как человек, который делал это сотни раз. Единственное — руки дрожали.

Он огляделся, оценивая пространство. Подвал был сырым, пахло плесенью и ржавчиной. Луч фонаря выхватил груды мусора, битые ящики, ржавые трубы вдоль стен. Путь вглубь преграждал завал из бетонных обломков. Он подошёл, осветил фонариком — не пролезть.

Петрович рванул к двери, пытаясь закрыть её. Та не поддавалась — петли были сломаны, створка перекошена.

— Матвей, помоги.

Матвей не мог оторвать взгляд от того, что творилось на улице.

— Матвей! Очнись, сучёныш!

Петрович перешёл на мат. Парень не реагировал.

«Очнись, малой!» — закричал голос Жоры в его голове.

Парень вздрогнул.

— Дверь надо закрыть. Помоги! — голос Петровича клокотал и злобой, и мольбой.

Матвей кивнул, подбежал к двери.

— На счёт три. Раз, два Три!

Они толкнули дверь вместе. Раздался скрип. Ещё рывок. И подгнившая дверь треснула. Они чуть не вывалились на-

ружу. Петрович успел схватить Матвея за ремень на поясе и одним движением отправил его вглубь.

— Матвей, сука, приди в себя! — крикнул он, стараясь перекричать шум.

Петрович огляделся, начал метаться по подвалу, ища чем можно забаррикадировать проём. Ржавый лист железа — слишком тонкий, согнётся. Гнилая фанера — рассыплется от первого удара. Ничего подходящего не было в подвале.

Ветер снаружи выл всё громче, в проём летел пепел, мелкий мусор.

Петрович нашёл в углу толстую трубу отопления, идущую вдоль стены. Рванул Матвея за рукав, подтащил к ней. Достал из рюкзака моток троса, быстро, привычными движениями, обмотал трубу, привязал себя и Матвея к трубе.

— Держись, — прохрипел он. — Если ветер залетит сюда, не дай себя вытащить. Упрись ногами и молись всем богам, каких знаешь.

Матвей кивнул, всё ещё не до конца придя в себя. Он смотрел на дверной проём, в котором клубилась серая мгла, и слушал вой. Стены вибрировали. Где-то наверху что-то рухнуло, загремело, покатилось.

А они сидели, прижавшись к трубе, и ждали. Это был не их подвал. Не их крепость. Просто дыра, в которую они забились, надеясь пережить зарождающийся Шторм.

Матвей сидел, прижавшись спиной к трубе, и смотрел на дверной проём, в котором мельтешили, пролетая мимо них,

какие-то предметы. Вой ветра нарастал, и в этом вое ему слышались голоса. Тысячи, миллионы, миллиарды голосов тех, кого Шторм уже забрал.

Именно здесь, в этой сырой, вонючей дыре, он в который раз по-настоящему осознал, что такое Шторм. Не абстрактная угроза, о которой говорят в подвале. Не страшная сказка, которой пугают друг друга. А живая, дышащая, неумолимая смерть. Она была здесь, за порогом. Она дышала им в лицо, бросала пригоршни пепла, мусора, заставляла стены дрожать, землю гудеть, а людей трястись от страха.

Ветер врывался внутрь всё сильнее. Вместе с ним летел пепел — мелкий, колючий, он забивался в щели, оседал на одежде, на лице. Матвею показалось, что он почувствовал его на губах — сухой, безвкусный, но от этого не менее страшный.

Дозиметр на запястье запищал. Тонко, тревожно, как раненая птица. Стрелка дрогнула и поползла вправо. В красную зону.

— Отвернись от проёма! — голос Петровича ворвался в шлем сквозь треск помех, перекрывая вой ветра. — Не смотри на него! Повернись спиной, там свинец! Он защитит, а маска — нет! Согнись! Вцепись в трубу! Вспомни, чему тебя учил Семён

Он кричал что-то ещё, но Матвей уже не разбирал голос среди шума помех.

Он дёрнулся, лихорадочно вспоминая. Петрович и Се-

мён несколько раз читали ему лекции. Как вести себя, если Шторм застанет в незнакомом месте. Что делать, если нет убежища. Куда прятаться, чем прикрываться. Всё вылетело. Всё до единого слова.

Он согнулся, как мог, уткнувшись лицом в холодную бетонную стену. Закрыл глаза. Спиной к двери, чтобы свинцовые пластины в костюме — единственная защита — прикрывали как можно большую часть тела. Руками прикрыл маску, хотя знал, что это бесполезно.

Ветер крепчал. Порывы врывались внутрь, били по нему, пытались повалить набок, оторвать от трубы, вышвырнуть обратно в серую мглу. Трос натягивался, впивался в тело, но держал. Петрович рядом что-то кричал, но слова тонули в вое.

Матвей сидел, вжавшись в стену, и чувствовал, как вибрирует бетон под щекой. Как дрожит сама земля. Как мир вокруг превращается в ад.

А потом всё стихло.

Не сразу. Медленно, нехотя, будто зверь, который нажрался и решил отдохнуть. Вой сменился гулом, гул — свистом, свист — тишиной.

Матвей не сразу понял, что Шторм кончился. Он ещё долго сидел, прижавшись к стене, боясь пошевелиться. Петрович тронул его за плечо — он вздрогнул, дёрнулся, чуть не закричал.

— Тихо, — голос старика был хриплым. — Отбой. Выжи-

ли.

Они ещё долго сидели в этом подвале, привязанные к трубе, боясь выходить. Дозиметры всё ещё щёлкали, но стрелка медленно ползла обратно, в жёлтую зону. За порогом было тихо. Подозрительно тихо.

Петрович поднялся первым, отвязал трос. Подошёл к дверному проёму, выглянул наружу. Матвей смотрел на его спину и думал о том, как мало нужно человеку для счастья. Для начала, чтобы за порогом не выла смерть.

Они вышли наружу и замерли.

Знакомый пейзаж изменился до неузнаваемости. Улица, по которой они пришли, исчезла — её перекрыли груды обломков, принесённых ветром. Везде, куда ни глянь, валялись искореженные куски металла, битый шифер, обрывки того, что когда-то было чьими-то домами, чьей-то жизнью.

Санок с дровами не было. Вернее, они были — то, что от них осталось, лежало неподалёку. Искореженные, смятые в гармошку, они валялись в десяти метрах от входа, придавленные грудой мусора. Дрова рассыпало по всей улице, перемешало с пеплом, стеклом, ржавыми железяками. Собирать было бесполезно.

Матвей смотрел на это и чувствовал, как внутри разрастается пустота. Они рисковали, шли, работали — и всё впустую.

— Дрова. Санки. — впервые, с начала урагана, подал голос Матвей.

— Но мы живы, — голос Петровича прозвучал неожиданно твёрдо. — Это главное. А санки и дрова — он махнул рукой, — как-нибудь добудем.

Он положил тяжёлую ладонь на плечо Матвея, чуть сжал. Коротко. По-своему.

— А вот тебя надо ещё раз отправить на обучение к Семёну. Чтобы не стоял, как столб, а знал, что делать.

Матвей кивнул. Слова были не нужны.

В «жёлтой» было тихо. Только гул вентиляции да редкие всхлипы ветра снаружи нарушали молчание.

Семён сидел на своей скамье, положив обрез на колени, и прислушивался. Каждый новый порыв ветра заставлял его желваки ходить под кожей. Валера застыл у стола, забыв про свои железки. Вера Павловна стояла в углу, сложив руки на груди, и смотрела куда-то в стену — но видели её глаза только одно. Порывы ветра, волокущие два тела по асфальту.

— Уверен, они успели занырнуть в какую-нибудь щель, — нарушил тишину Семён. Голос его звучал хрипло. — Закопаться в подвале, в подъезде... Вера, ну ты ж знаешь Петровича. Та ещё проныра. Всем Штормам фору даст. Нечего тут накручивать.

Вера качнула головой, не отрывая взгляда от стены.

— Знать-то знаю, — прошептала она. — Но всё равно от этого не легче.

Валера открыл рот, собираясь что-то сказать, но слова застряли в горле. Он только беспомощно развёл руками.

Тишина снова накрыла их, густая и липкая, как смола. Только ветер выл за толщей бетона, и этот вой теперь казался голосом самого отчаяния.

А потом раздались удары. Три. Чётких, тяжёлых.

Все трое вскочили одновременно.

Пауза. Ещё три.

Семён уже был у двери.

— Стой тут, — бросил он Вере. — Валера, смотри в глазок. Как скажу открывать дверь в «жёлтую» — откроешь.

Он натянул маску и скользнул в «серую». Дверь за ним лязгнула.

Валера прильнул к глазку, забыв дышать. Вера замерла за его спиной, вцепившись пальцами в край стола.

В «серой» Семён подошёл к перископу, прильнул к окуляру.

— Опять забило пеплом, — проворчал он, дёргая тросик очистки. Раз. Другой.

Снова приник к стеклу.

Несколько секунд он вглядывался в перископ. Ему казалось, целую вечность.

— Двое у двери, — выкрикнул он. — Пароль верный! — и, обернувшись к двери, крикнул так, что Валера в «жёлтой» подскочил:

— Вернулись!

Лязгнул засов. Дверь распахнулась.

На пороге стояли Матвей и Петрович. Уставшие, в пепле

с ног до головы, но живые. Санок, с которыми они уходили, не было. Вместо них в руках у Петровича болтался конец какой-то проволоки, привязанной к трубе. А сама проволока тянулась назад, к листу ржавого железа, на котором громоздились куски детских кроваток и половицы.

Семён впустил их внутрь, захлопнул дверь, задвинул засовы. А потом, не говоря ни слова, обнял каждого — сначала Петровича, потом Матвея.

— Дезинфекция, — сказал он, отстраняясь. — И дуйте внутрь. Заждались тут вас, все нервы измотали. Дрова бросайте, я их позже продезинфицирую.

Через несколько минут, когда процедура дезинфекции была позади, дверь в «жёлтую» отворилась.

Вера Павловна стояла на пороге. Увидев мужа, она бросилась к нему, вцепилась в его плечи, прижалась лицом к груди.

— Живой! — прошептала она, и в этом шёпоте было столько боли, сколько не вместил бы целый подвал. — Живой

— Вера, — попытался возразить Петрович, но голос его предательски дрогнул. — Дай хоть костюмы снять. Зараза на них может быть, радиация

— Живой! — повторила она, не отпуская.

И Петрович замер. А потом медленно, неуклюже, словно стесняясь, обнял её в ответ.

Валера отвернулся, делая вид, что очень занят своими

проводами. Семён кашлянул и уставился в потолок. Матвей стоял у входа и смотрел на них.

И в этот момент он понял: ради этого стоило рисковать. Ради этого — возвращаться через Шторм, терять санки, задыхаться в чужом подвале. Ради того, чтобы вот так стоять у порога и видеть, как любовь побеждает даже здесь, в мире, где, кажется, умерло всё.

Глава 14

Матвей проснулся от того, что кто-то смотрит на него.

Это было странное чувство — сквозь сон, сквозь тяжёлую пелену усталости, которая так и не отпускала до конца после последней вылазки. Он ещё не открыл глаза, но уже знал: рядом кто-то есть.

Потом пришли звуки.

Вера Павловна возилась у печки. Узнаваемый, привычный до боли звук: лязг заслонки, шорох щепок, которые она подбрасывала в жадное жерло, тихое шипение — закипала вода в кастрюле. Этот звук был таким же постоянным, как тиканье дозиметра в «жёлтой». Звук жизни.

Матвей открыл глаза.

Ирка сидела рядом на корточках, подобрав под себя ноги, и смотрела на него в упор. Серьёзно, без улыбки, своими большими серыми глазами, в которых всегда было чуть больше понимания, чем положено ребёнку её возраста. Она не шевелилась, только пальцы теребили край старого одеяла, которым он укрывался.

Он моргнул, прогоняя остатки сна. Ирка качнулась вперёд, поймала его взгляд и медленно, чётко, одними губами, беззвучно спросила:

«Пойдёшь сегодня на улицу?»

Она умела читать не только по губам — она умела читать

по лицам. По глазам. По тому, как человек дышит. Но вопрос был задан, и Матвей понял его без слов. Она спрашивала не про вылазку. Она спрашивала про другое: «Ты вернёшься?»

Матвей кивнул.

Коротко. Один раз. Твёрдо.

Одним движением дал два ответа. И оба — «Да».

Ирка улыбнулась. Тихо, беззвучно, одними уголками губ, но в этой улыбке было столько света, сколько не давали все их самодельные лампы вместе взятые. Она тут же отвернулась и засеменила к печке, к Вере Павловне, будто получила всё, что хотела.

Матвей смотрел ей вслед и вдруг поймал себя на мысли, от которой внутри всё сжалось.

Он привык.

Привык к этому подвалу. К запаху сырости и дыма, который въелся в одежду. К вечному гулу вентиляции. К тому, как Вера Павловна возится у печки, как Семён кашляет в своём углу, как Валера бормочет над очередной железкой. К теплу, которое даёт буржуйка, и к холоду за занавеской. К Иркиным беззвучным вопросам.

Привык. Как к дому.

А домом это место становиться не должно. Дом — это там, где можно выйти на улицу и не бояться, что ветер сдерёт кожу. Где светит солнце, а не красные и синие диоды. Где пахнет травой, а не хлоркой и кипячёными бинтами.

Но другого дома не было. И не будет. И привыкать при-

дётся. Чтобы выжить.

Прежде чем встать, он подвигал пальцами ног. Ноющая боль в стопе стала отступать. Он подвигал стопой. Боль затерялась, растворившись в проснувшемся теле.

Он сел на койке, спустил ноги на холодный бетон. Тело отозвалось привычной ломотой в плече — память о той драке, когда Жора ещё был жив. Он потёр плечо ладонью, и это движение тоже стало привычным. Ритуалом.

За занавеской уже слышались голоса. Валера ворчал на что-то, Семён кашлянул и выругался сквозь зубы. Петрович молчал — его голос включался только когда надо было решать.

Матвей встал, натянул свитер — толстый, шерстяной, с дырой на локте, которую Вера Павловна заштопала так аккуратно, что дыра стала почти незаметной. Ещё один штрих её войны за нормальность.

Он отодвинул занавеску и вышел в гостиную.

Яркий свет резанул по глазам — Вера Павловна зажгла верхнюю лампу. Обычно она экономила, но сегодня, видимо, был особый случай. Или просто она знала, что мужикам предстоит тяжёлый день, и хотела, чтобы они начали его не в темноте.

Петрович сидел за столом и смотрел на клочок бумаги, который держал в руках.

Он проснулся раньше всех. Натянул штаны, прошёл в гостиную — и увидел на столе записку. Придавленную камнем,

чтобы не улетела. Своим собственным почерком, карандашом, крупными буквами он написал перед сном:

«КРОВЬ ИЗ НОСУ — ДОБЫТЬ СВЕТОДИОДЫ!»

Петрович нахмурился, вглядываясь в каракули. Потом усмехнулся — криво, одними уголками рта. Хорошо, что написал. Старость — не радость, память уже не та. Забудешь такое — и всё, пиши пропало. Страховка. Хотя забыть о таком не получится.

Вскоре собрались все. Валера уже ворчал, копаясь в своих железках:

— Опять генератор вырубало пару раз ночью. Если так пойдёт, через неделю без света сидеть будем...

Петрович сидел во главе стола и уже хлебал свой «чай». Перед ним на столе лежал смятый клочок бумаги. Матвей заметил, как Петрович машинально разгладил его, прочитал, хмыкнул и сунул в карман.

— Садись, — буркнул он, не поднимая глаз. — Ешь давай.

Вера Павловна поставила перед Матвеем миску с баландой — редкое сегодня угощение. Перловка, заправленная крошками от сухарей и каплей какой-то жирной жидкости, которую Валера называл «техническое масло», но все знали, что это просто растопленный жир. Отдельно лежали зелёные веточки укропа. Его доля.

Матвей взял ложку. Ел молча, как все.

Ирка сидела рядом с Верой Павловной, прижавшись к ней плечом, и тоже ела — медленно, стараясь растянуть удоволь-

ствие. Она подняла на Матвея глаза, улыбнулась уголками губ и снова уткнулась в миску.

Петрович доел первый, отодвинул миску, промокнул рот рукавом и посмотрел на Валеру, который всё ещё ковырялся в своей порции, что-то бормоча про «калории» и «белковый дефицит».

— Кончай химичить, — сказал Петрович. — Как доешь, давай большую карту города доставай и за стол.

Валера вздохнул, отложил ложку и полез в свой угол за картой.

Матвей допивал «чай». Химическая сладость сахарозаменителя оставила странное послевкусие — не то чтобы противное, но чужое. Он вспомнил ту квартиру, где они нашли эти пакетики. ЗОЖник, обложившийся литературой про правильное питание, протеиновыми батончиками и сухими завтраками, которые никто так и не съел. Петрович тогда ворчал: «Вот люди, твою мать, вместо того чтобы нормальную еду запасать, всякой дрянью забивали кладовки». Но всё, что было запечатано в той квартире и не «фонило», он аккуратно складывал в рюкзак.

А Жора, помнится, нашёл банку протеина, долго вертел её в руках и спросил: «Это чё, химия для мышц? Мне бы такое, я бы тогда арматурины одной левой гнул бы». Они тогда посмеялись. Недолго, но посмеялись.

Матвей мысленно поблагодарил того незнакомого чудака. И Жору — своим невероятным нюхом указавшего на квар-

тиру ЗОЖника с богатствами.

Он отогнал воспоминание. Жора остался там, снаружи. А здесь — здесь надо было жить дальше.

Петрович уже раскладывал на столе карту города. Типографскую, а не нарисованную от руки. Исчёрканная карандашом, помеченные крестиками и кружками — на ней была запечатлена вся история их вылазок за три года.

Рядом с картой лежала маленькая рисинка — синий светодиод, тот самый, что позавчера показывал Валера.

Матвей посмотрел на него. От этого крошечного кусочка кремния и пластика теперь зависело, будет ли у них огород. Будут ли витамины. Будет ли шанс не сдохнуть от цинги через полгода.

— Значит, так, — начал Петрович, обводя взглядом сидящих. — Сегодня решаем, куда идти. Не за продуктами. А за светодиодами.

Валера тут же встрепенулся:

— И щётки, щётки для генератора не забудьте! Без них ветряк встанет, и тогда мы тут все в темноте и вони...

— Помню я про щётки, — перебил Петрович. — Не дёргайся.

Матвей снова посмотрел на светодиод. Маленький, почти незаметный. И такой нужный.

За окнами, там, наверху, уже начинался новый день. Серый, пепельный, опасный. Но здесь, внизу, пока было тепло и светло.

Пока.

Петрович разгладил карту на столе, прижал края локтями, чтобы не сворачивалась.

— Значит, так, — начал он. — Светодиоды — это приоритет. Но Валера прав, щётки тоже нужны. Без них ветряк встанет, и тогда мы тут все сгинем. Не аккумуляторы зарядить, ни кислород, ни рации использовать, ни вытяжки, ни света, — закончил он мрачно.

— Ну, с щётками проще, — вставил Матвей, потирая подбородок. — С любого электродвигателя снять можно. А вот с диодами...

Петрович молчал, водя пальцем по карте.

— Центр, — палец остановился на густо заштрихованном районе. — Соваться туда — самоубийство. «Штыки» там как у себя дома. Они там всё под себя подмяли, ещё когда армия раскололась. Помните, ракетные удары друг по другу наносили? Кто главный будет, не могли определиться. — Петрович покачал головой. — Полгорода разнесли к чёртовой матери.

Семён сзади хмыкнул:

— Там до сих пор «чёрные пятна». Пока рация работала, слышал, «штыки» своих штрафников туда посылают — фильтры менять на внешних постах. Если кто живым возвращается, его потом месяц в дезкамере держат.

Петрович кивнул и повёл палец дальше.

— Жилые дома. Теоретически, у какого-нибудь ботаника

на балконе могла стоять фитолампа. — Он хмыкнул. — Люди до всего этим увлекались: цветочки там, рассада. Но искать иголку в стоге сена... нас мало, а домов много. И всё уже наверняка обшарено подчистую до нас. Мы по квартирам из своего района за три года как челноки прошлись. А по дальним районам — наверняка другие тоже не раз пробежались.

Валера вздохнул, но промолчал.

— Детский сад, — палец Петровича ткнул в очередной прямоугольник. — ЖЭК. Продуктовые магазины. — Он покачал головой. — Всё пусто. Либо разграблено в первые недели, либо сгорело. В ЖЭКе вообще одни бумаги остались, мы там были. Даже сжечь нечего.

Матвей молча следил за пальцем Петровича. Он знал эти места. Не по карте — по ногам, по усталости, по риску, которым была оплачена каждая пометка.

И тут Валера, до сих пор молчавший, подал голос:

— Петрович, а где вы те светодиоды брали? Ну, из которых я первые лампы собрал? Тогда, почти три года назад.

Петрович нахмурился, почесал щетину.

— Было дело... — Он задумался, припоминая. — Где-то на выезде из города, кажется. Я тогда ещё с Семёном ходил.

Он прищурил глаза, вспоминая подробности.

— На языке вертится название. Водой отдаёт.

Семён кивнул. Протянул руку к карте, поводил пальцем по знакомым очертаниям улиц и остановился на прямоугольнике на окраине.

— Вот, — сказал он негромко. — Торговый дом «Иволга». Там большой отдел светотехники был. Мы тогда целую витрину с лампами нашли, половину унести не смогли.

Валера оживился:

— Ну, так, может, туда сходить? Вдруг что осталось? Вдруг там ещё остались?

Семён вздохнул, покачал головой.

— Ну, туда можно не ходить, — сказал он глухо. — В прошлом году там всё разнесли.

— Как разнесли? — не понял Валера.

— Военные, — Семён махнул рукой в сторону стены, за которой был мёртвый город. — Какие-то одни там засели, то ли залётные, то ли другие, от штыков отколовшиеся. Судачили в эфире, перебежчики то ли к учёным, то ли в другой город собрались. — Он вздохнул. — А «штыки», значит, их оттуда выкуривать решили. Обложили всё здание взрывчаткой и... — Он развёл руками. — Сложился торговый центр. Теперь там братская могила для тех, кто внутри прятался. Ни выйти, ни спастись.

Валера сглотнул, уставился в карту.

— И никто не вышел?

— А ты бы вышел, если сверху этажи рушатся? — Петрович покачал головой. — Нет там ничего больше. И не будет. Едем дальше.

Тишина повисла над столом.

— Я бывал в «Иволге», — тихо сказал Матвей, — в ка-

фе-пиццерии. Отличная пицца была.

Матвей смотрел на прямоугольник «Иволги» и думал о том, как быстро мир меняется. Полтора года назад они с Жорой таскали оттуда проводку, электрические автоматы для Валеры, смеялись, спорили, что взять в первую очередь. А теперь Жоры нет, и торгового дома нет, и тех людей, что прятались внутри, тоже нет.

Только пепел. И память.

— Ладно, — Петрович хлопнул ладонью по карте, возвращая всех к делу. — Было — не было. Надо искать дальше.

И его палец медленно двинулся по карте дальше, в спальный район, на окраину, куда они ещё не углублялись. Слишком далеко, слишком рискованно. Но ресурсы вокруг таяли, и радиус приходилось расширять настолько, насколько позволяли запасы кислорода в баллонах. Настолько, насколько можно было уйти и вернуться назад — пока не наступила ночь.

Магазин одежды, парикмахерские, булочные, комиссионный отдел. Заправка. Кондитерский цех. Всё не то. Там нечего было ловить. Всё разграблено, взорвано, сожжено.

И тут его палец замер. Он упёрся в прямоугольник, подписанный мелко, но разборчиво:

— Магазин электротоваров «СВЕТОСИЛА», — прочитал Петрович.

В гостиной повисла тишина.

Петрович, Матвей и Валера переглянулись. Семён подал-

ся вперёд, прищурился, пытаясь разглядеть.

Петрович перевёл взгляд на светодиод, потом снова на карту.

— Магазин электротоваров, — сказал он негромко. — Там должны быть лампы. Светильники. Всякое такое...

Валера тоже подался вперёд, в голосе его смешались надежда и страх:

— Может, уцелело что? В первые дни все за жратвой бегали, за водой. До электроники никому дела не было. — Он замялся. — Могли и не разграбить... если дверь крепкая.

— Да какие там двери. Витрины стеклянные. — остудил его Семён.

Петрович взвешивал, прикидывал, просчитывал. Он умел это делать — превращать риск в цифры, расстояния и на основе этого строить планы.

— Рискованно, — наконец сказал он. — Далеко. Надо через открытое пространство идти. Если кто заметит — снимут как мишени в тире.

Он снова уткнулся в карту, прикидывая расстояние.

— Туда и обратно — часов семь, если без задержек. Это без учёта поисков внутри. — Он поднял глаза на Валеру. — Баллоны с собой надо дополнительные брать, менять по пути туда и обратно.

Валера закивал:

— Я же говорю, кислород — это главное. Снаружи не поменяешь — пепел, радиация, чужаки, «дикие». Нужно укры-

тие.

Петрович уже водил карандашом по карте, обводя кружками возможные точки.

— Вот, смотрите. — Он ткнул в первую. — Подземный переход. Близко к маршруту. Но там могут быть «дикие». Или «веселуха». Если мох пошёл — значит, фон, и тогда нам туда нельзя.

Карандаш переместился.

— Разрушенный подземный гараж. Вот здесь. Если вход не завален — вариант. Надо будет проверить по пути.

Ещё одна точка.

— Подвалы пятиэтажек. Вот этой. Но он может быть занят. Кто-нибудь мог там поселиться. Или «дикие», или просто такие же, как мы.

Он обвёл кончиком карандаша четыре точки.

— Идём с расчётом на них. Если первая занята или разрушена — идём ко второй. Потом к третьей. План «Б», план «В».

Валера сглотнул.

— А если ни одна не подойдёт?

Петрович посмотрел на него жёстко, без тени сомнения:

— Тогда будем дышать как придётся или менять там, где хотя бы от пепла укрыться можно. Другого варианта нет. На себе лишний груз далеко не утащишь.

Валера оживился, в глазах его мелькнуло что-то знакомое — тот самый огонёк, с которым он брался за новую инже-

нерную задачу.

— А ведь я предлагал тебе, Петрович, ещё перед этим Штормом, сварганить для вас систему экстренного подключения дополнительного баллона на ходу. Помнишь? Тройник с обратным клапаном, шланг высокого давления, быстросъём...

Петрович отмахнулся, но без злости, скорее с усталой досадой:

— Ай, Валера. Та система у тебя под три кило веса вышла на брата, не считая ещё одного баллона, и чересчур требовательной к обслуживанию. Через час ходьбы в наших костюмах, с нашим обвесом под два пуда мы все взмыленные, усталые, руки трясутся. И ты ещё предлагаешь сверху веса добавить и трястись от того, а правильно ли я шланг подключил, а выдержит ли ресивер, а не зацепится всё это за выступ стены?

Он покачал головой.

— А оно вон, только сейчас понадобилось. Если так постоянно ходить придётся — помозгуй ещё, как надёжнее сделать. Чтобы и вес не критичный, и в полевых условиях можно было подключить, не глядя, на одних рефлексах.

Валера хотел что-то сказать — видно было, как у него уже крутятся на языке новые идеи, схемы, чертежи, — но только вздохнул и замолчал.

— Помозгую, — буркнул он себе под нос, но так, чтобы Петрович услышал.

Тот только хмыкнул и перевёл взгляд на Матвея.

— Всё, готовимся к выходу. Сейчас проверим костюмы, потом отбой, и ближе к полудню выдвигаемся.

Матвей молча кивнул. Надо подготовиться перед дальним походом, набраться сил. Дождаться времени, когда станет светло. Они всегда ждали света.

Потому что ночь и начало рассвета принадлежали не им.

Выходить в темноте было самоубийством — «дикие» выползали из своих нор, как крысы, и рыскали по руинам в поисках добычи. Матвей помнил их глаза — пустые, голодные. Он видел однажды, как они рвали на части человека, который не успел убежать. Видел и не мог забыть.

Но с рассветом всё менялось. По каким-то причинам «дикие» избегали даже того жалкого подобия солнца, что пробивалось сквозь пелену пепла и туч. Днём они становились вялыми, могли часами стоять на месте, уставившись в одну точку, не обращая внимания ни на кого и ни на что. Будто свет выключал в них что-то важное. Но в темноте они становились активны. Даже в тёмном помещении днём — не так, как ночью, но были опасны.

Лучшим временем для выхода считался полдень. Чем ближе к обеду — тем ниже активность «диких», тем безопаснее.

Хотя бы тут тот, кто всё это устроил, смилостивился над выжившими.

Он снова посмотрел на маленький светодиод, лежащий на

краю карты. Крошечный кусочек пластика и кремния. От таких крошек теперь зависела жизнь всего подвала. Странное чувство — идти на смертельный риск ради того, что когда-то стоило копейки и было доступно любому желающему.

Он перевёл взгляд на карту, на прямоугольник с надписью «СВЕТОСИЛА».

Сегодня они пойдут туда. И могут не вернуться.

Матвей отогнал эту мысль. Не сейчас. Надо готовиться.

Они прошли в «жёлтую» вдвоём — Петрович и Матвей. Валера увязался следом, хотя обычно, когда они проверяли костюмы, его здесь не было. Семён остался у выхода, привалившись плечом к косяку, и следил за ними одним глазом.

В «жёлтой» всё так же пахло резиной, мыльным раствором и металлом. На стеллажах вдоль стен лежало их богатство: костюмы, баллоны, маски, ремни, лямки — всё потрёпанное, латаное-перелатаное, но надёжное. Проверенное смертью.

Матвей снял со стены свой костюм. Свою франкенштейн-сборку с пластинами от бронежилета и авиационной маской со сколотым стеклом. Начал проверять: лямки, стяжки, герметичность швов. Пальцы делали это сами, на автомате, пока мысли были заняты другим.

Петрович возился рядом с баллонами. Проверял давление — вкручивал манометр, щёлкал клапанами, слушал шипение.

— Норма, — буркнул он. — На четыре часа хватит, если

не бежать марафон и дышать не часто. Затем приступил к проверке следующих баллонов. Один баллон он забраковал.
— Валера. Тебе работа. Баллон сифонит.

Валера засуетился, взял баллон, поставил на пол, вытащил маркер из нагрудного кармана, что-то написал на пузатом боку.

— Посмотрю, пока вы будете на вылазке, — прокряхтел он, закатывая неисправный баллон в угол.

Осмелев, он начал ходить вокруг них, как наседка. Подходил то к одному, то к другому, заглядывал в глаза, трогал снаряжение дрожащими пальцами.

— Смотрите, — затараторил он, — там, в «Светосиле», разъёмы могут быть разные. Вы не стесняйтесь, если что — плату целиком берите. Целиком! Там и диоды, и резисторы, всё пригодится. — Он перевёл дыхание. — И щётки! Щётки — графитовые, длиной сантиметра три. Не перепутайте с медными! Медные не подойдут, там искрение будет, а графит — самое то...

— Валера, — Петрович обернулся к нему, и голос его был тяжёлым, как тот самый баллон. — Будь добр, отстань.

Валера замер.

— Сами разберёмся, что брать. — Петрович не злился, просто устал от этого писка над ухом. — Иди, лучше займись чем-нибудь. Почини что-нибудь. Не капай на нервы. Дай мыслями собраться. Не в магазин за хлебом идём. Без обид только.

Валера открыл рот, хотел что-то сказать, но передумал. Вздохнул, махнул рукой и поплёлся в свой угол, к проводам и паяльнику. Затем вернулся, взял баллон и ушёл.

Матвей проводил его взглядом и вернулся к проверке «нагана». Пять патронов в барабане. Он покрутил его, проверяя ход, щёлкнул курком. Сухо. Надёжно.

Краем глаза он заметил движение.

Вера Павловна стояла в проёме двери, ведущей из «жёлтой» в коридор. Она не входила, просто стояла, сложив руки на фартуке, и смотрела на него.

Потом шагнула внутрь, подошла близко, почти вплотную. Молча протянула небольшой свёрток — тряпица, завязанная узлом. Матвей взял, почувствовал вес: сухой паёк. Подушечки кошачьего корма, маленькая фляжка с водой — всё, что она могла выделить.

Он хотел сказать, что у них не будет возможности для перекуса. Не предусмотрено планом. Он поднял глаза. Вера Павловна смотрела на него долгим, тяжёлым взглядом. В нём не было слов — только тревога с мольбой, которую она никогда не произнесёт вслух.

«Вернитесь».

Матвей решил промолчать, кивнул.

Коротко. Один раз. Отчётливо.

Она чуть заметно улыбнулась уголками губ и вышла так же бесшумно, как появилась.

Матвей сунул свёрток в рюкзак, к лентам и запасным па-

тронам. Весит немного, а пригодиться может. Да и Вере Павловне спокойнее будет.

И тут он почувствовал, как кто-то трогает его за рукав. Опустил взгляд. Ирка.

Она стояла рядом, задрав голову, и смотрела на него своими большими серьёзными глазами. Потом подняла руку и начала показывать жестами, медленно, чтобы он понял.

Ладонь, приложенная к щеке — «спать». Потом указала на дверь, ведущую наружу. Потом на него, на Петровича, и вопросительно подняла брови.

«Вы уходите надолго?»

Матвей улыбнулся. Осторожно, чтобы она не заметила фальши, потрепал её по голове. Показал жест: раскрытая ладонь, прижатая к груди, потом вверх, к свету, потом снова к груди.

«Всё будет хорошо».

Ирка смотрела на него ещё секунду, будто проверяя, не врёт ли. Потом кивнула сама себе и убежала обратно в гостиную, к Вере Павловне.

Она не верила. Но вида не подала.

Матвей ещё несколько секунд смотрел ей вслед, потом вернулся к снаряжению. Проверил клапаны на баллонах, щёлкнул креплениями. Всё было готово.

Петрович уже заканчивал со своим костюмом. Он поднял на Матвея глаза, хотел что-то сказать, но только махнул рукой:

— Иди, отдохни. Через два часа подниму.

Матвей кивнул. Они вместе вышли из «жёлтой» в коридор.

Семён занял своё обычное место — у входа в «серую», на низкой скамье, прислонившись спиной к стене. Обрез лежал у него на коленях, рука машинально поглаживала приклад. После ампутации стопы он проводил здесь все дни и ночи, сменяясь только с самим собой.

Когда Матвей и Петрович уходили, он поднял голову. Сказал коротко, хрипло, как всегда:

— Возвращайтесь. Оба. И, чтобы без всяких, яких.

Петрович кивнул и пошёл дальше, в гостиную. А Матвей задержался на секунду. Семён смотрел на него в упор, и в этом взгляде было что-то такое, отчего внутри всё сжалось. Пауза затянулась. Семён кашлянул, отвёл глаза куда-то в сторону, в темноту коридора. Потом снова посмотрел на Матвея.

— Он бы... — голос его сел ещё сильнее, стал почти шёпотом. — Жора... он бы сказал: «Не ссы, Семён, вернёмся и ещё чего пожрать принесём».

Матвей вздрогнул.

Слова ударили наотмашь, как пощёчина. Жора. Опять Жора. Он был везде — в каждой щели этого подвала, в каждом разговоре, в каждом взгляде. И вот теперь Семён, который никогда не говорил лишнего, напомнил.

Матвей сглотнул. Кивнул.

Держать лицо. Надо держать лицо.

— Вернёмся, — сказал он, и голос прозвучал на удивление ровно. — И принесём чего-нибудь.

Семён кивнул в ответ и отвернулся к своей щели, давая понять, что разговор окончен. Матвей пошёл в общую комнату.

В гостиной было тихо. Вера Павловна была в своём уголке, за занавеской слышалось ровное дыхание Ирки. Валера что-то перебирал, разложив на столе кишки какого-то устройства. Петрович сидел у печки, глядя на огонь, и когда он вошёл, даже не обернулся.

Матвей лёг на свою койку, укрылся одеялом. Смотрел в потолок, где прыгали тени от углей.

Он не спал. Слушал. Как потрескивают дрова. Как Вера Павловна тихо вздыхает. Как Ирка дышит ровно, но слишком ровно — не спит, притворяется. Как Валера скрипит за столом.

И думал.

О Жоре. О том, что сегодня они пойдут по новому маршруту. Опять мимо высотки, где всё произошло. Там может всякое случиться с ним. Как с Жорой — оступился, и арматура прошила ногу.

«Интересно, сколько раз в меня будет стрелять Петрович? — почему-то подумалось ему. — Или будет экономить и просто раскроить голову кирпичом? А если бы Жора был жив, — пришла другая мысль. — Мы бы пошли втроём. Бы-

ло бы надёжнее, веселее».

Он зажмурился, пытаясь прогнать эту мысль. Но она не уходила. Ворочалась где-то в затылке, ныла, как больной зуб.

Надо набраться сил. Надо найти эти диоды. Надо вернуться.

Он повернулся на бок, натянул одеяло до подбородка. Слушал, как за стеной Семён кашлянул и затих.

Потом провалился в сон.

Тяжёлый, без снов, похожий на забытьё. Похожий на его пять лет в новом мире.

Глава 15

За час до полудня Петрович разбудил Матвея.

— Пора. Собираемся.

Матвей открыл глаза сразу — без потягиваний, без стонов. Так просыпаются те, кто давно разучился спать по-настоящему. Он сел, руками протёр глаза, натянул свитер. Кольнуло в ноге. По-быстрому помассировал стопу, встал и молча вышел в коридор, пошёл в свою комнату.

В углу ещё лежала куча вещей, накрытых его старой рубашкой. К ней ещё никто не притронулся. И сквозь ткань были видны контуры шлема Жоры. Шлем ждал. Рано или поздно его опять будут использовать. Матвей смотрел на кучку несколько секунд, а затем подошёл к умывальнику. Из зеркала на него смотрел всё тот же рано постаревший Матвей. Он моргнул ему. Тот повторил. Ему показалось, что на голове прибавилось седых волос. Присмотрелся. Действительно, показалось. В отражении он увидел угол с кучей сложенных вещей Жоры. Матвей сменил позицию, чтобы не видеть её, и принялся умываться.

Быстро умывшись, он отправился в «жёлтую». Там, облачённый в защитный костюм, уже ждал Петрович.

— Ну ка, малой, подсоби с баллоном.

Матвей помог ему с подключением, проверил герметичность, начал одевать свой костюм. Петрович помог ему с его

баллоном, проверил крепления.

Зашёл Семён. Он сел на своё место у входа, обрез на коленях, и цепко осмотрел костюмы с ног до головы. Сегодня он был особенно придирчив.

— Костюмы проверили утром? — спросил он, хотя сам видел, что проверяли.

— Проверили, — ответил Петрович.

— Баллоны?

— Полные.

— Оружие?

Петрович похлопал по висящему на боку обрезу. Матвей показал наган.

Семён кивнул, но не успокоился.

— Одеть маски, подать воздух, включить рации, — скомандовал он, следя за процессом.

Он подозвал Матвея ближе и сказал, почти касаясь его шлема своим:

— Сегодня пароль такой: раздвинуть руки в стороны и повернуться вокруг себя. Понял?

Матвей кивнул.

— Покажи.

Матвей раздвинул руки и медленно повернулся.

— Запомнил, — сказал он.

Семён удовлетворённо хмыкнул и плотно закрыл дверь в «жёлтую», прошёл ко входу в «серую», посмотрел в глазок и открыл в неё дверь. Матвей и Петрович зашли внутрь. Се-

мён прильнул к перископу. Минуту-другую он всматривался в мутное стекло, водил взглядом по пустому двору, по теням, по грудам пепла.

— Чисто, — наконец сказал он. — Приготовиться к выходу.

Петрович поднял свой обрез, Матвей снял оружие с предохранителя и тоже держал вход в подвал под прицелом.

Тяжёлая дверь со скрежетом отъехала в сторону.

Свет, хлынувший внутрь, не был солнечным. Тусклый, грязно-жёлтый, он лился сквозь плотную пелену облаков и пепла. В нём не было тепла. Не было жизни. Было только тусклое, равнодушное освещение мира, который умер.

Семён взял своё оружие, выглянул наружу, осмотрелся, — Выходите, — сказал он и отступил внутрь.

Первым вышел Петрович. Матвей сделал шаг наружу.

Знакомое ощущение тяжести — костюм, баллоны, оружие. Знакомая тишина — мёртвая, давящая, в которой каждый звук отдаётся эхом. Только лёгкий гул моторчика, прогоняющего воздух по системе очистки. Знакомый запах — пыль, пепел, химия.

Они пошли.

Улицы встретили их привычным пейзажем: пепел, руины, скелеты машин, торчащие из серой жижи, как кости поверженных чудовищ. Дома по обе стороны дороги превратились в тени. Некоторые — в оплавленные груды кирпича и бетона.

Дозиметр на запястье Матвея пощёлкивал ровно, без па-

ники. Стрелка держалась в жёлтом секторе. Стабильно.

Петрович шёл впереди, Матвей прикрывал сзади. Так они ходили всегда. А когда они выходили втроём, Жора шёл первым.

Мысль кольнула — коротко, но больно. Сейчас их осталось двое. Матвей сглотнул и заставил себя смотреть по сторонам. Цепляться взглядом за всё подозрительное, не забывая выискивать полезное.

Они миновали разбитую остановку, где когда-то, в прошлой жизни, люди ждали автобусы. Теперь здесь только груда ржавого металла и стеклянной крошки, вперемешку с порослями редкого мха — будущей веселухи или могильного бархата.

Петрович решил идти новым маршрутом, свернул в проулок, не доходя до магазина сантехники и аптеки за ней. Они прошли минут десять. Главное здание этого квартала уже виднелось сквозь проёмы. Высотка — та самая, где они с Жорой в последний раз были вместе.

Они обходили его, но так или иначе выйдут к зданию. Петрович решил пройти вдоль внутренних домов, заодно осматривая первые этажи.

Они вышли к высотке метров за триста правее от неё.

Матвей поймал себя на том, что смотрит в сторону провала, где тогда, под бетонными плитами, оставил Жору. Это был последний раз, когда он видел его.

Когда Жору сжигали, он лежал в убежище, бредил. Про-

сил прощения. Пытался отдать ему свой пистолет. Кричал, что он убийца. Вера Павловна успокаивала его, как могла. Она сидела рядом с ним и не давала окончательно сойти с ума. Обмакивала лоб влажной марлей. Давала пить воду из своей нормы. Наутро её сменил Петрович. Дал ей поспать несколько часов, чтобы она вновь сидела с ним.

Матвей не помнил этого. Как только он вспоминал, что произошло после того, как Семён втащил его в подвал — перед лицом всплывало окровавленное лицо Жоры в маске. Его удивлённый взгляд.

Матвей успокаивал себя, что всё, что осталось от Жоры, превратилось в пепел. Его тело не досталось «диким». Из него не проросла «веселуха». Они всё правильно сделали. По-человечески.

Но на душе всё равно скребли кошки. Он не успел проститься с Жорой.

И вдруг — голос. Чёткий, хриплый, с той самой насмешливой интонацией, которую Матвей запомнил навсегда. Он прозвучал не снаружи, не в рации — в голове. Так отчётливо, будто Жора стоял рядом и дышал в затылок:

«Ну, так в чём проблема, малой? Вон, через триста метров та яма, где меня сожгли. Подойди. Простись. Или ссышь? Даже на могилку не сходишь? Сожгли и забыли?»

Матвей вздрогнул, споткнулся, едва не упал. Петрович обернулся, бросил быстрый взгляд — всё ли в порядке? Матвей махнул рукой: мол, нормально, оступился.

Но голос не уходил. Стоял в ушах, как тот крик, который теперь сменился тишиной.

Он зажмурился на секунду, прогоняя наваждение. Хотел сказать, что не забыл. Нет, не забыл. И не забудет никогда. Но могилы нет, и не будет. Только пепел, развеянный ветром, да память, которая теперь всегда будет приходить в самые неподходящие моменты.

— Иду, Петрович, — глухо сказал он больше себе, поправляя лямку рюкзака.

И они пошли дальше. К «Светосиле». К светодиодам. К надежде, которую Жора уже никогда не увидит. Петрович свернул, оставляя позади высотку. Чем дальше они отходили от неё, тем легче себя чувствовал Матвей. Новый путь требовал повышенного внимания, полной концентрации. Времени заниматься копанием в себе и на самоедство не было.

Первый сюрприз ждал их через два с половиной часа.

Путь к намеченной в подвале первой точке смены баллонов — подземному переходу — оказался перекрыт. Стена многоэтажного дома, подточенная взрывом, штормами и временем, рухнула прямо на дорогу, завалив проход и спуск в переход грудой битого кирпича, плитами перекрытия и скрученной арматуры.

Петрович выругался сквозь фильтр. Коротко, зло, но без паники.

— Придётся сразу ко второй намеченной точке топать, — сказал он, разворачиваясь. — К гаражу, — он осмотрелся,

намечая путь.

— Принято. — Матвей кивнул. Риск возрастал. Если в гараже что-то пойдёт не так — запасных вариантов останется всего два, и это требовало времени.

До гаража дошли без приключений. Спуск в подземный паркинг торчал из земли искореженным бетонным огрызком. Вход был полузавален, но пролезть можно.

Петрович полез первым, внимательно исследуя пространство, Матвей за ним.

Внутри было темно — хоть глаз выколи. Они включили фонари на шлемах, и жёлтые лучи вырвали из темноты ряды машин. Вернее, того, что от них осталось: проржавевшие остовы, покрытые слоем пепла, с выбитыми стёклами, спущенными шинами, развороченными двигательными отсеками.

В гараже пахло иначе, чем снаружи. Затхлостью, сыростью, но без химической горечи. Воздух был тяжелее, но чище, чем на улице. Для смены баллонов — приемлемо.

Работали быстро, молча. Петрович повернулся спиной к Матвею.

— Отстёгивай на счёт три, — предупредил он. — Раз, два, три! — Он втянул воздух во всю грудь, задержал дыхание.

Матвей быстро отстегнул его баллон, снял переходники, вытащил из крепления, аккуратно положил на пол и, взяв полный баллон, начал его крепить на спину Петровича. Закрепив, кратковременно нажал клапан продувки, стукнул по

плечу.

— Готово!

Раскрасневшийся Петрович с шумом выдохнул и вдохнул порцию из нового баллона.

Петрович то же самое проделал с баллоном Матвея.

Отстегнули пустые баллоны, прикрутили новые. Проверили давление, герметичность соединений. Всё в норме.

Пустые баллоны Петрович забросал хламом — ржавыми железяками, кусками пластика.

— На обратном пути заберём, — буркнул он.

И в этот момент Матвей краем глаза заметил движение. В углу, за грудами мусора, что-то шевельнулось. Матвей развернулся. Фонарь дёрнулся, выхватывая из темноты серую тень.

Крыса.

Огромная, размером с хорошую кошку, серая, с бельмом на левом глазу. Она сидела на задних лапах, принюхиваясь, и смотрела прямо на них. Смотрела долго, не мигая, будто изучала.

Потом, не спеша, развернулась и исчезла в щели между бетонными плитами.

Матвей выдохнул. Сердце колотилось где-то в горле.

— Крысы встретили крысу, — усмехнулся Петрович.

Матвей посмотрел на него. Сквозь мутное стекло шлема было видно, как тот кривит рот в улыбке.

— Чем она питается? — поинтересовался Матвей.

— А пёс её знает. Судя по размерам, чем-то питательным. И где-то ещё и воду находит.

— Интересно, что она подумала о нас? — спросил Матвей.

Петрович хмыкнул, поправил лямки рюкзака.

— Когда мы сдохнем, на наших телах можно будет пировать месяц. — Он махнул рукой в сторону выхода. — Пошли. Не расслабляйся.

Матвей кивнул и двинулся следом.

Снаружи их ждал всё тот же серый, пепельный мир. Дозиметр пощёлкивал — жёлтый, стабильно. Петрович уже прокладывал путь к выходу из гаражного лабиринта.

Матвей обернулся на секунду, посмотрел на щель, где скрылась крыса. Мутировавшая тварь. Ещё одно напоминание о том, что жизнь приспосабливается. Даже здесь. Несмотря ни на что.

Он догнал Петровича, и они двинулись дальше. Выбрались из гаража и замерли, прижимаясь спинами к холодному бетону стены. Дорога впереди была за пределами их прежних вылазок.

Петрович стоял неподвижно, только голова медленно поворачивалась из стороны в сторону, сканируя пространство. Глаза за мутным стеклом шлема щурились, привыкая к серому свету. Он слушал. Смотрел. Ждал.

Матвей замер у него за спиной, держа под прицелом тыл. Дозиметр на запястье пощёлкивал ровно — жёлтый, ста-

бильно. Пока стабильно.

Петрович поднял руку, сжатую в кулак. Стоп. Матвей замер, даже дышать старался тише. Сквозь фильтр это было трудно, но он привык. За столько времени привыкаешь ко всему.

Петрович сделал шаг вперёд, всё так же прижимаясь к стене. Ещё шаг. Остановился. Осмотрелся. Потом резко, пригнувшись почти до земли, пересёк открытое пространство — пятьдесят метров до груды битого кирпича, бывшей когда-то углом дома.

Матвей следил за ним, не отрывая взгляда. Он пытался понять, откуда могла прийти опасность. Ничего. Только пепел, тишина и серые тени домов.

Он достиг укрытия, вжался в кирпичи и замер. Снова осмотрелся. Медленно, методично, как учил когда-то Миша — тот, первый, кто выводил его наружу после первого Шторма. «Штиль — это не значит безопасно“. Штиль — это значит, что теперь тебя слышно за три квартала».

Прошло полминуты. Петрович поднял руку и махнул — коротко, резко.

Матвей рванул. Он бежал, пригнувшись, стараясь ступать бесшумно, но пепел предательски хрустел под ногами. Тяжёлый рюкзак с баллонами и лентами бил по спине, сбивал ритм. Пятьдесят метров показались километром. Секунды — вечностью.

Он влетел за укрытие, едва не врезавшись в Петровича, и

замер, тяжело дыша сквозь фильтр. Петрович уже смотрел в другую сторону, оценивая следующий отрезок.

Так они двигались. Медленно. Осторожно. Как звери, которые знают: один неверный шаг — и ты труп.

Перебежка. Замирание. Осмотр. Сигнал. Снова перебежка.

Город вокруг них был мёртв, но это ничего не значило. Мёртвые города опаснее живых — в них никто не крикнет, не предупредит. Только тишина, пепел и тени. И в каждой щели могла таиться опасность.

Матвей ловил себя на том, что постоянно оглядывается. Привычка, въевшаяся в кровь. Жора учил: «Смотри не только туда, где был, но и туда, где будешь через минуту. И туда, откуда никого не ждёшь».

Опять Жора. Матвей отогнал мысль. Сейчас нельзя. Сейчас надо смотреть.

Они миновали автобусную остановку. От неё осталось только два покосившихся бетонных столба с островом автобуса на месте для посадки.

Петрович замер у угла полуразрушенного магазина, поднял кулак. Матвей застыл, вжавшись в стену. Минута. Две.

Петрович всматривался вдаль, туда, где за пеленой пепла угадывались очертания высоток. Потом медленно, очень медленно, опустил руку и показал жест: «Всё чисто, идём».

Матвей выдохнул.

Следующий отрезок был самым опасным — открытое

пространство перед площадью. Там, справа, стоял остов многоэтажки, из которой простреливалась вся территория. Если там кто-то есть — они уже мертвецы.

Петрович смотрел на эту многоэтажку долго, очень долго. Матвей знал этот взгляд — старик просчитывал риски, искал вариант.

— Строить там укрытие, точку наблюдения — опасно. Шторму на этой площади ничего не мешает, он продувает здание насквозь, — прошептал Петрович, изучая чёрные проёмы окон. — До первого Шторма, да, там, скорее всего было пулемётное гнездо, несколько снайперов. Идеальная позиция. Но сейчас — нет, — он вздохнул. — Так что, идём тут.

Матвей посмотрел на здание. Слова Петровича его успокоили.

— Бежим по очереди, малой. Я первый. Ты прикрываешь.

Матвей кивнул, вскинул «наган».

Петрович рванул. Бежал он тяжело, грузно, но быстро — звериная скорость, которую дают годы выживания. Матвей следил за ним и временами поглядывал на окна многоэтажки. Чёрные провалы смотрели на него. Ни одного движения внутри. Ни одной подозрительной тени снаружи.

Петрович достиг укрытия — груды плит за бывшим фонтаном. Замер. Осмотрелся. Махнул.

Матвей побежал. Тяжёлый рюкзак мотало из стороны в сторону. Сердце колотилось где-то в ушах. Он бежал и счи-

тал про себя: раз, два, три, четыре, руки выше, шаги тише...

Влетел за плиты, едва не упав. Петрович подхватил его за лямку, удержал.

— Тихо, — прошипел сквозь фильтр. — Следи за дыханием.

Матвей дышал. Тяжело, рвано. Через минуту дыхание выровнялось.

Петрович уже смотрел дальше, на цель. Там, через дорогу, виднелся магазин. «СВЕТОСИЛА». Вывеска покосилась, держалась неизвестно на чём и жалобно скрипела под редкими порывами ветра. Витрины, когда-то сверкавшие чистотой и светом, теперь зияли чёрными провалами. Стёкол не было — ни одного целого. Только осколки по краям рам, похожие на зубы старого, больного зверя. Но коробка здания стояла. Это уже было хорошо.

— Почти на месте, — сказал Петрович. — Ещё один рывок.

Матвей кивнул, поправляя лямки, и поймал себя на странной мысли: они дошли. Без засад, без погони, без новых трупов и без обвалов. Просто дошли. В мире, где каждый выход мог стать последним, это уже можно было считать удачей. Он покосился на дозиметр — жёлтый, стабильный. Ветер шевелил пепел, но не поднимал его в воздух смертоносной взвесью. Даже небо, вечно бурое и хмурое, казалось сегодня чуть светлее.

— Пошли, — сказал Петрович и первым шагнул из-за

укрытия.

Матвей двинулся за ним, держа палец на спусковом крючке.

Впереди возвышалась цель. Здание стояло. Стены держали крышу. Значит, внутри могло что-то сохраниться.

Петрович замер у угла, прижавшись спиной к стене, и поднял руку — кулак. Стоп.

Матвей застыл за ним, тяжело дыша сквозь фильтр. Пробежка через открытое пространство вымотала, но адреналин ещё гулял в крови, не давая расслабиться.

Петрович повернул голову и показал жест: рука у шлема, пальцы растопырены, потом резко сжались в кулак и указали на Матвея.

«Осмотрись. Я прикрываю», — Матвей кивнул, хотя Петрович и не видел — только почувствовал движение.

Он отделился от стены и медленно, шаг за шагом, двинулся вдоль фасада, сканируя пространство.

Слева — пустая улица, заваленная обломками. Справа — остов вдавленного в стену грузовика, давно превратившегося в ржавый скелет. Прямо — дверной проём, чёрный, как вход в преисподнюю.

Он старался смотреть не только глазами. Он слушал. Каждый шорох, каждый скрип, каждое движение пепла под ветром. Нюхал воздух сквозь фильтр — бесполезно, химия забивала всё, но привычка осталась.

Ничего.

Ни движения. Ни звука. Ни тени в окнах. Ни «диких», ни «штыков», ни зарослей «веселухи», ни шума надвигающегося Шторма.

Матвей вернулся к Петровичу и показал жест: раскрытая ладонь, опущенная вниз — «чисто».

Петрович кивнул и первым шагнул к двери.

Глава 16

Дверь в магазин «СВЕТОСИЛА» когда-то была стеклянной, в алюминиевом профиле. Теперь от неё осталась только нижняя часть — погнутая, искорёженная, сорванная с петель и отброшенная в сторону. Мародёры поработали на совесть в первые дни. Или, может, не мародёры, а просто люди, спасавшиеся от того, что творилось снаружи. Какая теперь разница.

Петрович остановился на пороге, заглянул внутрь. В темноте ничего не было видно.

— Будь готов ко всему, — сказал он, и голос в наушниках прозвучал глухо. — Внутри могло всякое завестись.

Матвей кивнул. Оружие поднялось само собой, ствол смотрел в чёрный проём. Палец лёг на спусковую скобу.

Петрович шагнул внутрь первым.

Матвей — за ним, стараясь ступать бесшумно, но пепел, наметённый в дверной проём, противно хрустел под ногами. Они вошли в магазин.

Тьма сомкнулась вокруг, глухая и плотная. Только слабый свет сочился сквозь выбитые витрины, рисуя на полу длинные, косые полосы. Петрович включил фонарь на шлеме. Матвей за ним. Жёлтые лучи заметались по стенам, выхватывая из темноты остатки того, что когда-то было магазином электротоваров.

Перевёрнутые стеллажи. Битое стекло под ногами. Груды коробок, рассыпавшихся и истлевших. Провода, свисающие с потолка, как мёртвые лианы.

Пыль. Пепел. Тишина.

Матвей сделал шаг вглубь и замер, прислушиваясь. Где-то в глубине здания что-то капало. Ровно, мерно, как метроном. Больше ни звука.

— Работаем, — тихо сказал Петрович. — Быстро и тихо. Я ищу щётки, всякое по электрике, ты — светодиоды. Если что — сразу ко мне.

Матвей кивнул и двинулся в левую сторону зала, туда, где когда-то, судя по остаткам рекламы, лежали лампы и светильники.

Фонарь прыгал по стенам, выхватывая руины цивилизации. А он всё слушал. Слушал тишину, которая могла взорваться в любую секунду.

Они двинулись вглубь магазина, перешагивая через обломки и груды рассыпавшегося товара. Фонари на шлемах выхватывали из темноты груды мусора: пустые стеллажи, битое стекло, истлевшие коробки с когда-то яркими этикетками.

Матвей шёл первым, держа оружие наготове. Петрович прикрывал сзади, то и дело оглядываясь на вход. Где-то в глубине здания всё так же мерно что-то капало. Кап. Кап. Кап. Этот звук здесь, в мёртвой тишине, казался почти живым — и от этого ещё более жутким.

Они миновали ряд с кабелями — бухты проводов валялись на полу, перепутанные, покрытые слоем пыли. За ним начинался отдел светильников. Матвей уже представил, как они найдут целые лампы, диоды, и дело сделано.

Но судьба любила подкидывать сюрпризы.

Он вышел к прилавку — массивному, когда-то стеклянному, теперь перевёрнутому набок. И замер.

— Петрович, — выдохнул он в рацию. Голос сел, стал хриплым. — Тут это

Из-за прилавка, из трещин в бетонном полу, сочилась она.

«Веселуха».

Рыжий мох тянулся длинной, извилистой полосой, уходящей вглубь зала. Он стелился по полу, карабкался на стены, лез на потолок, покрывая их причудливыми разводами, похожими на сеть капилляров. Местами он рос клочьями — пушистыми, почти красивыми, если не знать, что это такое. Но в полутьме, при свете фонарей, он казался чем-то чудовищно чужим. Ядовито-рыжий, с тёмными прожилками, он слабо мерцал — то ли отсвечивал от ламп, то ли действительно светился сам, как гнилушка.

Матвей вспомнил, как Вера Павловна рассказывала про свечение, которое видела из подвала. Вот оно. Вблизи это выглядело ещё страшнее.

— Плохой знак, — прошептал Петрович, останавливаясь рядом.

Он смотрел на эту полосу мха, и даже сквозь стекло шлема

было видно, как побелели его губы. Рука с обрезом дрогнула и снова замерла.

Матвей сглотнул. В горле пересохло.

— Она тут везде, — сказал он, обводя фонарём стену. — Перекрывает проход вглубь.

Петрович молчал, оценивая. Потом тихо выругался — протяжно, многоэтажно, но без злости, скорее с обречённостью.

— Если эта дрянь тут разрослась, значит, фон должен быть приличный, — сказал он, косясь на дозиметр.

Матвей взглянул на запястье. Прибор щёлкал чаще, чем снаружи. Стрелка дрожала, перевалив середину жёлтого уровня, уверенно двигаясь к границе жёлтого и красного.

— Подбирается к красному, — доложил он.

— Значит, долго нам тут нельзя, — Петрович уже взял себя в руки. Голос стал жёстким, деловым. — Смотри, вон там, справа, проход есть. Чистый. — Он указал рукой. — Если по стеночке, можно обойти эту гадость.

Матвей присмотрелся. Действительно, справа, вдоль стены, оставалась узкая полоса чистого пола. «Веселуха» подходила к ней вплотную, но не переступала. Почему — бог весть. Может, воздух другой. Может, с бетоном что то не то.

— Идём, — скомандовал Петрович. — Только осторожно. Не наступи. И не дыши глубже, чем надо. — Он усмехнулся собственной шутке. — Хотя с фильтрами-то — но тут же осёкся, вспомнив, как недавно Матвей надышался кон-

центрированной дряни из склада.

Они двинулись вдоль стены, стараясь держаться как можно дальше от рыжих зарослей. Матвей чувствовал, как по спине ползёт холодок. Рассказ Семёна всплыл в памяти со всей отчётливостью: Сашка-электрик, зашедший в подвал, проросший изнутри «веселухой», улыбающийся мёртвой улыбкой, и при этом живой. И рассказ Петровича про него, когда он обнимал скелет в яме.

Мох был совсем рядом. Метр, не больше.

Матвей видел каждую деталь: тонкие, похожие на нити отростки, влажные, блестящие, будто покрытые слизью. Они тянулись из трещин в полу, карабкались по стене, и в дрожащем свете фонаря казалось, что они слегка шевелятся. Медленно, ритмично, будто дышат.

Он смотрел на них и не мог оторваться. Завораживающее, липкое очарование смерти.

«Не смотри на это», — раздалось в голове так отчётливо, что Матвей вздрогнул.

Голос Жоры. Хриплый, насмешливый, чуть с ленцой — такой, каким он был при жизни.

«Смотри под ноги, балбес.»

Матвей перевёл взгляд на пол. И вздрогнул. Ещё немного, и он бы наступил на мох. Он сдвинул ногу. Чистый бетон. Шаг. Ещё шаг. Ещё. Краем глаза он видел рыжее марево, но заставлял себя смотреть только вниз, только на серую, безопасную поверхность.

«Так-то лучше, — одобрил голос. — Всегда смотри, куда ставишь ногу. Всегда! Эта рыжая дрянь только для тех, кому жить надоело.»

Матвей сглотнул. Голос звучал так реально, так близко, что хотелось обернуться, проверить — а вдруг? Вдруг Жора стоит там, в темноте, за спиной, и ухмыляется своей обычной ухмылкой?

— Молодой! — голос Петровича ворвался в уши резко, грубо, разрывая наваждение. — Ты чего застыл? Нет времени думать! Воздух тает!

Матвей зажмурился. Сильно, до разноцветных кругов перед глазами. Потряс головой, будто пытаясь вытряхнуть из неё лишнее. Вдохнул поглубже — насколько позволял фильтр. Выдохнул.

— Принято, — ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

И пошёл. Глядя только под ноги. Так, как велел Жора.

Они миновали опасный участок и вышли в относительно чистый зал. Здесь «веселуха» тоже была — пятнами, клочьями, но не такими густыми. Видимо, фон здесь был слабее.

«Пригнись!» — заорал Жора где-то в глубине живота. Матвей инстинктивно согнулся.

С потолка, прямо над ним, словно лиана, свисал провод, облепленный мхом.

«Дурень! — шёпотом прохрипел голос Жоры. — Один глаз под ноги смотрит, второй на всё вокруг. А ты оба под

ноги вылупил.»

— Извини, — вырвалось у Матвея.

Петрович остановился, опёрся рукой о стеллаж, тяжело дыша.

— Ты о чём, молодой? — спросил он.

Матвей прикусил губу, зажмурился.

— Я это я сам с собой. Извинялся, что не вижу в темноте, как кошки, — солгал первое, что пришло в голову.

Петрович ухмыльнулся, двинулся, обходя свисающие провода.

— Пронесло, — выдохнул он, обойдя их. — Давай искать быстро. И сваливаем отсюда, пока эта дрянь нас не достала.

Матвей кивнул, но взгляд его ещё секунду скользил назад, туда, где в темноте мерцало рыжее зарево. Ему показалось, что в сплетении проводов, свисающих с потолка, показалось лицо Жоры.

Матвей отвернулся, мотнул головой, отгоняя видение, и шагнул в зал.

Работать. Надо работать.

Магазин встретил их запахом. Сырость, плесень и что-то сладковатое — приторное, тошнотворное, от чего даже сквозь фильтр подступало к горлу — обволокло их. Матвей поморщился, но промолчал. Вдыхай не вдыхай — выбора всё равно нет.

Внутри было хуже, чем снаружи.

Перевёрнутые прилавки, стеллажи валялись на полу, пе-

регородив проходы. Битое стекло хрустело под ногами, несмотря на все попытки ступать бесшумно. Груды какого-то хлама — коробки, упаковки, детали, названия которых они не знали, — громоздились в углах. Всё покрыто слоем пыли и пепла, занесённого сквозь выбитые витрины.

Матвей взглянул на запястье. Дозиметр пощёлкивал чаще, чем снаружи, стрелка дёргалась, но пока держалась в жёлтом секторе.

— Фон близок к границе с красным. Терпимо, — сказал он в рацию.

Петрович кивнул, не оборачиваясь. Он уже сканировал пространство, прикидывая, с чего начать.

— Работаем, — коротко бросил он. — Быстро.

Они разошлись в разные стороны, но держались в пределах видимости. Свет фонарей прыгал по стенам, выхватывая из темноты всё новые и новые свидетельства разгрома.

Матвей двинулся в сторону отдела светильников — там, где на уцелевших баннерах ещё можно было разобрать буквы. Но надежда таяла с каждым шагом.

Люстры, когда-то висевшие под потолком, валялись на полу, разбитые вдребезги. Лампочки — обычные, бытовые — были переколоты, будто кто-то специально прошёлся по ним палкой. Стёкла хрустели под ногами, и каждый шаг отдавался в тишине противным скрежетом.

Он перебирал обломки, водил фонарём по полкам, заглядывал в ящики. Ничего. Обычные лампы накаливания, га-

логенки, пара разбитых люминесцентных трубок. Фитоламп не было.

— Есть что? — спросил Петрович из другого конца зала.

— Пока пусто, — отозвался Матвей.

Он продолжал искать, но с каждой минутой отчаяние росло. Валера, конечно, был теоретиком, а не практиком. Он не учёл простой вещи: обычные люди не покупают фитолампы в обычных магазинах. Их заказывают через интернет или берут в специализированных точках. А здесь — обычный магазин электротоваров для обычных нужд обычного дома.

Матвей остановился, опёрся рукой о стеллаж, перевёл дух. Сердце колотилось, хотя физической усталости почти не было. Это было другое — страх, что всё зря. Что они рисковали, шли через «веселуху», тратили кислород — и всё впустую.

Он посмотрел на потолок, на стены, на груды мусора вокруг. Где здесь можно найти синие светодиоды? В какой щели они могли заваляться?

И тут из рации донёсся голос Петровича. Спокойный, деловой, без тени отчаяния:

— Есть щётки. И инструмент всякий.

Матвей обернулся. Петрович стоял в отделе электроинструментов, держа в руках какую-то коробку. В ней лежала дрель в пластиковом кейсе. Рядом было несколько целлофановых упаковок с щётками. Петрович уже ковырялся в них.

— Графитовые, — сказал он, вытаскивая маленькие чёр-

ные брусочки. — Новые. Несколько разных пакетов возьму. Валера сам разберётся, что нужно.

Матвей кивнул. Хоть что-то.

Он вернулся к поискам, но энтузиазма поубавилось. Петрович, закончив с щётками, подошёл к нему.

— Что тут?

— Пусто, — Матвей обвёл рукой разгромленный отдел. — Ламп нет. Всё перебили. А фитолампы здесь могли и не продавать.

Петрович помолчал, оценивая обстановку.

— Валера, конечно, расстроится, — сказал он наконец. — Но мы не затем сюда шли, чтобы руки опускать. Смотри вон там, — он указал на подсобку в глубине зала. — Если что и могло уцелеть, то там.

Матвей посмотрел на дверь подсобки. Обычная, деревянная, обитая железом. Закрыта.

— Может, заминировано? — спросил он.

— Может, — пожал плечами Петрович. — Но не похоже. Мародёры в первые дни всё крушили, на растяжки времени не было. А после сюда мало кто совался — вон «веселуха» у входа кого хочешь отпугнёт.

Он шагнул к двери, прислушался. Матвей встал рядом, держа оружие наготове.

Тишина. Только капает где-то вода.

— Открываем? — спросил Матвей.

Петрович посмотрел на него, и даже сквозь стекло шлема

было видно, как блеснули его глаза.

— А ради чего мы сюда шли?

Матвей отодвинул ногой груду упаковочного картона, освобождая проход к двери. Старая, деревянная, обитая железом. И приоткрытая — на палец, не больше.

Матвей замер, прислушиваясь. Из-за двери — ни звука. Только всё та же капель где-то в глубине здания.

Он обернулся к Петровичу. Тот уже стоял рядом, вглядываясь в щель.

— Я первый, — одними губами сказал Петрович и показал жест: ладонь, прижатая к груди, потом вперёд.

Матвей кивнул, отступил на шаг, давая Петровичу пространство, и вскинул оружие, целясь в дверной проём.

Петрович осмотрел косяк, затем, как мог, через щель, осветил внутри.

— Чисто. Не вижу растяжек. — И толкнул дверь ногой — резко, неожиданно. Та с противным скрипом распахнулась, ударившись о стену. Петрович, не ожидая этого, присел от неожиданности. Затем осветил проход, всмотрелся в поисках ловушек и нырнул внутрь, пригибаясь, держа обрез наготове.

Матвей пошёл за ним.

В подсобке было темно. Даже темнее, чем в зале. Фонари на шлемах заметались по стенам, выхватывая узкое помещение, заставленное стеллажами. Коробки. Много коробок. До самого потолка. Какие-то были вспороты. Из них кишкой

были вывалены провода разного сечения. Из каких-то порезов свисала пластмасса дешёвых светильников.

Пахло здесь иначе — бумагой, картоном, старой пылью. И ни капли той сладковатой вони, что тянулась из зала.

— Чисто, — выдохнул Петрович, опуская обрез.

Матвей прошёл вглубь, водил фонарём по полкам. На глаз — ничего особенного. Бытовая техника, запасные части, какие-то уценённые товары.

И тут луч упёрся в надпись.

Коробки. Целая стопка. На боку каждой — крупно, типографским шрифтом: «LED лента, 12В, RGB, 5м».

Матвей замер. Сердце ёкнуло, забилось где-то в горле.

— Петрович, — позвал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Сюда.

Петрович подошёл, встал за плечом. Посмотрел на коробки, на надпись.

— Это то? — спросил он.

— Не фитосвет, — ответил Матвей, уже вскрывая верхнюю коробку дрожащими руками. — Но там должны быть синие светодиоды. RGB — это красный, зелёный, синий. Если есть синие диоды — Валера что-нибудь придумает. Я так думаю.

Он разорвал картон, запустил руку внутрь. Пальцы нащупали тугие мотки ленты. Он вытащил одну, поднёс к глазам, направил фонарь.

Мелкие, квадратные светодиоды сидели на гибкой полосе

ровными рядами. Белые, жёлтые, красные — и синие. Много синих. Целые, не повреждённые, не выпаянные, не разбитые.

Матвей смотрел на них и не верил своим глазам.

— Есть, — выдохнул он. — Петрович, они есть.

Он обернулся. Петрович стоял рядом, смотрел на ленту, и даже сквозь мутное стекло шлема было видно, как у него дрогнули уголки губ.

— Бери всё, — сказал он коротко. — Все коробки, сколько унесём.

Матвей кивнул и, не теряя ни секунды, начал заталкивать коробки в рюкзак. Ленты были лёгкими, но места занимали много. Он набил свой рюкзак до отказа, потом принялся набивать другой.

— Хватит, — остановил его Петрович, когда второй рюкзак тоже раздулся до предела. — Не надорвись. Нам ещё тащить это обратно. И баллоны, и дрель, и щётки. И я тут ещё автоматы на 16 и 32 ампера положил. А то Валера жаловался, что от короткого замыкания у нас беда может случиться.

Матвей остановился, посмотрел на груду коробок, оставшихся на стеллаже. Жалко было бросать. Но Петрович прав — не унести.

— Запомним место, — сказал он. — Если надо будет, ещё сходим.

Петрович хмыкнул:

— Если надо будет. А сейчас — валим отсюда, пока эта дрянь у входа не передумала нас пропускать.

Он закинул рюкзак на плечи, проверил обрез и первым двинулся к выходу из подсобки.

Матвей застегнул последний клапан, оглянулся на оставшиеся коробки и шагнул за ним, уже представляя, как они выберутся наружу, как Вера Павловна будет разглядывать ленты, как Валера начнёт паять. Мысль о возвращении согревала, отодвигала страх на задний план.

И в этот момент пришёл звук. Снаружи. Из торгового зала.

Шорох.

Матвей замер. Рука, ещё секунду назад поправлявшая лямку, застыла на месте. Он повернул голову к двери подсобки, прислушиваясь.

Шорох повторился. Теперь яснее — кто-то двигался по битому стеклу. Медленно. Осторожно. Скрип-хруст, скрип-хруст.

Матвей взглянул на Петровича. Тот уже выключил фонарь — тьма стала абсолютной, хоть глаз выколи. Матвей сделал то же самое, и темнота накрыла их с головой, плотная, как одеяло.

Они стояли, не дыша. Только сердце колотилось где-то в горле, и этот стук казался оглушительным в мёртвой тишине.

Рука Петровича нащупала его локоть, сжала — сильно, до боли.

«Стой! Замри».

Матвей замер, превратившись в камень.

Глава 17

Стоя в абсолютной темноте подсобного помещения, Матвей вслушивался в звуки, доносившиеся из торгового зала. Сердце колотилось, дыхание стало хриплым. Но это не мешало.

Звук приближался. Скрип стекла под ногами — теперь совсем рядом, метрах в десяти от двери подсобки. Кто-то или что-то двигалось среди руин, шуршало картоном, задевало стеллажи.

И хрипло дышало. «Кхе-е хи-и-им, кхе-е хи-и-им».

Матвей представил, как эта тень крадётся в темноте, и по спине пополз холодок. Он уже хотел сместить вес тела на другую ногу.

— Замри! — шёпот Жоры остановил его.

Потом звук стал удаляться. Скрип-хруст, скрип-хруст — но теперь тише, дальше.

Затем раздался скрип металлической двери. Противный, заунывный, он разнёсся по пустому магазину и затих.

Тишина.

Матвей считал про себя. Пять секунд. Десять. Тридцать. Минута. Две. Три.

Ни звука.

Петрович дышал рядом — тяжело, с хрипом, но старался делать это бесшумно. Его рука всё ещё сжимала локоть

Матвея.

— Уходим, — прошептал он наконец. Голос в наушниках прозвучал тихо.

Они включили фонари. Свет резанул по глазам, Матвей прищурился, привыкая, и шагнул к выходу из подсобки.

«Смотри под ноги!» — вспомнил он урок Жоры.

Первое, что бросилось ему в глаза, когда он посмотрел на пол, — следы.

На пыльном, заваленном мусором полу чётко отпечатались их собственные следы, подошвы — знакомые по сотням вылазок. Они вели от двери к стеллажам, путались, возвращались.

А рядом — другие.

Матвей замер, направив луч вниз. Босые ноги. Отпечатки пальцев, пяток, сводов. Много. Целая дорожка следов, уходящая в сторону, противоположную выходу. Она начиналась прямо у зарослей «веселухи» и шла через центр далее.

Некоторые уже присыпало пылью — старые, оставленные давно. Но были и свежие. Совсем свежие — пыль вокруг них ещё не осела, края чёткие.

Матвей сглотнул. Они зашли вдоль стенки, где не было следов. И в пылу поисков в зале они не обращали внимания на пол. А надо было. Надо было смотреть под ноги всегда.

Он поднял руку, показал Петровичу жест: «Опасность». Потом указал на следы. Петрович посмотрел, и даже сквозь стекло шлема было видно, как напряглось его лицо. Он повёл

фонарём по направлению следов.

Луч упёрся в дальний угол торгового зала. Там, за грудами хлама, виднелась тяжёлая металлическая дверь. Чёрная, массивная, с ржавыми петлями. Приоткрытая. Совсем чуть-чуть — на ладонь.

Все следы вели туда.

Петрович медленно, очень медленно, шаг за шагом, двинулся к двери. Матвей прикрывал, держа наган наготове. Каждый шаг давался с трудом — ноги будто налились свинцом.

Петрович подошёл к двери. Замер. Стоял долго, не решаясь заглянуть. Потом чуть наклонился, заглянул в щель — и тут же отпрянул, вжался в стену, будто его ударило током.

Матвей подскочил к нему, встал рядом, сжимая оружие.

— Там ночлежка «диких», — прошептал Петрович в рацию. Голос его сел, стал хриплым, как наждак. — Большинство спят стоя, как истуканы, с закрытыми глазами. Вся комната ими забита.

Матвей почувствовал, как по спине побежал холодный пот. Он сглотнул, пересилил себя и тоже шагнул к двери. Набрался смелости и заглянул внутрь.

Большая комната — пустое складское помещение — было полностью занято «дикими».

Большинство стояли.

Не лежали, не сидели — именно стояли, плотно прижавшись друг к другу, как скот в загоне. Человек двадцать, мо-

жет, больше. Кто в рваной одежде, превратившейся в лохмотья. Кто голый, с кожей, покрытой струпьями и язвами. Кто без волос, с черепами, обтянутыми серой, больной кожей. Грязные, страшные, с ранами, которые были бы смертельны для обычного человека, — но они стояли.

Матвей опустил взгляд. На земле лежали те, у кого были проблемы. У кого-то не было ноги, у кого-то были вывихнуты суставы.

Их глаза были закрыты. Они спали — если это можно было назвать сном. Стоя, как истуканы, покачиваясь, но не падая. Кто-то подпирал головой стену, кто-то — соседа. Пол под ними был изгажен. Рты приоткрыты, из некоторых тянулись тонкие нити слюны.

Матвей смотрел на них и не мог оторваться. Секунда. Две. Три. Страх сковал тело, не давал пошевелиться.

Он видел, как у одного, стоящего ближе всех, дрогнуло веко. Всего на миг. Но Матвею показалось, что этот взгляд прожёг его насквозь.

«Хватит!» — прозвучал шёпот голосом Жоры.

Он отшатнулся от двери, вжался в стену рядом с Петровичем. Дышал тяжело, рвано, сквозь фильтр. Петрович смотрел на него. В глазах старика не было паники — только холодная, звериная собранность.

— Тихо, — одними губами сказал он. — Тихо. Мы уходим. Сейчас.

Матвей кивнул. Да, уходим.

Но взгляд его задержался на двери. Металлическая, тяжёлая, с приваренными ушками для замка. Ушки пустые. Замка нет.

Он обернулся, окинул взглядом заваленный пол. Невдалеке, среди груды строительного мусора, лежал кусок тонкой арматуры или проволоки — около метра длиной, чуть погнутый.

Матвей не думал. Ноги сами понесли его к арматуре, руки сами подняли, взвесили, оценили. Годная. Он вернулся к двери.

Петрович смотрел на него, не понимая. Хотел что-то сказать — и не успел.

Матвей упёрся плечом в холодный металл дверной створки. Дверь поддалась — тяжело, со скрипом, но пошла. Скрипя, словно жалуясь на свою судьбу, дверь с шумом закрылась. Железные ушки на дверном косяке и на створке сошлись с глухим, окончательным лязгом.

Матвей просунул арматуру в оба ушка — раз, два. Теперь дверь не открыть изнутри. Никому.

Он упёрся ногой в дверной косяк, надавил всем телом на арматуру, сгибая её. С одной стороны. Потом с другой. Сильно, насколько хватало сил. Так, чтобы не соскочила. Чтобы те, кто внутри, не смогли её выбить, даже если будут ломиться всем скопом, всей своей обезумевшей массой.

Он замуровал их.

Всю эту Он замер, подыскивая слово. Не хотелось назы-

вать то, что осталось за дверью, «Семьёй». Это слово принадлежало другим. Тем, кто ждал в подвале, в убежище.

«Выводок», — всплыло откуда-то из памяти. Не семья. Выводок. Свора. Так точнее.

Из глубины сознания, из той тёплой темноты, где ещё жил голос Жоры, раздалось одобрительное:

— Молодца, молодой! — Голос был довольным, почти радостным. — Моя школа!

Матвей кивнул, тяжело дыша. Слова были не нужны. Школа выживания, которую он прошёл с Жорой, только что сдала очередной экзамен. И экзаменатор поставил высшую оценку.

Два десятка тварей, спящих стоя, ждущих ночи, чтобы выйти на охоту, — остались внутри. За тяжёлым металлом двери и изогнутой арматурой.

Матвей выпрямился, перевёл дух. Посмотрел на Петровича.

— Теперь пойдём, — прошептал он.

Петрович смотрел на него. Молча. Долго. В глазах старика мелькнуло что-то — удивление? Уважение? Он и сам не знал. Просто смотрел, будто видел Матвея впервые.

Потом кивнул. Коротко. Один раз.

— Пошли, — сказал он.

Они двинулись через зал.

«Веселуха» провожала их рыжим мерцанием. Сладковатый запах давил на фильтры, но они уже не обращали вни-

мания. Шли быстро, не глядя по сторонам.

Разбитый вход. Серый, пепельный свет снаружи. Свобода.

Они выскользнули из магазина, и Матвей вдохнул полной грудью — насколько это вообще было возможно сквозь фильтр. Воздух снаружи казался чистым после той сладковатой вони.

Они отошли на безопасное расстояние, за груду битого кирпича, и только там остановились.

Матвей обернулся. Магазин стоял на месте, такой же серый и мёртвый, как и час назад. Никто бы не сказал, что внутри, за тяжёлой дверью, заперты два десятка тварей, ждущих ночи.

Там, в темноте склада, они ждали. Чтобы выйти на охоту. Но они уже не выйдут. Не сегодня. Не завтра. Может быть, никогда. Если, конечно, арматура выдержит. Если дверь не поддастся. Если голод не придаст им сил, о которых Матвей даже думать не хотел.

— Пошли, — позвал Петрович. — Надо уходить, пока нас кто другой не нашёл.

Матвей кивнул и двинулся за ним.

Они выбирались наружу так же осторожно, как входили — прижимаясь к стенам, замирая на каждом шагу, вслушиваясь в тишину.

Но вокруг было пусто.

Серый свет, пепел, руины — и ни души. Ни «диких», ни «штыков», ни намёка на Шторм. Будто сам город давал им

уйти.

Петрович выдохнул, когда они отошли от магазина метров на пятьдесят. Остановился, опёрся спиной о стену полуразрушенного ларька.

— Даже не верится. Первый раз я вижу их ночлежку. Надо валить отсюда, пока везёт, — сказал он. — Быстро, но аккуратно. Не расслабляйся.

Матвей кивнул. Расслабляться он и не думал.

Они пошли.

Сначала быстрым шагом, потом, когда открытое пространство осталось позади, перешли на лёгкий бег. Не тот бег, когда спасаешься от погони, — экономный, размеренный, насколько позволяли тяжёлые рюкзаки и баллоны за спиной.

Усталость наваливалась с каждым шагом. Ноги гудели, плечи резало лямками, но адреналин всё ещё гнал вперёд, не давая остановиться.

Матвей чувствовал вес рюкзака. Там, за спиной, лежали ленты. Целые коробки со светодиодами. Синими. Нужными. Огород можно расширить. Теперь у Веры Павловны будет её огород. Настоящий, большой, с зеленью. С витаминами. С жизнью.

Мысль эта грела сильнее, чем любая печка.

«Неужели получилось?» — думал он, перепрыгивая через груду битого кирпича. — «Неужели у них будет своя зелень в избытке?»

Он поймал себя на том, что улыбается. Сквозь усталость, сквозь страх, сквозь въевшийся в лёгкие запах пепла — улыбается.

Ирка обрадуется. Сначала, когда будет разглядывать ленты светильников. Потом, когда Валера будет проверять их. Она будет сидеть рядом с Верой Павловной и смотреть, как растут настоящие листья. А может, даже помогать. Поливать. Рыхлить.

«Малой, под ноги смотри, а не в мечтах летай», — голос Жоры прорвался в его сознание.

Матвей мотнул головой, отогнал мечты. Сейчас надо было смотреть под ноги и по сторонам.

До гаража дошли без происшествий. Вход всё так же зиял чёрной дырой, готовой проглотить их с головой.

Спустились. В гараже было темно, сыро и тихо. Только вода капала где-то в глубине — мерно, усыпляюще.

Меняли баллоны быстро, молча. Руки делали своё дело на автомате: отстегнуть пустые, пристегнуть полные, проверить давление, проверить герметичность. Пустые баллоны распределили между собой, положили в мешки, взвалили на спину.

— Оставлять нельзя, — сказал Петрович. — Слишком ценная вещь.

Матвей кивнул. Очень ценная.

Они постояли минуту, прислушиваясь. Тишина. Только капли.

— Идём, — сказал Петрович и первым двинулся к выходу.

Матвей шагнул за ним, но на секунду задержался, окинул взглядом гараж. Темнота, ряды мёртвых машин, груды хлама, разбросанные по углам.

«Груды полезного хлама», — поправил он сам себя.

Он смотрел и старался запомнить. Каждая деталь, каждая железяка могли оказаться тем, что Валера превратит в тепло, в свет, в защиту. Машины наверняка напичканы электроникой. Аккумуляторы, генераторы, стартёры, реле, провода — всего этого Валере вечно не хватало. Вон там, у стены, валяется разобранный двигатель — если у него уцелел ротор или обмотки, механик с руками заберёт, не глядя. А вон те ящики у входа — может, запчасти, может, инструмент.

Матвей вглядывался в темноту, пытаясь зафиксировать в памяти расположение всего, что видел. Потом, в разговоре с Валерием, какая-нибудь случайная деталь может всплыть, и память оживит то, что сейчас он просто осматривал. Валера скажет: «Вот бы нам стартёр от Волги“», — а Матвей вдруг вспомнит: «Там, в гараже, в углу валялся». И пойдут. И найдут. И снова жизнь станет чуть легче.

Он кивнул сам себе и шагнул к выходу, на свет.

Точнее, в серость. Но после этой тьмы даже серый пепельный свет казался спасением.

Он вышел наружу, и серый свет снова ударил по глазам. Вдохнул поглубже — насколько позволял фильтр.

Впереди лежала дорога. Дорога домой.

Последний рывок.

Финальный отрезок пути давался тяжелее всего. Дополнительный груз впивался сквозь лямки в рёбра.

Небо начинало темнеть — если эту серую, пепельную муть можно было назвать небом. Сумерки сгущались, и город становился ещё более зловещим. Чёрные провалы окон в разрушенных домах смотрели им вслед, как пустые глазницы. Каждый проём казался входом в ловушку, каждая тень — затаившимся врагом.

Матвей шёл и считал шаги. Про себя, чтобы не сбиться, не провалиться в липкую тишину, где мысли начинают грызть друг друга. Шаг — раз, шаг — два. Главное — не думать о том, что из-за любого угла может выскочить стая «диких», что патруль «штыков» может ждать за следующим поворотом, что встретят другие «крысы».

Или заговорит Жора.

Он не боялся его. Нет. Жора был своим, даже мёртвый. На самом деле Матвей боялся другого — что однажды поймёт: голос в голове — это не память, не рефлексы, а тихое, неумолимое сползание в пропасть рассудка. Шизофрения. Паранойя. Диагноз, которого в этом мире не ставит только ленивый.

«Хотя — задумался Матвей, перешагивая через трещину в асфальте. — В магазине этот голос пару раз спас мне жизнь. Подсказал, куда смотреть, где опасность. Что это бы-

ло? Мои рефлексы, упакованные в интонацию Жоры? Или»

Он запнулся, боясь закончить. Или кто? Или нечто большее, чему нет имени в их выжженном мире?

Он не дал мысли достроиться. Обрубил её, как перерубают канат, на котором раскачиваешься над пропастью. Слишком страшно. Слишком близко к той черте, за которой можно потерять себя окончательно.

«Смотри под ноги. Смотри на Петровича. Думай о живых, а не о мёртвых».

Шаг. Ещё шаг. Впереди маячил силуэт Петровича — живой, настоящий, без фантомных голосов.

Матвей ускорился, отгоняя мысли, которых страшился. Оставив их там, в пыли, под ногами.

Они шли молча. Усталость навалилась на плечи тяжёлым грузом, каждый шаг давался с трудом, но Матвей почти не замечал этого. Мысли были заняты подсчётом шагов.

Впереди, за очередным поворотом, показалась высотка.

Та самая. Которую он стал бояться. Которая стала для него проклятием — тихим, неотвязным, впившимся в память, как тот самый кусок арматуры в тело Жоры.

Матвей сбавил шаг, не в силах отвести взгляд от серой громады.

«Я боюсь её. Хочу избежать, прошмыгнуть незаметно — и всё равно возвращаюсь. Судьба снова и снова выталкивает меня к»

Он не договорил. Да и не нужно было. Он знал, к чему

его выталкивает. К Жоре. К тому месту, где всё оборвалось. Где он нажимал на спуск, пока патроны не кончились. Где оставил часть себя навсегда.

Матвей знал, чувствовал шестым чувством, той самой «крысиной» интуицией, которая не раз спасала ему жизнь: чем больше он будет избегать эту высотку, тем сильнее его будет сюда выпихивать. Словно невидимая пружина сжималась с каждым его шагом в сторону — и распрямлялась, возвращая на место.

Он остановился на секунду, перевёл дыхание. Сжал лямки рюкзака.

Матвей напрягся. Каждой клеткой, каждым нервом. Он ждал.

Жора должен был заговорить. Обязательно. Он ведь всегда появлялся в самые неподходящие моменты — едкий, насмешливый, бесцеремонный. Сейчас самое время. Ну же. Сейчас, когда они проходят мимо места, где его сожгли.

Но Жора молчал.

Матвей ждал. Прислушивался к себе, к той пустоте внутри, откуда обычно приходил его голос. Тишина. Только ветер лениво шуршал по улице да пепел хрустел под ногами.

Жора молчал.

«Ну же. Где ты?» — сердце Матвея забилось быстро, ожидая неизбежного. Но неизбежное всё никак не наступало. Оно молчало.

И в этом молчании был укор. Более тяжёлый, чем любые

слова.

Матвей остановился. Сбросил рюкзак на землю — тот глухо стукнулся о пепел, подняв серое облачко.

— Петрович, — голос прозвучал хрипло, чужим, будто не его вовсе. — Дай десять минут перекура. Мне надо.

Петрович замер, обернулся. В его взгляде мелькнуло недоумение — с чего вдруг? До дома рукой подать.

— До дома рукой подать, какие перекуры? — старик нахмурился, покосился на небо. — Темнеть скоро будет.

Матвей не ответил. Только стоял, глядя куда-то в сторону, и молчал.

— Да тут-то осталось! — не унимался Петрович, ворчливо, но без злости — скорее по привычке. — Раз, два — и дома. Там и отдохнёшь.

Матвей шагнул к нему. Всего два шага, но в них было столько, что старик вдруг замолк.

— Петрович, — повторил парень, и в этом коротком имени прозвучало что-то такое, отчего спорить расхотелось. — Надо мне.

Петрович посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. Потом обвёл глазами окрестности — высотку, пустынный перекрёсток, серую пелену пепла, из которой едва проступали остовы домов. Всё было тихо. Пусто.

И взгляд его сам собой упёрся в яму.

Ту самую.

Где они с Семёном раздевали Жору. Где обмывали его те-

ло. Он вспомнил, как они прощались. Как слёзы катились по щекам, прожигали лицо, а он не мог их вытереть — только жмурился, стискивал зубы. Как они, два старика, он и Семён, стояли над телом и вспоминали. Сначала Жору. А потом — всё.

Как сжигали. Как пламя пожирало последнее, что осталось от человека, с которым они делили хлеб и опасность. А Матвей в то время лежал в подвале, бредил, метался в горячке, и Вера Павловна вытирала ему лоб мокрой марлей.

Петрович всё понял.

— Я тут, возле стенки постою, — сказал Петрович коротко. Спустил рюкзак и связку пустых баллонов на землю, отошёл к стене, прислонился спиной, достал обрез и замер, вглядываясь в сумрак.

— Спасибо, — сказал Матвей глухо. — Я отключу рацию на время.

Он щёлкнул тумблером рации — в эфире повисла тишина.

Матвей развернулся и пошёл к яме.

Глава 18

Петрович смотрел вслед Матвею.

Матвей отошёл от него, с каждым шагом приближаясь к месту сожжения Жоры. Парень шёл медленно, будто ноги налились свинцом. Подошёл к краю, замер. Стоял неподвижно, глядя вниз, в чёрный провал.

Потом начал говорить.

Петрович не слышал слов — рация была отключена. Но он видел, как двигаются плечи Матвея под слоями костюма, как он слегка разводит руками — жесты были спокойными, почти мирными. Будто рассказывал кому-то, как прошла вылазка, что нашли в магазине, как возвращались.

Петрович отвернулся, не желая подглядывать. Посмотрел на руины, на серое небо, на дозиметр. Всё чисто. Тишина.

Краем глаза он всё равно видел. Надо смотреть. Страховать.

Матвей вдруг опустился на колени. Резко, будто ноги подкосились. Руки его дёрнулись, заходили быстрее — Петрович уловил резкие, отрывистые жесты. Спор? Мольба? Объяснение? Он не знал. Но что-то там происходило. Что-то, что выворачивало парня наизнанку.

Петрович сжал обрез крепче. Не от угрозы — от бессилия. Нечем помочь. Не влезешь. Там своё, личное, ему нельзя вмешиваться.

Потом жесты стали медленнее. Матвей замер, опустив руки на колени. Наклонил голову, будто слушал. Долго сидел так, не шевелясь. Казалось, он превратился в часть этого мёртвого пейзажа — ещё одна фигура из пепла и тишины.

Пепел покрывал его. Поникшую голову. Плечи. Порыв ветра смёл нанесённое, и Матвей качнулся. Затем он протянул руку, наклонился к яме, что-то подхватил. Распрямился и разжал пальцы.

Из них посыпалась земля и пепел. Тот, что падал с небес, и тот, что остался от Жоры.

Петрович смотрел на него и понимал, с кем он разговаривал. Спорил, просил прощения, оправдывался — и получил ответ. Какой — неизвестно, но получил.

Петрович не торопил. Он стоял в тени полуразрушенной стены, прислонившись плечом к холодному кирпичу, и смотрел, как фигура Матвея замерла на краю ямы. В наушниках было тихо — ни дыхания, ни слов. Только далёкий вой ветра да шорох пепла, оседающего на визоры.

«Вот так оно и бывает, — думал Петрович, не сводя глаз с парня. — Спасаешь человека от верной смерти. Сближаешься с ним. Обретаешь друга. Он спасает тебя. А потом ты убиваешь друга, чтобы он не утянул тебя следом. Живёшь дальше. Таскаешь эту тяжесть в груди, как мешок с пеплом. А потом всё равно возвращаешься к яме. Не за телом — за прощением и прощанием. Или просто чтобы постоять рядом с тем, что от него осталось».

Матвей поднялся. Медленно, тяжело. Отряхнул колени, развернулся и пошёл обратно. Походка стала другой — не той, с которой он подходил к яме. Спокойнее.

Щёлкнул тумблер рации.

— Я всё. Идём домой? — его голос звучал ровно.

Петрович посмотрел на него. Глаза парня за стеклом рассмотреть ему не удалось.

— Идём, — кивнул старик и, кряхтя, подхватил свой рюкзак и баллоны.

Они пошли.

В эфире было тихо. Но Петровичу казалось, что теперь они идут не вдвоём.

Петрович свернул во дворы, прижимаясь к тротуарам, туда, где пепел лежал плотнее и шаги тонули в нём без следа. Через час из серой мглы начали проступать знакомые очертания — их улица, их дом, их убежище.

Родной подвал встретил их знакомой грудой обломков у входа, приметами, которые знал каждый его обитатель, выходивший наружу: кривой фонарный столб, груда битого кирпича, ржавый остов машины.

Петрович остановился у двери, снял с пояса молоток. Три удара.

Пауза.

Ещё три.

За дверью послышалось движение — скрип тросиков, которые Семён дёргал, смахивая пепел с линз перископа. Мат-

вей представил, как тот сейчас прильнул к окуляру, вглядывается в их силуэты, пытаясь разглядеть сквозь мутное стекло — свои или чужие.

Матвей раздвинул руки в стороны и медленно повернулся вокруг себя.

Пароль. Прошла секунда. Другая.

Лязг засовов. Тяжёлый, привычный, родной звук. Дверь открылась.

В проёме стоял Семён. Обрез на изготовку, лицо бледное, осунувшееся — видно, не спал всё время, пока их не было. Но в глазах — облегчение. Глубокое, почти болезненное облегчение.

Он молча кивнул, приглашая войти. Они вошли.

Дверь закрылась. Засовы лязгнули один за другим. Мир снаружи остался там, за свинцом, железом и бетоном.

— В кабинку, отмываться, — только и сказал Семён.

Процедура дезактивации была привычной до автоматизма. Один, второй. Скинуть костюмы, оставить их в «жёлтой» — Семён потом подберёт, проверит, уберёт. Матвей стащил с себя тяжёлый, пропитанный потом и страхом комбинезон, повесил на крюк. Пальцы дрожали от усталости, но он справился.

Они с Петровичем вышли в коридор. И тут из темноты вылетела Ирка. Она вцепилась в Петровича, обхватив его за ноги, прижалась щекой к колену. Молча. Беззвучно. Только плечи её вздрагивали.

Петрович замер. Сверху вниз смотрел на эту маленькую фигурку, вцепившуюся в него мёртвой хваткой. Потом аккуратно, стараясь не напугать, погладил по голове.

— Ну-ка, шмакодявка, — сказал он ворчливо, но голос предательски дрогнул. — Бегом в гостиную. Ишь чего удумала — на холодном полу сидеть.

Ирка подняла голову, посмотрела на него заплаканными глазами и улыбнулась. Потом перевела взгляд на Матвея — и улыбнулась ещё шире.

Матвей кивнул ей. Всё хорошо. Вернулись. Как я и обещал.

Ирка разжала руки и убежала в гостиную, шлёпая босыми ногами по бетону.

Из-за угла выглянула Вера Павловна. За её плечом маячил Валера — взлохмаченный, с вечной своей озабоченностью на лице.

Петрович посмотрел на жену. Устало, но с тем особым выражением, которое появлялось у него только когда он возвращался.

— Есть добыча, — коротко сказал он.

Вера Павловна ничего не ответила. Только кивнула и пропустила их в комнату.

Они вошли.

Гостиная встречала их теплом печки, запахом травяного чая и тихим уютом, который здесь, в подвале, казался почти нереальным после всего, что они видели снаружи. Ирка уже

сидела на своём месте, болтая ногами.

Перед Верой Павловной лежала россыпь светодиодных лент. Она рассматривала их с таким благоговением, будто это были не куски пластика с крошечными диодами, а священные артефакты, реликвии из прошлого мира. Пальцы её, въевшиеся запахом дезинфекции, осторожно касались лент, гладили, переворачивали.

Валера сидел рядом и уже через минуту не выдержал. С хмурым видом он пододвинул к себе одну ленту, достал мультиметр — стрелочный, старый, потрёпанный, но всё ещё работающий — и принялся изучать. Щупы касались контактов, стрелка прибора дёргалась.

Петрович пил чай. Просто сидел и пил эту тёплую, чуть сладковатую воду, глядя поверх кружки на Веру, на Валеру, на Матвея. В глазах его, обычно жёстких и собранных, сейчас читалось что-то другое. Усталость? Облегчение? А может, просто тихая радость от того, что все живы и сидят здесь, вместе.

Матвей смотрел на Ирку.

Девочка сидела на разложенной на полу подстилке, скрестив ноги, и вертела в руках обрывок ленты. Свет от печки падал на крошечные диоды, и они вспыхивали разноцветными искрами — красными, зелёными, синими. Ирка подносила ленту ближе к глазам, отдаляла, снова приближала, и на её лице была та особенная, детская сосредоточенность, которая бывает только когда рассматриваешь настоящее чудо.

Она почувствовала, что на неё смотрят, и резко подняла голову в его сторону. Он подмигнул ей. Она улыбнулась, показала светодиодную ленту.

Матвей смотрел на неё и думал: «Ради этого стоило рисковать. Ради этого стоит жить дальше».

Она смотрела на него и улыбнулась. Беззвучно, одними уголками губ, но в этой улыбке было столько света, что у Матвея потеплело внутри.

Вера Павловна оторвала глаза от лент. Посмотрела на Петровича. Тот всё ещё пил чай, делая вид, что поглощён этим важным делом.

Она шевельнула губами. Без звука, одними губами, но он понял:

«Спасибо».

Петрович кивнул. Отвёл взгляд в сторону, уставился на огонь в печке.

Но Матвей видел. Видел, как дрогнуло лицо старика. Как на миг стало мягче, моложе.

И в этот момент Валера отложил мультиметр. Вздохнул. Глубоко, тяжело, так, что все обернулись.

Вид у него был ещё более хмурый, чем обычно. Он почесал затылок, покосился на ленты, на Веру Павловну, на Петровича. Потом встал, молча прошёл в свой угол, к железному шкафу, который называл сейфом. Долго там возился, что-то искал, перебирал.

Вернулся с коробкой.

— Не хочу портить вам настроение, — сказал он, глядя куда-то в сторону, потом на коробку в своих руках.

Петрович насторожился. Вера Павловна замерла, всё ещё держа руки на лентах.

— Но эти светодиоды, — Валера поднял глаза, — не совсем то, что надо.

— Как так? — Петрович даже кружку отставил. — Синие же. Ты сам говорил — синий спектр нужен.

— Синие-то они синие, — Валера поставил коробку на стол и открыл крышку. — Да не та это синева, что надо. Спектр не тот. И мощность маленькая.

Он перевернул коробку, и на стол, рядом с принесёнными лентами, высыпалась россыпь светодиодов. Точно таких же, как в лентах. Мелкие, квадратные, синие.

— У меня таких вагон, — глухо сказал Валера. — Я думал — пригодятся. А они они для индикации хороши. Для подсветки. Для растений от них толку — как от козла молока. Вяло растут. Выживаемость маленькая.

Тишина повисла в гостиной. Тяжёлая, густая, как пепел снаружи.

Матвей смотрел на две россыпи диодов — одну на столе, другую из коробки Валеры. Одинаковые. Совершенно одинаковые.

Всё зря?

Он перевёл взгляд на Петровича. Тот сидел, уставившись на диоды, и молчал. Вера Павловна замерла, руки её бессиль-

но опустились на колени. Ирка, почувствовав напряжение, перестала вертеть ленту и смотрела на взрослых большими, испуганными глазами.

— Значит — начал Петрович и замолчал.

— А вот щётки, — вдруг сказал Валера, будто вспомнив что-то важное. — Щётки — то, что надо. Генератор на них будет как новый ходить. Это вы молодцы, это хорошо. Премию вам надо выдать Обоим. Теперь подвал на годы обеспечен щётками.

Он говорил и, кажется, сам понимал, как жалко это звучит после его вердикта о диодах.

Все молчали.

Матвей чувствовал, как усталость наваливается на плечи тяжёлым грузом. Ноги гудели, спина ныла, глаза слипались. И на душе было пусто и холодно. Он посмотрел на Ирку. Девочка всё ещё держала обрывок ленты. Свет от печки падал на диоды, и они горели синим. Красиво горели. Бесполезно.

Матвей перевёл взгляд на Петровича. Тот молчал, глядя на огонь. На Веру Павловну — она сидела, опустив плечи. На Валеру — тот виновато прятал глаза.

— Ладно, — сказал Матвей и сам удивился своему голосу. — Не всё же сразу.

Все подняли на него глаза.

— Светодиоды не те — найдём другие. Щётки есть, генератор работать будет. А мы — Он запнулся, подбирая слова. — Мы вернулись. Все. Значит, есть кому завтра выйти

наружу.

Петрович посмотрел на него долгим взглядом. Потом кивнул.

— Верно, — сказал он. — Живы — и ладно. Огород подождёт.

Вера Павловна чуть заметно улыбнулась — устало, но тепло. Валера вздохнул, но уже не так тяжело.

Ирка, ничего не понимая, но чувствуя, что напряжение спало, снова уткнулась в свою ленту. Синие огоньки плясали в её глазах.

Матвей смотрел на неё и думал: «Ради этого стоило рисковать. Ради того, чтобы она сидела здесь, в тепле, и смотрела на огоньки. Чтобы была жива. Чтобы улыбалась».

Всё остальное — потом. Когда-нибудь. Главное — они есть друг у друга.

Печка потрескивала. Где-то за стеной капала вода. Ирка вертела в руках светящуюся ленту. А Матвей сидел и смотрел на них.

Чай уже допили, разговор угасал, усталость брала своё. Вера Павловна собирала кружки, Ирка клевала носом. Валера в который раз ковырялся в лентах, хотя всем было ясно — толку от них нет.

И тут Петрович, молчавший всю дорогу, вдруг заговорил.

— А Матвей наш сегодня герой, — сказал он, глядя на него, — сегодня молодец.

Матвей поднял голову.

— Чего? — не понял он.

— В магазине, — Петрович по-прежнему смотрел на него. — Мы наткнулись на ночлежку «диких». А он взял, дверь закрыл за «дикими». Да так закрыл, что замуровал их там.

Валера отложил ленты, прислушался. Вера Павловна замерла с кружкой в руках. Даже Ирка, почувствовав напряжение, обернулась.

Петрович вкратце рассказал подробности.

— Я когда туда заглянул, — продолжил Петрович, и голос его чуть дрогнул, — у меня чуть сердце не остановилось. Стоят. Рядом. Двадцать «диких», не меньше. Спят стоя, как статуи, глаза закрыты, гадят под себя, но в любой момент могли проснуться. Я думал — всё, хана. Надо сваливать, пока не поздно. Забыть про всё и бежать, пока ноги несут.

Он перевёл дух, взял кружку, отхлебнул уже остывший чай.

— А этот, — Петрович кивнул на Матвея, — хоп — и пошёл, пошёл, пошёл. Арматуру нашёл, дверь закрыл, согнул прут так, что теперь хрен откроешь. Пока они там внутри, наружу не выйдут. Ни сегодня, ни завтра, ни через неделю.

Валера присвистнул тихо.

— Всех запер? — переспросил он.

— Всех, — подтвердил Петрович. — Вся ночлежка. Два десятка тварей, которые сегодня ночью вышли бы на охоту. А теперь сидят в мышеловке.

Семён, дремавший у двери, вдруг подал голос. Хрипло,

задумчиво, будто сам с собой разговаривал:

— Наверняка они там друг друга жрать начнут. Через месяца два от силы пара останется. Самые крепкие. Если дверь выдержит.

В гостиной повисла тишина.

Матвей смотрел в стол. Ему не было стыдно. И не было радости. Было только странное, тяжёлое спокойствие. Он сделал то, что должен был сделать. То, что сделал бы на его месте любой, кто хочет выжить.

— Молодец, Матвей, — тихо сказала Вера Павловна.

А Петрович уставился на огонь.

— Запомни, — сказал он негромко. — Такие вещи запоминаются. И не только нам. Ты сегодня не просто дверь закрыл. Ты нас спас. И ещё неизвестно, сколько людей эти твари завтра не сожрут благодаря тебе.

Матвей кивнул.

Наверху было уже темно. А здесь, внизу, было светло, тепло.

Все разошлись.

Валера уполз в свой угол, унося разочарование и щётки — единственную реальную добычу этого дня. Вера Павловна долго ворочалась за занавеской, но потом дыхание её выровнялось — уснула. Ирка сопела рядом с ней, прижимая к себе обрывок светодиодной ленты — притащила в кровать, будто это игрушка.

Матвей на своей койке лежал тихо, но Петрович знал —

не спит. Глаза в потолок, мысли где-то там, в магазине, у двери с «дикими». Или у той ямы, где Жору потерял.

Петрович лежал на спине и смотрел в темноту.

Спать не хотелось. Вернее, хотелось — дико, до ломоты в костях, — но сон не шёл. Мысли крутились, как белка в колесе, и остановить их было нельзя.

Светодиоды. Проклятые синие диоды, которые оказались не теми.

Он представил, как Валера сидит сейчас у себя и, наверное, тоже не спит. Тоже думает. Тоже ищет решение. Валера — мужик умный, он что-нибудь придумает. Может, эти ленты можно перепаять. Может, диоды там всё-таки работают, просто спектр чуть другой, и для зелени хватит. Может

Петрович зажмурился.

«Может» — это для дураков. Для тех, кто надеется на чудо. А он, Петрович, за свою жизнь выучил: чудес не бывает. Бывает только то, что ты нашёл, выменял, отбил с боем. А если не нашёл — значит, нету.

Он вспомнил, как Вера Павловна смотрела на эти ленты. Как руки её дрожали, когда она их трогала. Она так редко чему-то радовалась, так редко позволяла себе надеяться. А тут — засветилась вся, как та лента в руках у Ирки.

Ирка.

Мысль кольнула остро, как арматура, что проткнула Жору.

Если у них не будет нормального света для огорода, зелень

не вырастет. Не будет витаминов. А без витаминов — хана всем. Цинга.

Петрович знал, что такое цинга. Видел один раз, ещё в первые годы, когда прибился к одной группе. Мужик там был, лет сорока, здоровый, крепкий. А через два месяца без зелени — зубы выпали, дёсны кровоточили так, что он плевался красным. Ещё через две недели слёг и больше не встал.

Сдох. Просто сдох от того, что жрать было нечего, кроме перловки и консервов.

Они протянут. Мужики протянут. Вера, Валера, Семён, Матвей, он сам — они всё выдержат. Но Ирка

Она маленькая. Хрупкая. Она и так весит, как воробей. Если цинга начнётся — она сляжет первой. Первой.

Петрович сжал кулаки под одеялом. До скрежета пальцев, до боли.

Он представил: Ирка лежит на койке, бледная, губы в крови, зубы шатаются. Смотрит своими большими глазами и молчит. Она всегда молчит. А он стоит рядом и ничего не может сделать.

Сердце забилось чаще, в висках застучало.

— Твою мать, — прошептал он одними губами.

Теперь это будет с ним всегда.

К грузу ответственности, который он тащил каждый день — за воздух, за воду, за тепло, за свет, за еду, — добавился ещё один камень. Тяжёлый, острый, как осколок стекла.

Мысль о том, что если они не найдут эти треклятые диоды,

Ирка умрёт.

Она будет висеть над ним, как Дамоклов меч. Зудеть где-то в затылке, не давать спать по ночам, дёргать каждый раз, когда он смотрит на девочку. Она будет с ним везде: в вылазках, в «жёлтой», за едой, в редкие минуты покоя.

Он уже чувствовал этот зуд. Вот он, уже прямо сейчас, свербит где-то под черепом. Петрович перевернулся на бок, пытаясь устроиться поудобнее. Не помогло.

За стеной капала вода в отстойник. Кап. Кап. Кап.

Каждая капля — как напоминание: время идёт. Ресурс тает. Цинга ближе.

А диодов нет.

Петрович снова перевернулся на спину, уставился в потолок. Тени от печки плясали на бетоне, складываясь в причудливые узоры.

Где-то там, за стенами, лежал мёртвый город. В нём было всё. Были фитолампы. Были склады с семенами и удобрениями. Всё это где-то было.

Надо только найти. Найти, достать, принести. Рискнуть. Снова.

Петрович вздохнул тяжело, всей грудью. Закрыл глаза.

Завтра будет новый день. Новые планы. Новые риски.

А пока — надо спать. Надо отдыхать. Потому что завтра снова вставать и снова искать способ, как спасти тех, кто спит рядом и даже не знает, как близко смерть.

Он уснул под утро, так и не найдя ответа.

Но мысль осталась. Она никуда не уходила. Она затаилась. Она ждала.

Глава 19

Новое утро наступило как обычно. Почти.

Матвей осознал, что проснулся, от простых, человеческих звуков — не от крика внутри головы и не от оглушительной тишины, давящей снаружи. Вера Павловна возилась у печки, позвякивала посудой. Он открыл глаза, уставился в потолок. Загудела вентиляция. Где-то справа зашуршало. Кашлянул Петрович.

Матвей лежал, глядя на трещину в побелке. Обыкновенная трещинка. Таких сотни, если вглядеться. Но увидел он её впервые. Только сейчас.

«Вот так живёшь — и не замечаешь обычных вещей, которые окружают тебя каждый день. Где взяли известь для этого потолка? Кто его белил? Семён, Петрович или те, кто вышел из подвала и никогда уже не вернулся? Их нет, а их работа осталась. Даже такая — просто побеленный потолок».

Он помолчал, вглядываясь в белёсую трещину, которая тянулась от угла к углу, как старая, забытая рана.

«А что останется после меня? Вспомнят ли добрым словом? Или вздохнут с облегчением, узнав, что меня больше нет?»

Матвей повернулся к свисающей с перегородки ткани — старому одеялу, которое отделяло его угол от общего пространства. Приоткрыл занавеску.

Ирка уже сидела на своём стуле, теребя край обивки, и смотрела на него своими большими, серьёзными глазами. Он моргнул ей. Она улыбнулась — беззвучно, одними уголками губ — и махнула рукой: «Давай! Вставай!» Потом указала на стол: «Сейчас кушать будем!»

Матвей кивнул, задвинул занавеску.

Из дальнего угла доносились голоса. Валера что-то ворчал про «вчерашнюю нагрузку» и «старые кости». Семён кашлянул и выругался сквозь зубы — привычно, без злости, скорее для порядка.

Матвей откинул одеяло, сел. Потёр плечо — привычная ломота никуда не делась. Потом, уже инстинктивно, помассировал ступню, прогоняя ноющую боль, которая стала такой же частью утра, как тиканье дозиметра на стене.

Натянул свитер, штаны, сунул ноги в самодельные чуни — и вышел в гостиную.

Там было тепло. Пахло дымом, кашей и чем-то ещё, неуловимым, что называлось «дом».

За столом уже сидели. Вера Павловна разливала по кружкам «чай» — тёплую воду, подкрашенную сушёными листьями и чуть подслащённую сахарозаменителем из квартиры ЗОЖника. На столе дымились миски с кашей — перловка, заправленная остатками вчерашнего кошачьего корма и щепоткой соли. Отдельно, на дощечке, лежали тонкие ломтики какой-то сушёной травы — Вера Павловна называла это «приправой» и утверждала, что это очень полезно.

Матвей сел на своё место, взял ложку, подвинул миску. И поймал себя на мысли, что уже с утра думает об этой каше.

Не потому что голоден. Голоден он был всегда — это стало фоновым состоянием, как дыхание. А потому что приём пищи теперь был событием.

В мире, где все развлечения свелись к бесконечным партиям в засаленные карты, к шахматам с самодельными фигурками из пробок и к разглядыванию одних и тех же старых журналов, найденных в развалинах, — еда, кроме всего прочего, стала главным ритуалом.

Они обсуждали её. Вспоминали, что ели когда-то. Планировали, что будут есть, если найдут. Каждая ложка каши, каждая крошка сухаря имели значение. Даже этот жалкий завтрак — он был не просто топливом. Он был точкой отсчёта. Якорем, который держал их в расписании, не давал провалиться в бесконечную серую муть, где дни сливаются в один сплошной мрак.

Матвей смотрел, как Ирка старательно вылизывает ложку, как Валера жуёт медленно, с закрытыми глазами, будто пробует деликатес, как Петрович отламывает крошечный кусочек сушёной травы и кладёт в рот, смакуя.

«Мы сошли с ума, — подумал он без горечи. — Мы превратились в людей, для которых завтрак — это театр».

Но, наверное, именно это и значило — оставаться людьми. Находить радость в том малом, что осталось.

Каша кончилась быстро. Съели её молча, сосредоточенно,

но когда последняя ложка была выскоблена, тишина сменилась лёгким, почти домашним оживлением.

— Спасибо, Вера Павловна, — первым подал голос Матвей, отодвигая пустую миску. — Очень вкусно.

— Спасибо, мать, — поддержал Петрович, и в его обычно хриплом голосе вдруг прорезались тёплые, почти ласковые нотки. — Сытный завтрак — половина удачного дня. А у тебя он сегодня — царский.

Валера откинулся на спинку стула, довольно поглаживая живот, хотя съел он от силы ложек пять. Но это было не столько насыщение, сколько ритуал — возможность почувствовать себя человеком, за одним столом, в тепле.

— И правда, Вера Павловна, — добавил он, причмокнув. — Прямо как в той жизни ну, вы понимаете.

Семён промолчал, но коротко кивнул и даже улыбнулся одними уголками губ.

Вера Павловна молча собрала миски, вытерла стол тряпкой — старательно, до скрипа, будто в этом простом действии был свой, отдельный смысл. Ирка помогла ей, аккуратно сложив ложки в жестяную банку. Звякнул металл — и этот звук на секунду перекрыл даже потрескивание углей в печке.

— Ещё чай есть, — сказала Вера Павловна, выпрямившись и окинув взглядом сидящих. — Кому добавки? Только без сахара уже. Последнее досыпала сегодня.

— А давай! — Петрович решительно поднялся, взял свою

кружку и, не спеша, направился к печке, где на краю стояла кастрюля с заваренными отростками. Помешал, налил себе, понюхал, довольно хмыкнул. Повернулся к столу, держа кружку в обеих руках, словно священную чашу.

— Мужики, тут на всех хватит, — сказал он, поднося кружку к лицу. Сделал маленький глоток, зажмурился от удовольствия — не притворного, а настоящего, того, что бывает, когда после долгого холода находишь что-то тёплое.

— Вкуснотища! Сегодня Вера в ударе. Превзошла сама себя.

Он сел за стол, поставил кружку перед собой и с наслаждением потянул носом горьковатый, травянистый пар.

Валера с Семёном переглянулись. И, не сговариваясь, поднялись. По очереди подошли к печке, налили себе — Валера осторожно, чтобы не расплескать, Семён чуть грубовато, но с той же неторопливой важностью. Вернулись, уселись. Чиркнули кружками, будто чокались — не громко, почти неслышно, но все заметили этот жест.

— Хорошо посидели, — сказал Валера, грея ладони о керамику. — Давно так не собирались.

— Ага. Давно. Со вчерашнего ужина, — сказал Семён на полном серьёзе.

— Погода располагает, — усмехнулся Петрович, кивнув в сторону стены, за которой с вечера выл ветер.

Матвей смотрел на них, слушал этот неспешный, почти мирный гул голосов и думал: «Вот она, настоящая роскошь.

Не еда, не тепло — а это. Минута, когда все живы, когда никто не торопится, когда можно просто сидеть за столом и пить чай. Пусть даже и пустой».

Он допил свой, поставил кружку на стол и решил, что добавки ему не надо.

— Ну что, — Петрович отодвинул пустую кружку к себе, дождавшись, пока остальные рассядутся. — Мужики, давайте-ка помозгуем за чаем. Надо обдумать план на будущее. Куда нам с Матвеем путь прокладывать.

Валера сразу подобрался — выпрямился, положил руки на стол, будто собирался не чай пить, а чертёж защищать. Матвей молча кивнул. Семён сделал суровое лицо — то самое, какое у него появлялось, когда речь заходила о чём-то серьёзном. Вера Павловна, не проронив ни слова, понятливо увела Ирку за занавеску. Девочка оглянулась на Матвея, беззвучно спросила глазами: «Скоро?» Он чуть заметно кивнул — и она скрылась за тканью.

Карта лежала на прежнем месте, исчёрканная новыми пометками — крестиками, кружочками, стрелками. Каждая закорючка напоминала о вылазке, о риске, о том, что когда-то здесь ещё можно было найти еду, а теперь — только пепел и тишина. Петрович взял карандаш, жирно перечеркнул прямоугольник «Светосилы» крест-накрест и вывел рядом корявыми, но разборчивыми печатными буквами: ДИКИЕ.

— Хотим мы того или нет, — сказал он, обводя взглядом сидящих, и в голосе его прозвучала та самая тяжёлая, въев-

шаяся в кости усталость, которую он никогда не показывал при чужих, — но в нашем районе, таком привычном и обшаренном вдоль и поперёк, всё меньше мест, где мы не были. Надо расширять зону вылазок.

Матвей, вспомнив, как на прошлом задании дополнительные баллоны мешали двигаться, били по спине при каждой перебежке и норовили съехать набок, хмуро заметил:

— С дополнительными баллонами не очень-то побегаешь. Лишний вес нехилый. А если ещё и груз на обратном пути — так вообще коленки откажут.

Петрович кивнул — согласие, подкреплённое собственным опытом, когда каждое лишнее железо врезалось в рёбра.

— Вот поэтому, — он ткнул карандашом в карту, оставляя короткую серую чёрточку, — предлагаю организовать нычки с заправленными баллонами. На расстоянии двухтрёх часов ходьбы. Чтобы можно было прийти, сбросить пустой, подключить полный и идти дальше налегке. Как этапные пункты.

Он перевёл палец в направлении, куда они ещё ни разу не совались, — дальше, за границу обжитого пространства, туда, где даже их следы терялись в пепле.

— Вот тут, например. Заодно прошвырнёмся по новому месту. Пощупаем, понюхаем, что там и как. Смотрите, что тут имеется.

Он обвёл пальцем большой прямоугольник на карте. Все, кто сидел за столом, подались вперёд, вглядываясь в потёр-

тую типографскую бумагу, на которой когда-то были нарисованы парки, скверы, детские площадки — а теперь только пустые контуры.

— Зимний сад, — прочитал Петрович вслух, и в голосе его мелькнула нотка сомнения, смешанная с любопытством. Он прищурился, глядя на механика. — Валера, твой профиль. Что скажешь?

Валера потянулся к карте, поднялся со стула, опираясь на край стола. И в глазах его загорелся знакомый огонёк — тот самый, с которым он брался за решение новых вызовов, за создание механизмов, которые, казалось, уже никто не мог оживить.

— Постой-ка — он провёл пальцем по бумаге, будто пытаясь нащупать невидимую связь с тем местом. — Там же раньше и пальмы росли, и всякие тропические цветы. Это ж целый комплекс оранжерей был. Я по телевизору репортаж видел, ещё до всего этого.

Он обвёл рукой вокруг — то ли показывая масштабы, то ли просто не находя слов, чтобы передать, насколько это было грандиозно.

— Они же там это всё как-то освещали. Там должны быть лампы. Специальные, для растений. — Голос его зазвенел от нетерпения, того самого, что заставляет забыть об осторожности. — Может, и...

Он замер, боясь сглазить, боясь, что если договорит — мечта рассыплется, как та карта, которую они перечертили

уже сотню раз.

Все молчали. Только печка потрескивала, да где-то за стеной ветер выл свою бесконечную песню. А Валера стоял, вцепившись пальцами в край стола, и в глазах его горела надежда — хрупкая, почти смешная, но настоящая. Та, ради которой стоило идти в неизвестность.

— Может, и светодиоды с нужным спектром там есть? — подхватил Петрович, и в голосе его неожиданно прорезалось что-то мальчишеское, почти азартное. — Да может, даже целые фитолампы где-нибудь в грязи валяются, ждут, когда мы их найдём? — Он мечтательно покачал головой, глядя в потолок, будто пытался разглядеть сквозь бетон тот самый зимний сад. — Красиво излагаешь, Валера. Красиво.

Семён, сидевший на своём обычном месте у двери, с обрезом на коленях, хрипло вставил своё слово. Голос его прозвучал как скрежет ржавого замка:

— Красиво-то красиво. Только кто туда полные баллоны таскать будет? У нас людей раз-два и обчёлся. Ты, да Матвей. Да я, но я теперь, сам знаешь, не шибко-то ходок.

Он похлопал себя по культе — не жалуясь, а скорее констатируя факт, как о погоде или о том, что фильтры скоро менять. Жест был привычным, почти машинальным, но в нём читалась вся горечь человека, который когда-то ходил наравне со всеми, а теперь вынужден сидеть у порога.

В гостиной повисла пауза. Только печка потрескивала, выбрасывая в трубу снопы искр, да где-то за стеной ветер

вздыхал, набираясь сил перед долгой ночью. И в этой тишине Валера, всё ещё вдохновлённый миражом зимнего сада, подал голос — негромко, но твёрдо:

— Я я могу ходить наружу.

Все обернулись к нему. Валера сидел, выпрямившись, расправив плечи, и смотрел на Петровича с такой надеждой, будто речь шла не о смертельном риске, а о путёвке в санаторий, о которой он мечтал последние три года. Пальцы его нервно теребили край скатерти, но голос не дрожал.

Петрович вздохнул. Тяжело, протяжно, всей грудью — так вздыхают перед тем, как принять решение, которое может стоить жизни.

— Валера, — сказал он негромко, но в этом голосе не было привычной жёсткости. — Ты у нас главный механик. Без тебя тут всё развалится. Воздух, свет, вода — всё на тебе. Если с тобой что случится — мы тут все просто сдохнем в темноте и вони. Ты это понимаешь?

Валера потупился, уставившись на свои руки — покрытые шрамами, с намертво въевшейся в кожу копотью, с пальцами, скрюченными артритом. Но в глазах его надежда ещё теплилась, как уголёк в пепле.

— Понимаю, — тихо сказал он. — Но я тоже хочу быть полезным. Не только здесь, внизу. Я ведь когда-то и на высоте работал, и на крышах лазил, пока ноги носили. Я не разучился. — Он поднял взгляд на Петровича. — Просто дайте шанс.

Петрович смотрел на него долго, очень долго. Может быть, целую минуту. В комнате было слышно, как на раскалённой печке потрескивает чугун, как Ирка возится за занавеской, не в силах усидеть на месте. Потом старик махнул рукой — устало, но не без надежды:

— Чёрт с тобой.

Валера встрепенулся, глаза его заблестели, но Петрович сразу осадил его, подняв палец:

— Таскаться с собой далеко я тебя не возьму. Ты стар, Валера, для марш-бросков по развалинам, сам знаешь. Но если хочешь глотнуть «свежего воздуха», так и быть, проветришься.

Валера распрямился, даже привстал со стула, будто боялся, что старик передумает.

— Можешь выходить наружу, — продолжал Петрович, загибая пальцы, — и помогать менять фильтры на внешке, подшипники смазывать, винты снимать и ставить, проводку чинить, уплотнители подкручивать. Всю ту бесконечную работу, что ты каждую неделю заставлял нас делать в Штиль. Но — или со мной, или с Матвеем. Один — ни ногой. Согласен?

Валера закивал так радостно, что даже Семён, обычно хмурый и недоверчивый, усмехнулся в свои седые усы. На мгновение его лицо смягчилось, и он вдруг показался не суровым стражем, а просто старым уставшим человеком, который тоже когда-то мечтал выйти на свет.

— Согласен! — выпалил Валера. Голос его звенел от нетерпения, как натянутая струна. — Как раз сегодня надо обслужить ветряк на крыше! — Он схватился за край стола, будто собирался немедленно встать и бежать.

— Кто со мной пойдёт? — обвёл он взглядом сидящих.

Матвей поднял руку, не дожидаясь, как отреагирует Петрович. Жест получился спокойным, даже будничным — словно он вызывался не на смертельный риск, а на очередную рутинную работу.

— Я схожу. — Его голос прозвучал ровно, без тени бравады. Просто — надо, значит, пойду.

Петрович кивнул, и в этом коротком движении головы было всё: и принятое решение, и снятая с души тяжесть, и молчаливое доверие тем, кто остался.

Семён снова стал каменным — его лицо вновь приняло привычное, непроницаемое выражение стража, который не позволяет себе ни улыбки, ни слабости. Только желваки чуть заметно двигались под щетиной.

А Валера сиял. По-настоящему, по-детски, так, что даже тусклый свет подвала, казалось, стал ярче. Он не улыбался — он светился изнутри, как новогодняя гирлянда, которую наконец-то включили после долгих лет забвения. Пальцы его, только что сжимавшие край стола, теперь лежали спокойно, и мелкая дрожь, мучившая его последние дни, куда-то ушла.

— Семён, — Петрович кивнул в сторону старшего стра-

жа, — бери Валеру и снаряди ему костюм на выход. Чтоб чики-пуки всё было. Чтоб не скрипело, не пропускало и не подводило. Как только ты это делать умеешь.

Он сказал это буднично, почти небрежно, но все, кто знал Петровича, услышали в его голосе то самое — уважение к труду механика и заботу, которую он никогда не выказывал напрямую.

— Не переживай, — отозвался Семён, поднимаясь. В голосе его прозвучала привычная хрипотца, но теперь в ней не было враждебности. — Снаряжу Валеру. Проведу инструктаж по полной. Как для себя сделаю. — Он покосился на механика, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на одобрение. — И чтоб, значит, не только костюм, но и голова на месте была. А то знаю я вас, умников.

— Семён, ты это — Валера замялся, не зная, как выразить благодарность. — Поаккуратнее, ладно? Я, может, в первый и последний раз.

— В первый — не последний, — отрезал Семён, но беззлобно. — Сделаем так, чтоб ты ещё сто раз захотел выйти. Ну, пошли. Времени в обрез.

Он махнул рукой, приглашая механика следовать за ним, и направился к выходу из гостиной, опираясь на костыль. Валера торопливо засеменил следом, путаясь в собственных ногах от нетерпения, и в дверях они скрылись — два старика, один из которых потерял ногу, но не потерял уважения к себе, а другой — нашёл в себе мужество, чтобы впервые за

три года шагнуть наружу.

Петрович смотрел им вслед, потом перевёл взгляд на Матвея.

— Ну что, молодой, — сказал он тихо. — Гляди там за ним. Чтоб не надышался, не наступил, не свалился. Он там первый раз за столько времени. А ты уже опытный.

— Присмотрю, — кивнул, посмеиваясь Матвей.

— Знаю. Потому и посылаю. Но смотри. Смех смехом, а там, — он кивнул в сторону выхода, — там, чтоб, никакого смеха. Усёк?

Матвей прогнал улыбку.

— Усёк.

С этими словами Петрович взял кружку с остывшим чаем, сделал глоток и поморщился — но допил до конца. Не пропадать же добру.